

Джек Лондон Смок Беллью

КНИГА ПЕРВАЯ СМОК БЕЛЛЮ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВКУС МЯСА

1

Сначала он был Кристофер Беллью. В колледже он превратился в Криса Беллью. Позже, в кругах сан-францисской богемы, его прозвали Кит Беллью. А в конце концов он стал Смок Беллью, и иначе его уже не называли. История превращений его имени была историей его собственных превращений. Не будь у него любящей матери и железного дяди и не получи он письма от Джиллета Беллами – ничего бы не получилось.

«Я только что просмотрел номер „Волны“, – писал Джиллет из Парижа. – Не сомневаюсь, что дело у О'Хара пойдет. Однако он еще не знает всех тонкостей ремесла. (Следовали советы, как улучшить молодой великосветский еженедельник.) Сходи в редакцию и поговори с О'Хара. Пусть он думает, что это твои собственные соображения, не поминай меня. А то он сделает меня своим парижским корреспондентом; мне же это очень невыгодно, потому что я сотрудничаю в больших журналах, где по крайней мере деньги платят. Прежде всего внуши ему, чтобы он выгнал болвана, который дает ему критические заметки о живописи и о музыке. Кроме того, в Сан-Франциско всегда была своя литература, а теперь нет никакой. Скажи О'Хара, пусть постарается найти осла, который согласится поставлять для „Волны“ серию рассказов – романтических, ярких, полных настоящего сан-францисского колорита».

Кит Беллью отправился в редакцию «Волны», чтобы честно выполнить все советы Джиллета. О'Хара выслушал. О'Хара стал спорить. О'Хара согласился. О'Хара выгнал болвана критика. А затем О'Хара проявил свой характер, тот самый, которого так боялся Джиллет, сидя в далеком Париже. Когда О'Хара чего-нибудь хотел, ни один приятель не мог ему отказать. Он был ласково и неотразимо настойчив. Кит Беллью, прежде чем успел вырваться из редакции, стал помощником редактора, дал согласие поставлять несколько столбцов рецензий, пока не найдется кто-нибудь взамен, связал себя обещанием давать в каждый номер рассказы по десять тысяч слов из жизни Сан-Франциско – и все это совершенно бесплатно. «Волна» еще не имеет возможности платить, объяснил О'Хара, и с не меньшей настойчивостью заявил, что во всем Сан-Франциско есть только один человек, который способен написать такую серию рассказов, и этот единственный человек – Кит Беллью.

– А ведь ослом-то оказался я! – стонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

Так начал он работать на О'Хара и на ненасытные столбцы «Волны». Неделю за неделей просиживал он в редакционном кресле, выпроваживал кредиторов, ссорился с наборщиками и при всем том умудрялся выжимать из себя для каждого номера по двадцать тысяч слов. Облегчения не предвиделось. «Волна» была честолюбива. Честолюбие заставляло выходить ее с иллюстрациями. Иллюстрации стоили дорого. Денег не хватало ни на уплату Киту Беллью, ни на привлечение новых сотрудников.

– Вот что значит быть добрым малым, – проворчал однажды Кит.

– Побольше бы таких! – со слезами на глазах воскликнул О'Хара, пылко пожимая руку Кита. – Ты мой спаситель, Кит. Только благодаря тебе я не прогорел. Еще немного, милый друг, и все наладится!

– Не верю, – уныло проговорил Кит. – Мне ясна моя судьба. Я обречен торчать здесь вечно.

Через несколько времени Кит придумал выход. Выбрав удобный момент, он в присутствии О'Хара потерял сознание и повалился в первое попавшееся кресло. Немного погодя он тяжело рухнул всем телом на письменный стол и судорожным движением рук опрокинул горшочек с клейстером.

– Поздно лег вчера? – осведомился О'Хара.

Кит старательно протер глаза и, прежде чем ответить, долго с недоумением оглядывался по

сторонам.

– О нет, не в том дело. Глаза! Они словно выскакивают из головы.

С тех пор Кит каждый день наткался на стены и опрокидывал редакционную мебель. Но сердце О'Хара не смягчилось.

– Вот что, Кит, – сказал он однажды. – Тебе необходимо показаться главному врачу. Пойди к Хасдэплу. Шикарный доктор. Платить тебе не придется: мы напечатаем его объявление. Я с ним сам поговорю.

О'Хара сдержал слово, и Киту волей-неволей пришлось отправиться к врачу.

После длительного осмотра врач вынес такой приговор:

– Совершенно здоровые глаза! Исключительное зрение, замечательное. Таких глаз одна пара на миллион людей.

– Не говорите этого О'Хара! – взмолился Кит. – И пропишите мне, пожалуйста, темные очки.

Единственным результатом этой проделки было то, что О'Хара все время выражал Киту свое сочувствие и тотчас же восторженно заговаривал о прекрасном будущем, которое ждет их, когда «Волна» прочно станет на ноги.

К счастью, у Кита были средства. Сравнительно скромные, они все-таки давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале. С тех пор, как он сделался помощником редактора «Волны», его личные расходы значительно сократились. У него не было времени тратить деньги. Мастерскую он забросил и больше не угощал местную богему своими знаменитыми ужинами, состряпанными на жаровне. И все-таки у него вечно не было наличных денег. Незадачливая «Волна» дочиста опустошала не только его мозг, но и карманы. Иллюстраторы время от времени отказывались набирать, мальчишка-рассыльный время от времени требовал расчет. Взглянет в такую минуту О'Хара на Кита – и Кит заплатит все.

Когда пароход «Эксцельсиор», прибывший из Аляски, всполошил всю страну известием о клондайкской золотой лихорадке, Кит осмелился сделать О'Хара следующее легкомысленное предложение.

– Послушай, О'Хара, – сказал он. – Золотая лихорадка будет расти. Повторятся дни сорок девятого года. Отпусти меня в Клондайк – корреспондентом от «Волны»! Я поеду на свой счет.

О'Хара покачал головой.

– Мне без тебя не обойтись в редакции, Кит. Серия рассказов еще не закончена. Да, кроме того, я только что беседовал с Джексоном. Завтра он уезжает в Клондайк и согласился еженедельно присылать нам письма и снимки. Без этого я не отпустил бы его. И как удачно, что мы все получим совершенно бесплатно.

Вечером Киту удалось вырваться в клуб. Встретив в клубной читальне своего дядю, он снова услышал о Клондайке.

– Здравствуй, дядя! – воскликнул Кит, погружаясь в кожаное кресло и вытягивая ноги. – Присаживайся!

Кит заказал коктейль, а дядюшка удовлетворился местным водянистым красным вином, которое было его излюбленным напитком. Он неодобрительно глянул на бокал с коктейлем, потом перевел взгляд на лицо племянника. Кит почувствовал, что ему не миновать нахлобучки.

– Я тороплюсь, – поспешил он объяснить. – Мне надо еще успеть в галерею Эллери, на выставку Кейта, и накатать о ней по крайней мере полстолбца.

– Что с тобой? – спросил дядя. – Ты бледен. На тебе лица нет.

Кит вздохнул.

– Кажется, скоро я буду иметь удовольствие похоронить тебя, – продолжал дядя.

Кит уныло покачал головой:

– Не хочу беспокоить червей! Предпочитаю крематорий.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, закаленному племени, которое в пятидесятых годах переправилось через прерию в повозках, запряженных волами. К суровому закалу, унаследованному им от предков, прибавился закал трудного, тревожного детства, прошедшего в пору освоения новой земли.

– Ты живешь не так, как надо, Кристофер. Мне стыдно за тебя.

– Мот и кутила, не так ли? – рассмеялся Кит.

Дядя пожал плечами.

– Не гляди на меня так уничтожающе, дядюшка, – сказал Кит. – Кутежи – вещь неплохая, но, к сожалению, ты ошибаешься. Я давно перестал кутить: у меня нет времени.

– В чем же дело?

– Работа замучила.

Джон Беллью расхохотался.

– Право?

Он опять рассмеялся.

– Человек – продолжение окружающей среды, – изрек Кит, указывая на дядюшкин стакан. – Смех твой горек и жидок, как вино в твоём стакане.

– Работа замучила! – язвительно повторил дядюшка. – Да ты не заработал ни одного цента за всю свою жизнь.

– Нет, заработал, но не получил. Я зарабатываю пятьсот долларов в неделю и работаю за четверых.

– Картины, которых никто никогда не купит? Модные пустячки, безделушки... Плавать умеешь?

– Когда-то умел.

– А ездить верхом?

– Пробовал и это.

Джон Беллью негодуяще фыркнул.

– Я счастлив, что твой отец в могиле и не видит тебя во всем твоём бесстыдстве. Твой отец был с ног до головы мужчина, понимаешь? Настоящий мужчина! Он выбил бы из тебя всю твою музыкальную и рисовальную дурь!

– Что делать! Таков наш упадочный век! – вздохнул Кит.

– Если б был какой-нибудь толк ото всех твоих искусств, – сердито продолжал дядя, – ну, это я еще понимаю, это я еще бы мог стерпеть. Но ты за всю свою жизнь не заработал ни цента и не знаешь настоящего труда мужчины!

– Гравюры, картины, веера... – перечислил Кит.

– Ты пачкун и неудачник. Какие ты картины написал? Несколько мутных акварелей и кошмарных плакатов. И ни разу ничего не выставил, Даже здесь, в Сан-Франциско.

– Одна моя картина висит в зале этого клуба.

– Мазня! А музыка? Твоя милая, но бестолковая мама тратила сотни на то, чтобы обучить тебя музыке. Но ты и тут осрамился. Ты даже пяти долларов не заработал, ну, хотя бы аккомпанируя кому-нибудь на концерте. Песенки твои? Дребедень, которую никто не печатает и никто не поет, кроме бездельников, прикидывающихся богемой.

– Я выпустил книжку. Помнишь, томик сонетов? – робко возразил Кит.

– Во сколько он тебе обошелся?

– Сотни две долларов, не больше.

– А еще у тебя какие заслуги?

– Одна моя пьеска ставилась как-то на открытой эстраде.

– И что ты получил за нее?

– Славу.

– А ведь ты когда-то умел плавать и пытался ездить верхом! – гневно воскликнул Джон Беллью, опуская бокал на стол с совершенно излишней стремительностью. – Скажи, ну куда ты годишься? Денег на твоё воспитание не жалели, но даже в университете ты не играл в футбол. Ты не умеешь грести. Ты не умеешь...

– Я занимался фехтованием и боксом. Немного.

– Когда ты тренировался в последний раз?

– Да после университета забросил; считалось, что я прекрасно рассчитываю расстояние и время, но только...

– Продолжай.

– Меня называли свободным художником.

– Скажи прямо: лентяем.

– Да, это примерно то же самое – в деликатной форме.

– Мой отец, сэр, а ваш дед, старый Исаак Беллью, одним ударом кулака убил человека, когда ему было шестьдесят девять лет.

– Кому было шестьдесят девять лет? Убитому?

– Нет, деду твоему, никчемный ты бездельник! Ты в шестьдесят девять лет не сможешь убить и комара.

– Времена переменялись, дядюшка. В наше время за убийство сажают в тюрьму.

– Твой отец проскакал однажды сто восемьдесят пять миль без отдыха и насмерть загнал трех лошадей.

– Живи они в наши дни, он благополучно храпел бы всю дорогу в купе спального вагона.

Дядя чуть было не вышел из себя, но сдержал гнев и спокойно спросил:

– Сколько тебе лет?

– Да как будто бы мне...

– Знаю, двадцать семь. Двадцати двух лет ты окончил колледж. Мазал, бренчал, строчил и болтался без дела пять лет. Так скажи мне, ради бога, куда ты годишься? В твои годы у меня была одна единственная смена белья. Я пас стада в Колузе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Я питался вяленой говядиной и медвежьим мясом. Ты вешишь около ста пятидесяти фунтов, а я хоть сейчас могу положить тебя на обе лопатки и намять тебе бока.

– Для того, чтобы опорожнить стакан коктейля или жидкого чая, не нужно быть силачом, – примирительно пробормотал Кит. – Неужели ты не понимаешь, дядюшка, что времена переменялись? И, кроме того, меня неправильно воспитывали. Моя милая бестолковая мама...

Дядю передернуло.

– ...судя по твоим рассказам, слишком меня баловала: держала в вате и так далее. А если бы я мальчишкой принимал участие в тех достойных мужчины забавах, за которые ты так ратуешь, я был бы теперь другим человеком. Скажи, почему ты никогда не брал меня с собой? Холл и Робби ездили с тобой и на Сьерры и в Мексику...

– Я считал тебя недотрогой и неженкой.

– Сам виноват, дядюшка, – ты и моя милая – гм – мама. Как я мог закалиться? Ведь меня считали недотрогой и неженкой. Что же мне оставалось, кроме гравюр, картинок да вееров? Моя ли вина, что мне никогда не приходилось добывать себе на хлеб в поте лица своего?

Старик с нескрываемым негодованием смотрел на племянника. Это легкомыслие и дряблость выводили его из себя.

– Я снова собираюсь отправиться в путешествие, достойное мужчины, как ты выразился. Приглашаю тебя.

– Запоздалое приглашение... Куда?

– Холл и Роберт отправляются в Клондаик. Я провожу их через перевал и спущусь с ними к озерам. Потом обратно.

Кит не дал ему договорить. Он вскочил со стула и схватил дядю за руку.

– Спаситель мой! – воскликнул он.

Джон Беллью недоверчиво насторожился. Он не ожидал, что его приглашение будет принято.

– А ты не шутишь? – спросил он.

– Когда мы отправляемся?

– Это очень трудное путешествие. Ты будешь нам обузой.

– Нет! Я буду все делать! «Волна» научила меня работать...

– Каждый должен взять с собой запасов на целый год. Народу будет такое множество, что индейцев-носильщиков не хватит на всех. Холлу и Роберту придется самим тащить свои припасы. Я затем и отправляюсь с ними, чтобы помочь им. Тебе придется тащить на спине столько же, сколько им.

– Испытай меня.

– Ты не умеешь носить тяжести.

– Когда мы отправляемся?

– Завтра.

– Пожалуйста, не воображай, дядюшка, что меня наставила на путь истинный твоя проповедь о пользе закалки, – сказал Кит, прощаясь. – Мне необходимо уехать из этого города, от О'Хара – куда угодно, лишь бы подальше.

– Кто такой О'Хара? Японец?

– Нет, он ирландец, рабовладелец и мой лучший друг. Он редактор и издатель и вообще главная шишка в «Волне». Он делает там все, что захочет.

Вечером Кит Беллью настроил О'Хара записку.

«Уезжаю всего лишь на несколько недель, – писал он. – Найми какого-нибудь чудака, пусть закончит за меня последний рассказ. Прошу прощения, милый друг, но этого требует мое здоровье. Вернусь и налягу на работу с двойным усердием».

2

Через несколько дней Кит Беллью высадился на обезумевший берег Дайи, заваленный тысячепудовым багажом многих тысяч людей. Груды снаряжения и продовольствия выбрасывались на берег с пароходов и медленно просачивались с берега в Дайскую долину и через Чилкут. Путешественникам предстояло двадцать восемь миль тащить свои пожитки на себе. Индейцы-носильщики, взвинтившие цены за переноску багажа с восьми центов за фунт до сорока, не справлялись с работой. Их не хватало, и всем было ясно, что большинство путешественников не успеет перебраться через перевал до наступления зимы.

Самым неприспособленным из новичков был Кит. У него, как и у многих, на поясе висел патронташ и болтался большой револьвер. Этот револьвер навязал ему, между прочим, дядюшка, помнивший былые незаконные годы. Но Кит романтически воспринимал окружающее. Его пленяла пестрота людского потока, устремившегося за золотом, и он смотрел на все глазами художника. Он ничего не принимал всерьез. Еще на пароходе он заявил, что не собирается относиться к путешествию, как к собственным похоронам. Ведь это просто каникулы. Заглянуть за перевал, поглазеть по сторонам – и домой!

Кит оставил своих спутников дожидаться на песчаном берегу выгрузки багажа, а сам пошел слоняться вдоль реки и набрел на старую факторию. Он не щеголял своим револьвером, хотя заметил, что очень многие, имеющие револьвер, чрезвычайно задирали нос. Дюжий рослый индеец прошел мимо Кита, согнувшись под неимоверно тяжелым тюком. Кит последовал за индейцем, восхищенный его прекрасными икрами и той грациозной легкостью, с которой он двигался, несмотря на тяжелую ношу. Индеец сбросил кладь на весы у дверей фактории, и Кит присоединился к толпе золотоискателей, одобрительно глазевших на силача; оказалось, что кладь весила сто двадцать фунтов; эта цифра благоговейно передавалась из уст в уста.

«Мне не поднять такую тяжесть, а уж не снести и подавно», – подумал Кит.

– Несешь на озеро Линдерман, дружище? – спросил он.

Индеец гордо кивнул головой.

– И сколько взял за переноску?

– Пятьдесят долларов.

Разговор оборвался. Внимание Кита привлекла девушка, стоявшая на пороге. Она была одета не так, как большинство женщин, прибывших на пароходе, – ни короткой юбки, ни спортивных брюк. Она была одета так, как обычно одеваются женщины в дороге. Кита поразила полная уместность ее среди всего окружающего, – она, казалось, была здесь необходима. Молодая, красивая. Яркое очарование ее румяного лица привлекало его, и он так пристально смотрел на нее, что она это почувствовала; темные, с длинными ресницами глаза встретились с его глазами. С его лица она перевела насмешливый взгляд на его огромный револьвер. Потом их глаза снова встретились, и Кит прочел в них презрение и насмешку. Он вздрогнул, как от удара. Девушка повернулась к мужчине, стоявшему рядом с ней, и глазами указала на Кита. Мужчина оглядел его с тем же веселым презрением.

– Чечако, – произнесла девушка.

Мужчина, одетый, как бродяга, в дешевые брюки и рваную шерстяную фуфайку, сухо усмехнулся, и Кит почувствовал себя оплеванным, хотя и не мог бы сказать почему. И все же она на редкость красива, решил Кит, глядя вслед уходящим мужчине и девушке. Какая грациозная у нее походка. Он узнает эту походку и через тысячу лет.

– Заметили этого человека с девушкой? – взволнованно спросил Кита сосед. – Знаете, кто он?

Кит покачал головой.

– Чарли Олень. Мне только что показали его. Ему здорово повезло на Клондайке. Старожил. И на Юконе пробыл лет двенадцать. Только что вернулся оттуда.

– Что значит чечако? – спросил Кит.

– Вы, например, чечако, я – чечако, – был ответ.

– Быть может, это и так, но все же мне не ясно. Что значит слово чечако?

– Новичок.

Кит возвращался по берегу к своим и все время повторял про себя это обидное слово. Было досадно услышать «новичок» от слабой девушки.

Пробираясь между горами тюков и вспоминая индейца с громадным грузом на спине, Кит решил испытать свою силу. Для испытания он выбрал мешок муки в сто фунтов. Расставив ноги, он стал над мешком, ухватил его и попытался взвалить на плечо. В первое мгновение он решил, что сто фунтов – это большая тяжесть; во второе – пришел к заключению, что у него слабая спина; в третье – крепко выругался. Это произошло после пяти минут бесплодных усилий, когда он оказался распростертым в изнеможении на той самой ноше, которую хотел одолеть.

Он отер пот со лба и вдруг заметил Джона Беллью, насмешливо глядевшего на него поверх груды мешков.

– Боже! – воскликнул этот апостол суровой закалки. – Наш могучий род дал слабосильных потомков. Когда мне было шестнадцать лет, такой тюк казался мне игрушкой.

– Ты забываешь, дядюшка, – огрызнулся Кит, – что я не был вскормлен медвежатиной.

– И когда мне стукнет шестьдесят, такой тюк по-прежнему останется для меня игрушкой.

– А ну-ка, покажи!

Джон Беллью показал. Ему было сорок восемь, но он нагнулся, примерился к мешку, быстрым движением взвалил его на плечи, перевернул и выпрямился.

– Сноровка, милый мальчик, сноровка и... крепкая спина.

Кит почтительно приподнял шляпу.

– Ты чудо, дядюшка, чудо из чудес. Как ты думаешь, приобрету я когда-нибудь такую сноровку?

Джон Беллью пожал плечами.

– Ты запросишься домой, чуть мы тронемся в путь.

– Ну, нет, – ответил Кит. – Дома меня ждет О'Хара, словно разъяренный лев. Я постараюсь вернуться к нему как можно позже.

3

Первый переход Кита с поклажей прошел удачно. До Финниганского брода их багаж, весивший две тысячи пятьсот фунтов, несли индейцы, которых удалось нанять. После брода им пришлось нести самим. Они рассчитали, что могут делать по миле в день. Это казалось очень легким, но только на словах. Так как Джон Беллью должен был оставаться в лагере, чтобы готовить пищу, он мог делать не более одного-двух переходов с поклажей. Таким образом, на долю каждого из троих молодых людей выпал тяжкий жребий ежедневно перетаскивать на милю вперед по восемьсот фунтов; считая, что каждый выюк весит пятьдесят фунтов, им пришлось бы ежедневно шестнадцать раз проходить милю с грузом за плечами и пятнадцать обратно порожняком.

– Пятнадцать потому, что последний раз нам не придется возвращаться за поклажей, – объяснил Кит свое приятное открытие.

При восьмидесятифунтовых тюках им предстояло бы делать девятнадцать миль ежедневно – туда и назад, а при стофунтовых только пятнадцать.

– Я не люблю ходить пешком, – заявил Кит, – и чем бегать туда и назад девятнадцать раз, предпочитаю носить по сто фунтов сразу.

Заметив недоверчивую улыбку на лице у дяди, он поспешно добавил:

– Конечно, не сразу; я буду приучаться постепенно. Для того, чтобы приобрести сноровку, нужно время. Начну с пятидесяти фунтов.

Кит взял пятьдесят фунтов и всю дорогу шел весело и быстро, даже вприпрыжку. У места, назначенного для следующей стоянки, Кит сбросил тюк и налегке отправился обратно, за новой поклажей. Это вовсе не так трудно, думал он. Но две мили сбили с него самоуверенность. Следующая кладь весила шестьдесят пять фунтов. Нести оказалось уже значительно труднее, и Кит больше не подпрыгивал. По примеру всех носильщиков, он часто опускался на землю и отдыхал, прислонив поклажу, висевшую на спине, к камню или пню. К третьему разу он так расхрабрился, что принял в ремни девяностофунтовый мешок с бобами и взвалил его себе на плечи. Но прошел сто шагов и почувствовал, что вот-вот свалится. Кит сел на землю и вытер лицо.

– Короткие переходы и короткие перевалы, – бормотал он. – Вот в чем штука.

Порою он садился отдыхать, не сделав и сотни шагов, а груз после каждого отдыха становился заметно тяжелее. Он трудно дышал, и пот лил с него ручьями. Не пройдя и четверти мили, он сорвал с себя шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Через несколько минут он далеко забросил шляпу. Пройдя полмили, Кит решил, что ему конец. Никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо. Обессиленный, он сидел на земле, и вдруг взгляд его упал на револьвер и тяжелый патронташ, болтавшийся у пояса...

– Хлам – лишние десять фунтов, – пробурчал он злобно и отстегнул револьвер и патронташ.

Он даже не дал себе труда повесить револьвер на дерево, а просто швырнул его в кусты. Молчаливые, тяжело нагруженные путники угрюмо двигались по дороге, и Кит заметил, что другие новички тоже бросают свое оружие.

Кит стал присаживаться все чаще и чаще. Протащится кое-как сто футов, а там кровь бешено забьется в ушах, затрясутся колени – и он принужден опуститься на землю. Остановки делались все продолжительнее. А воображение лихорадочно работало. Впереди двадцать восемь миль пути, двадцать восемь томительных дней, а этот первый день, судя по всему, самая легкая часть путешествия...

– То ли еще будет, когда дойдем до Чилкута, – говорили ему его спутники во время стоянок. – Там придется карабкаться на четвереньках.

– Мне до Чилкута не дойти, – отвечал Кит. – Это не для меня. Задолго до Чилкута я упокоюсь в уютной яме, под покровом мха.

Он поскользнулся, и, чтобы удержаться на ногах, ему пришлось сделать огромное усилие. Все перевернулось у него внутри.

– Если я упаду под этой тяжестью, я уже больше не встану, – сказал Кит случайному спутнику.

– Это еще ничего, – отозвался тот. – Вот погодите, доберемся до ущелья. Нам предстоит переправиться через бурный поток по сосновому бревну длиною в шестьдесят футов. Веревок, чтобы держаться, – никаких, а волны перехлестывают через бревно и плещут по коленям. Если свалишься в воду с кладью на спине, сразу пойдешь ко дну, потому что из ремней не выпутаться.

– Ничего не имею против, – сказал Кит и в глубине души чувствовал, что говорит почти правду.

– Там гибнет по три, по четыре человека в день, – добавил рассказчик. – Как-то раз я помог выудить из воды одного немца. На нем нашли четыре тысячи долларов.

– Отрадно слышать, – проговорил Кит, тяжело поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Мешок с бобами и Кит превратились в ходячую трагедию. Кит сравнивал свое положение с положением Синдбада-морехода, у которого на шее сидел старик. И это называлось «прогулкой, достойной мужчины»! Сравнительно с таким путешествием служба у О'Хара была блаженством. Снова и снова приходила ему на ум заманчивая идея: кинуть мешок с бобами в кусты, потихоньку улизнуть обратно на берег, сесть на пароход и вернуться в цивилизованный мир.

Но Кит не бросил мешка и не убежал. Где-то в глубине его души жила непоколебимая твердость. Он упрямо повторял самому себе, что все, доступное другим мужчинам, должно стать доступным и ему. Эта мысль преследовала его, как бред, и он часто заговаривал об этом со своими

спутниками. Отдыхая, он с завистью смотрел на индейцев, с крепкими, как у мулов, ногами, тащивших ноши вдвое тяжелее. Без отдыха шли и шли они вперед, и Кит удивлялся их уверенности и спокойствию.

Кит сидел на земле, громко ругался – ругаться во время ходьбы у него не было сил – и боролся с соблазном удрать в Сан-Франциско. Миля, которую нужно пройти с грузом, не была еще пройдена, а уж его злость сменилась слезами. Это были слезы бессилия и отвращения к самому себе. Никогда еще ни один человек не чувствовал себя до такой степени побежденным. Когда последняя миля была уже на исходе, он, собрав остаток сил, коекак дотащился до места стоянки и упал ничком с поклажей на спине. Это не убило его, но, прежде чем встать, он пятнадцать минут пролежал неподвижно, не в силах пошевелиться, не в силах расстегнуть ремни и снять с себя тяжелый мешок. У него началась рвота. В таком положении нашел его Робби, которого тоже мучила тошнота. Сознание, что Робби испытывает те же муки, что и он, придало Киту силы.

– Другие могут, – значит, можем и мы, – сказал ему Кит, хотя в глубине души его терзало сомнение, не бахвальство ли это.

4

– Мне двадцать семь лет, и я мужчина, – много раз повторял себе Кит в течение следующих дней. Он нуждался в этом напоминании. К концу недели он научился ежедневно перетаскивать восемьсот фунтов на милю вперед, но зато потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Щеки у него ввалились, тело и ум утратили гибкость. Он больше не шел, а тащился. Даже возвращаясь за поклажей, налегке, он еле волочил ноги.

Кит превратился во вьючное животное. Он нередко засыпал во время еды, и сон у него был крепок, как у животного; иногда, впрочем, он просыпался с криком от судороги, сводившей ноги. Все тело болело и ныло. Ступни были покрыты пузырями, а когда путникам пришлось сделать две мили по острым камням Дайской долины, ноги Кита покрылись сплошными ранами. Эти две мили должны были стать тридцатью восемью милями. Кит умывался не чаще одного раза в день. Ногтей он не чистил: они потрескались, обросли заусенцами и были постоянно грязны. Ссадины на плечах и на груди, натертые ремнями, впервые заставили его задуматься над страданиями ломовых лошадей.

Но больше всего в первое время его мучила грубая пища. Усиленная работа требовала усиленного питания, и желудок Кита, не привыкший к огромным порциям бекона и неудобоваримых черных бобов, взбунтовался. Для Кита начались ужасные дни голодовки и болезни. Он еле держался на ногах. Наконец настала радостная пора, когда к нему вернулась способность есть; он обжирался, как дикий зверь, и не мог равнодушно смотреть на съестное.

Когда путешественники перетаскивали багаж через ущелье, планы их изменились. Пронесся слух, что в районе озера Линдерман вырублены последние деревья, годные на постройку лодок. Холл и Роберт, с инструментами, пилой, одеялами и необходимой провизией, отправились на поиски леса, поручив Киту и дяде перетаскивать остальной багаж. Кит и Джон Беллью вместе стряпали и вместе, плечом к плечу, шагали, нагруженные кладью. Время шло, и вершины покрывались снегом. Быть застигнутыми зимой на этой стороне перевала – значило потерять целый год. Дядюшка нагрузил свою железную спину целой сотней фунтов. Кит пришел в уныние, но стиснул зубы и тоже взвалил себе на плечи сотню фунтов. Сначала ему было трудно и больно, но он уже приобрел сноровку, и его тело, утратившее вместе с жиром и дряблость, стало упругим и мускулистым. К тому же он наблюдал и изобретал. Он подметил, что индейцы пользуются головными ремнями, и приспособил их в помощь своим наплечным ремням. Это значительно уменьшало тяжесть и давало ему возможность приставлять к тюку еще какой-нибудь громоздкий, но не тяжелый предмет. Таким образом, он научился нести сто фунтов на ремнях за плечами, пятнадцать или двадцать фунтов поверх основной поклажи, топор или пару весел в одной руке и несколько вложенных друг в друга кастрюль – в другой.

Но трудности все росли. Чем дальше, тем хуже становилась дорога; с каждым днем поклажа казалась тяжелее, с каждым днем снеговая линия в горах опускалась все ниже и ниже. Цены на переноску груза поднялись до шестидесяти центов за фунт. О Холле и Роберте, которые ушли вперед, чтобы свалить несколько деревьев, распилить их на доски и построить челнок, не было ни слуху ни

духу. Джон Беллью стал беспокоиться. Встретив кучку индейцев, возвращавшихся налегке с Линдермана, он подрядил их, по тридцати центов за фунт, отнести часть багажа на вершину Чилкута. Такой расход почти истощил кошелек Джона Беллью. Оставшиеся четыреста фунтов одежды и лагерных принадлежностей он решил перенести сам, а Кита отправил вперед вместе с индейцами. Было условлено, что на вершине Чилкута Кит задержится и будет понемножку перетаскивать багаж, пока его не нагонит дядюшка с поклажей в четыреста фунтов.

5

Кит вместе с индейцами медленно тащился по дороге. Так как путь предстоял длинный и трудный, Кит взвалил на себя всего восемьдесят фунтов. Индейцы едва плелись с тяжелым грузом, но все-таки они шли быстрее, чем привык ходить Кит. Но Кит не протестовал. Он теперь считал себя не менее выносливым, чем индейцы.

Пройдя четверть мили, он захотел отдохнуть, но индейцы не остановились, и Кит пошел вместе с ними. Пройдя еще четверть мили, он почувствовал, что не в состоянии сделать ни шагу более, однако он стиснул зубы и зашагал, не отставая от носильщиков. Без передышки была пройдена миля, и Кит с удивлением должен был признать, что он жив, не умер. А потом, как это ни странно, он «втянулся», и вторая миля далась ему, пожалуй, легче, чем первая. Третья миля чуть не убила Кита, но, изнемогая от усталости и боли, он не стал хныкать, а продолжал идти. И как раз в то мгновение, когда он почувствовал, что сейчас потеряет сознание, индейцы сделали привал. Вместо того, чтобы отдыхать, не снимая груза, как поступали обычно белые путешественники, индейцы освободились от головных и наплечных ремней, свободно разлеглись, закурили и пустились в разговоры. Отдыхали они целых полчаса. После получасового отдыха Кит с удивлением почувствовал себя совершенно свежим, и отныне его девизом стало: «Долгие переходы и долгие остановки».

Склон Чилкута оказался именно таким, каким представлял его себе Кит по рассказам. Не раз приходилось ему карабкаться вверх на четвереньках. Но когда он в снежную вьюгу добрался до вершины перевала, тайная гордость наполнила его душу; он сделал трудный переход наравне с индейцами, не отставая от них и не жалуясь. Сравняться с индейцами стало его новой мечтой.

Расплатившись с ними и отпустив их, он остался совершенно один на горном хребте, среди непроницаемой мглы, на тысячу футов выше лесной полосы. Голодный, усталый, промокший до пояса, он готов был в эту минуту отдать весь свой годовой доход за костер и чашку кофе. Однако ему пришлось удовлетвориться несколькими холодными оладьями и закутаться в брезент палатки. Он быстро уснул, но, засыпая, успел злорадно подумать, что Джон Беллью сейчас взбирается на Чилкут, таща на себе четыреста фунтов багажа. У самого Кита на попечении находилось не четыреста, а две тысячи фунтов багажа, но ему предстояло спускаться с горы, а не подниматься в гору.

Утром, измученный и замерзший, Кит вылез из-под брезента, съел фунта два сырого бекона, взвалил на плечи сто фунтов багажа и отправился вниз по тропе между скал. Тропа вела через узкий ледник к озеру Кратер. Какие-то люди шли с грузом через ледник. Целый день Кит перетаскивал свой багаж к верхнему краю ледника, и, так как расстояние было невелико, он навьючивал на себя каждый раз по полтора фунта. Такая неожиданная выносливость радостно поразила его. У встречного индейца он приобрел за два доллара три морских сухаря. Этими сухарями и сырым беконом он закусывал несколько раз в день. Грязный, продрогший, в мокрой от пота одежде, он и следующую ночь провел под холстиной палатки.

Рано утром он разостлал брезент на льду, свалил на него три тонны багажа и поволок за собой. Там, где ледниковая тропа круто спускалась под уклон, самодельные сани ускорили бег. Брезент с поклажей наскочил на Кита, ударил его сзади по ногам, и Кит очутился верхом на своей поклаже. Брезент помчался вниз вместе с Китом.

Сотни тяжело нагруженных носильщиков, шагавших по льду, останавливались и провожали Кита удивленными взглядами. Кит неистово орал: «Берегись!» – и все поспешно отскакивали в сторону. Внизу, у самого края ледника, прилеплась ко льду маленькая палатка; она так быстро выростала на его глазах, что Киту казалось, будто она бежит ему навстречу. Брезент съехал с дороги, которая круто сворачивала влево, и помчался по свежему снегу, окутанный облаком морозной пыли.

Мягкий снег затормозил бешеную скорость брезента. Кит снова увидел палатку в ту самую секунду, когда из всей силы налетел на нее. Его корабль вывернул из земли деревянные колья палатки, распахнул лицевые полотнища и ворвался внутрь. Кит барахтался на брезенте среди развороченных ящиков и мешков. Палатка качалась, как пьяная, и в морозном тумане Кит оказался лицом к лицу с испуганной девушкой, кутавшейся в одеяла, – с той самой девушкой, которая назвала его в Дайе чечако.

– Хорош смок¹, а? – весело крикнул Кит.

Девушка неодобрительно смотрела на него.

– Вот вам и ковер-самолет! – продолжал Кит.

– Уберете вы когда-нибудь у меня с ног этот ваш мешок? – сердито спросила девушка.

Кит привстал.

– Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Ничуть не смущенная такой поправкой, она была по-прежнему вызывающе холодна.

– Еще спасибо, что вы не опрокинули печку, – проговорила она.

Кит посмотрел туда, куда глядела девушка, и увидел печку из листового железа и кофейник на ней. За кофейником присматривала молодая индианка. Кит понюхал воздух и снова взглянул на девушку.

– Я чечако, – сказал он.

По выражению скуки на ее лице он понял, что она сама это знает. Но Кит не смутился.

– Свое огнестрельное оружие я бросил по дороге, – сказал он.

Тогда она узнала его, и глаза ее блеснули.

– Не думала я, что вы доберетесь так далеко, – сказала она ему.

Кит снова жадно потянул в себя воздух.

– Я слышу запах кофе! – Он решил идти напролом. – Вот вам мой мизинец, отрежьте его; я на все готов; я буду вашим рабом целый год и один день или сколько угодно лет и дней, только налейте мне чашечку из вашего кофейника.

За чашкой кофе он назвал себя, и она сказала ему свое имя – Джой Гастелл. Кроме того, Кит узнал, что она здешняя старожилка. Она родилась в фактории на Большом Невольничьем озере: ребенком она с отцом перешла Скалистые горы и спустилась к Юкону. Теперь она снова путешествует вместе с отцом, но его неожиданно задержали в Сизтле дела. Он оказался в числе пассажиров злощастного «Певца», потерпевшего крушение, и сейчас находится в заливе Пьюджет, куда его доставил подобранный пассажиров пароход.

Так как девушка не вылезала из-под одеял, Кит не стал затягивать разговора и, героически отказавшись от второй чашки кофе, освободил палатку от себя и своего багажа. Он уносил с собой много разнообразных впечатлений: у нее очаровательные глаза и очаровательное имя; ей не больше двадцати – двадцати двух лет; отец ее, вероятно, француз; у нее твердая воля и пылкий характер, и воспитание она получила где угодно, но только не в здешних местах.

6

По обледенелым скалам, высоко над полосой леса, шла тропа, огибая озеро Кратер, и выводила к скалистому ущелью, откуда открывался прямой путь к Счастливому Лагерю и первым кривым карликовым елям. Тащить на себе груз по этой кривой дороге – значило потерять много времени и окончательно выбиться из сил. На озере стояла парусная лодка, перевозившая грузы. В какие-нибудь два часа лодка могла бы доставить Кита и его поклажу на другой берег. Но Кит уже истратил деньги, а перевозчик запросил по четыреста долларов за тонну.

– Твоя лодчонка, друг мой, – сказал Кит перевозчику, – золотое дно. Но я могу показать тебе и другое золотое дно.

– Покажи! – был ответ.

¹ Смок – английский спортивный термин, соответствующий русскому выражению «резаный мяч»; в некоторых случаях Лондон обыгрывает также основное значение слова smoke – «курить»

– Покажу, если ты перевезешь мой багаж на другой берег. Прекрасная идея, еще не запатентованная, и ты сможешь открыть предприятие сразу, чуть я объясню тебе, в чем дело. Согласен?

Перевозчик объявил, что согласен, и Кит решил, что можно довериться его обещанию.

– Отлично. Видишь ты тот ледник? Возьми кирку и за день пробей в нем желоб сверху донизу. Понял? Получится – «Чилкут – Озеро Кратер. Акционерная компания перевозок кувырко». Ты можешь спускать ежедневно не меньше ста тонн, и работы никакой – знай клади деньги в карман. По пятидесяти центов с тонны каждый заплатит!

Через два часа Кит находился уже на другом берегу озера, выиграв целых три дня. Когда Джон Беллью нагнал его, он был уже очень недалеко от Глубокого озера – другой вулканической впадины, наполненной ледниковой водой.

7

Последний переход, от Долгого озера до Линдермана, считается три мили; здесь тропа – если только это можно назвать тропой – взбирается на вершину тысячефутового хребта, сползает, извиваясь, вниз по скользким скалам и пересекает широкое болото. Джон Беллью остолбенел от удивления, увидев, как Кит взвалил себе на спину сотню фунтов, а сверху на эту сотню положил пятидесятифунтовый мешок муки.

– Ну-ка, закаленный человек! – воскликнул Кит. – Покажи, чему тебя научило медвежье мясо и одна-единственная смена белья!

Джон Беллью покачал головой.

– Я уже стар, Кристофер.

– Тебе всего только сорок восемь. Мой дед, а ваш отец, сэр, старый Исаак Беллью, одним ударом кулака убил человека, когда ему было шестьдесят девять лет.

Джон Беллью, улыбаясь, проглотил пилюлю.

– Дядюшка, мне хочется сообщить тебе важную новость. Меня воспитывали недотрогой и неженкой, но сейчас я таскаю тяжести лучше тебя, хожу лучше тебя и с легкостью уложу тебя на обе лопатки и намну бока.

Джон Беллью поднял руку и торжественно произнес:

– Кристофер, мой мальчик, я верю, что ты можешь уложить меня на обе лопатки и намять мне бока. Больше того: я уверен, что ты можешь совершить этот подвиг, даже имея сто фунтов на плечах. Ты хорошо поработал, мальчик, и добился почти невероятных успехов.

Во время последнего перехода Кит за один день проделал четыре конца взад и вперед. Иными словами, он покрыл за день двадцать четыре мили, карабкаясь по горам, причем двенадцать миль из этих двадцати четырех – со ста пятьюдесятью фунтами за спиной. Это сильно утомило его, но он гордился собой и чувствовал себя прекрасно. Он ел и спал так, как раньше еще не ел и не спал; и когда оказалось, что скоро конец тяжелому пути, он даже немного огорчился.

Беспокоило Кита только одно: он знал, что если споткнется и упадет с сотней фунтов за плечами, он останется в живых и поднимется на ноги; но он был уверен, что если ему случится упасть с пятидесятифунтовой прибавкой, то эта прибавка непременно свернет ему шею. Тысячами ног все тропы через болото очень быстро затаптывались, превращаясь в бездонную топь, и приходилось прокладывать все новые. Однажды, прокладывая такую новую тропу, Кит на практике разрешил вопрос о пятидесятифунтовой надбавке.

Зыбкая, топкая поверхность колыхалась под ним; он оступился и шлепнулся в воду ничком. Пятьдесят фунтов придавили его, не сломав ему шеи. С оставшейся сотней за плечами Киту удалось подняться на четвереньки. Но встать он не мог. Левую руку снова втянуло вглубь, и щека легла в грязь, как на подушку. Кит вытянул левую руку – правая шла по плечо. Выпутаться из ремней было невозможно, а стофунтовая тяжесть мешала подняться. На четвереньках, с трудом вытаскивая из грязи то одну, то другую руку, он сделал попытку добраться до того места, куда упал его мешок с мукой. Но все усилия были напрасны: они только утомляли его, а тонкий слой травы, покрывавший трясину, прорвался под его тяжестью, и струйка взбаламученной воды стала просачиваться наружу,

заливая ему нос и рот.

Тогда он попробовал перевернуться на спину, чтобы поклажа служила ему опорой, но это привело лишь к тому, что обе руки его погрузились в воду по плечи, и Кит почувствовал, что тонет. С завидным терпением он медленно вытащил обе руки из грязи, положил их плашмя на воду, чтобы опереться на них подбородком, и громко позвал на помощь. Через несколько минут раздалось хлюпанье по грязи приближавшихся сзади шагов.

– Помогите, приятель! – крикнул Кит. – Бросьте мне веревку.

Киту ответил женский голос, и Кит узнал этот голос.

– Если вы расстегнете мне ремни, то я встану.

Сто фунтов звонко шлепнулись в грязь, и Кит медленно поднялся на ноги.

– Ну и положение! – смеялась мисс Гастелл, увидев облепленное грязью лицо Кита.

– Пустяки! – весело воскликнул Кит. – Это просто одно из моих любимых гимнастических упражнений. Советую и вам попробовать: замечательно развивает грудную клетку и позвоночник.

Он вытер лицо рукой и стряхнул с руки ком грязи.

– О, да это мистер, мистер... Смок Беллью! – воскликнула девушка, узнав Кита.

– Благодарю вас за своевременную помощь и за новое имя, – проговорил Кит. – Совершилось мое второе крещение. С этой минуты все должны называть меня Смоком Беллью. Смок – сильное и выразительное имя.

Он замолчал, а потом неожиданно скорчил злое лицо.

– Знаете, что я решил предпринять? – произнес он свирепым голосом. – Я возвращусь обратно в Штаты. Я женюсь. У меня будет большая семья, много-много детей. Как-нибудь вечером я соберу детей и расскажу им, какие страдания перенес их отец на Чилкутской дороге. И если они не зарыдадут, – повторяю, если они не зарыдадут, я возьму палку и вышибу их них дух!

8

Надвигалась полярная зима. Землю покрыл шестидюймовый слой снега, и, несмотря на жестокие ветры, маленькие озера затянулись льдом. В один из вечеров, когда буря несколько утихла, Кит вместе с дядей помог двоюродным братьям нагрузить лодку и постоял на берегу, пока лодка не исчезла в метели.

– Надо выспаться и утром пораньше в путь, – сказал Джон Беллью. – Если нас не задержит буря на перевале, завтра вечером мы будем в Дайе. А если нам посчастливится сразу попасть на паром, еще неделя – и мы опять в Сан-Франциско.

– Ты доволен прогулкой? – рассеянно спросил Кит.

Их последний привал на озере Линдерман был печален и неуютен. Робби и Холл забрали с собой все самые необходимые вещи, включая и палатку. Потертый брезент кое-как прикрывал их от вьюги. Ужин они варили на костре, в негодных, помятых кастрюлях. Им оставили только одеяла да пищу на несколько дней.

С той минуты, как лодка отошла от берега, Кит стал рассеянным и беспокойным. Джон Беллью заметил состояние племянника, но приписал это сильному переутомлению после трудного похода. За ужином Кит только раз нарушил молчание.

– Дядюшка, – сказал он ни с того ни с сего, – пожалуйста, отныне называй меня Смок. Ведь я здорово прокоптился за дорогу.

После ужина Кит отправился в лагерь золотоискателей, занятых постройкой и снаряжением челноков. Когда через несколько часов он вернулся и залез под одеяло, Джон Беллью уже спал.

Ветреным мгlistым утром Кит вылез из-под одеяла, не обуваясь, развел огонь, согрел на огне свои промерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил бекон. Дядюшка и племянник невкусно позавтракали на холодном ветру. Позавтракав, они сложили одеяла. Джон Беллью зашагал в сторону Чилкутской дороги, но Кит вдруг остановил его и протянул ему руку.

– До свидания, дядя, – сказал он.

Джон Беллью удивленно взглянул на племянника и выругался от удивления.

– Не забывай, дядюшка, что теперь я Смок, – внушительно проговорил Кит.

– Но что ты задумал?

Кит махнул рукой на север, в сторону бурного озера.

– Не имеет смысла возвращаться, когда зашел так далеко, – сказал Кит. – Я почуял запах мяса, и оно мне по вкусу. Я иду дальше.

– У тебя нет денег! – возразил Джон Беллью. – И никакого снаряжения.

– Я нашел работу. Кристофер Смок Беллью покажет себя. Он нашел работу. Он теперь слуга джентльмена. Сто пятьдесят долларов в месяц на всем готовом. Он отправляется в Доусон в обществе двух джентльменов и еще одного слуги – отправляется в качестве повара, лодочника и чего угодно. А О'Хара со своей «Волной» может убираться к дьяволу! До свидания!

Пораженный Джон Беллью слабо пробормотал:

– Ничего не понимаю!

– Говорят, в бассейне Юкона немало медведей! – объяснил Кит. – У меня всего только одна смена белья, и мне хочется медвежатины. Прощайте!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МЯСО

1

Дул сильный порывистый ветер, когда Смок Беллью, с трудом преодолевая его, вышел на берег. В предрассветных сумерках дюжину лодок нагружали драгоценным багажом, который удалось перенести через Чилкут. Это были неуклюжие самодельные челноки, неумело сколоченные из только что срубленного дерева. Одна лодка, уже нагруженная, отходила от берега, и Кит остановился поглядеть.

Ветер, попутный в открытом озере, здесь дул прямо в берег, подымая волны на мелководье. Отъезжающие хлюпали по воде высокими непромокаемыми сапогами, изо всех сил стараясь вытолкнуть свою лодку на глубокое место. Два раза это не удавалось. Дважды они влезали в лодку и пытались грести, но оба раза их снова относило к берегу и сажало на мель. Кит заметил, что брызги на бортах лодки быстро превращаются в лед. Третья попытка была более удачна. Лодку вытащили на такую глубину, что людям пришлось идти по пояс в воде. С трудом поднимая тяжелые весла, гребцы начали медленно удаляться от берега. Затем они поставили парус из одеял, но ветер сорвал его, и лодку в третий раз вынесло на замерзающий берег.

Кит усмехнулся и пошел дальше. Ему тоже предстояло сразиться с ветром и с бурей. В своей новой роли слуги он должен был через несколько часов отчалить в лодке от этого самого места.

Все работали, работали изо всех сил, потому что быстро наступала зима и нужно было переправиться через цепь озер, прежде чем они покроются льдом. Однако, войдя в палатку мистеров Спрага и Стайна, Кит не обнаружил никаких приготовлений к отплытию.

У огня, под защитой брезента, покуривая самокрутку из оберточной бумаги, сидел, подобрал ноги под себя, маленький толстенький человечек.

– Добрый день! – сказал он. – Вы новый слуга мистера Спрага?

Кит заметил, что толстяк слегка подмигнул ему и слово «мистер» и «слуга» произнес многозначительно. Кит кивнул головой.

– А я слуга доктора Стайна, – объявил коротенький человечек. – Во мне пять футов два дюйма росту, и зовут меня Малыш. Джек Малыш. А иногда меня называют Джонни-на-все-руки.

Кит поздоровался с ним.

– Вскормлены медвежьим мясом? – осведомился Кит.

– Конечно, – ответил Джек, – но первой моей пищей было молоко буйволиц, насколько я помню. Присаживайтесь и закусите. Хозяева еще дрыхнут.

Несмотря на то, что Кит уже позавтракал, он с большим удовольствием позавтракал вторично. Изнуренный многодневным трудом, Кит приобрел желудок и аппетит волка. Он мог есть что угодно, сколько угодно и знать не знал, что такое несварение желудка. Малыш оказался говорливым

пессимистом. Он дал хозяевам очень нелестную характеристику и сделал несколько мрачных предсказаний насчет экспедиции. Томас Стэнли Спраг был молодой горный инженер и сын миллионера. Доктор Адольф Стайн тоже сын богача. Благодаря своим отцам они получили от одного синдиката субсидию для изыскательских работ на Клондайке.

– Оба они набиты деньгами, – говорил Малыш. – Когда они прибыли в Дайю, цена за переноску багажа поднялась до семидесяти центов, но не было ни одного индейца. В это время на берегу находились приезжие из Восточного Орегона, настоящие рудокопы, и им удалось подрядить несколько индейцев по семьдесят центов за фунт. Индейцы уже нагрузились поклажей – три тысячи фунтов, – когда прибыли Спраг и Стайн. Они предложили индейцам восемьдесят центов, потом девяносто, а когда дошло до доллара за фунт, индейцы отказали рудокопам и нанялись к Спрагу и Стайну. И вот Спраг и Стайн уже на озерах, хотя это и обошлось им в три тысячи долларов, а орегонские рудокопы все еще сидят на берегу. И просидят до будущего года! Да, наши хозяева – мастера сорить деньгами, а на других людей им наплевать. Знаешь, что они выкинули здесь, на Линдермане? Плотники как раз кончали лодку для приезжих из Сан-Франциско – за шестьсот долларов. Спраг и Стайн отвалили плотникам тысячу, и те, недолго думая, расторгли сделку. Лодка отличная, но каково этим молодцам из Сан-Франциско? Остались со своим багажом, и ни с места. Застряли до будущего года. Выпей еще чашечку кофе и поверь мне на слово, что я ни за что не связался бы с этими кровопийцами, если бы меня не тянуло в Клондайк! Скверные люди. Ради своих делишек они готовы мертвого ограбить. А ты подписал контракт?

Кит покачал головой.

– Ну, тогда мне тебя жаль, дружище. В этих краях голод, и они бросят тебя на произвол судьбы, как только мы доберемся до Доусона. Зимой здесь много людей погибнет от голода...

– Но мы сговорились... – начал Кит.

– На словах! – оборвал Малыш. – А слова для них ничего не стоят: ты им одно, а они тебе другое. Ну, да ладно! Как тебя зовут, друг?

– Зови меня Смок, – сказал Кит.

– Закабалят они тебя с твоим словесным контрактом, друг Смок. Деньгами они сорить умеют, но работать не любят, все утро валяются в постелях. Давно уже пора отправляться в дорогу, а они все еще дрыхнут. Отдуваться придется нам с тобой. Вот сейчас они проснутся и сразу подадут голос – потребуют кофе в постель. Слыханное ли дело, чтобы взрослым мужчинам подавали кофе в постель? Ты умеешь грести или править? На суше я ковбой и золотоискатель, а вот на воде – ничего не умею. Хозяева тоже не смыслят в лодках. А ты?

– Где там, – сказал Кит. Новый порыв ветра осыпал его хлопьями снега, и он плотно прижался к брезенту. – Катался на лодке, когда был мальчишкой. Но мы научимся.

Ветер приподнял край брезента, и Малышу за шиворот насыпалась целая горсть снега.

– Мы-то научимся, – сердито проворчал Малыш. – Конечно научимся. Тут и ребенок научится. Но держу пари, что сегодня мы не тронемся в путь.

В восемь часов из палатки потребовали кофе, а в девять хозяева встали.

– Эге! – сказал Спраг, краснощекий, откормленный малый лет двадцати пяти. – Пора собираться, Малыш. Вы и... – Он бросил вопросительный взгляд на Кита. – Простите, я вчера не совсем разобрал ваше имя.

– Смок.

– Так вот, Малыш, и вы, мистер Смок, я рекомендую вам заняться погрузкой.

– Просто Смок, без мистера! – сказал Кит.

Спраг кивнул головой, и они вместе с доктором Стайном, худощавым молодым человеком, куда-то зашагали и вскоре затерялись между палаток.

Малыш многозначительно подмигнул Киту.

– Больше полутора тонн багажа, а сами они палец о палец не ударят! Вот увидишь!

– Они платят нам, чтобы мы за них работали, – весело отозвался Кит, – и, я думаю, нам придется с этим примириться.

Перетащить на спине три тысячи фунтов груза на сотню шагов вообще нелегкое дело, а перенести их в шторм и метель, когда тяжелые резиновые сапоги увязают в снежных сугробах, – и того

труднее. Слуги сложили палатку и упаковали кухонные принадлежности. Затем принялись грузить лодку. По мере погрузки лодку нужно было отпихивать все дальше и дальше от берега, на более глубокое место, и, таким образом, расстояние, которое грузчикам приходилось переходить вброд, все увеличивалось. К двум часам дня работа была окончена, и Кит, несмотря на то, что сегодня дважды позавтракал, ослаб от голода. У него дрожали колени. Малыш чувствовал себя не лучше. Он произвел осмотр горшков и кастрюль и в одной из кастрюль обнаружил холодные бобы, перемешанные с большими кусками свинины. Ложка была с длиннейшей ручкой, одна на двоих, и едоки поочередно запускали ее в кастрюлю. Кит был совершенно убежден, что никогда в жизни не пробовал более вкусного кушанья.

– Честью клянусь, – с полным ртом пробормотал Кит, – только в этом путешествии узнал я, что такое настоящий аппетит.

Спраг и Стайн явились в самый разгар этого приятного занятия.

– Что нас задерживает? – спросил Спраг недовольным голосом. – Тронемся мы когда-нибудь или нет?

Вместо ответа Малыш зачерпнул ложкой бобы, облизал ее и передал Киту. Едоки не промолвили ни единого слова, пока кастрюля не была вылизана дочиста.

– Ну, ясно, мы тут бездельничали, – сказал Малыш, утирая ладонью рот. – Ничего не делали. И, конечно, вы ничего не ели. И все это по моей вине.

– Мы позавтракали в одной палатке у друзей, – поспешно проговорил Стайн.

– Так я и знал, – буркнул Малыш.

– Вы уже наелись, наконец, и можно отправляться! – торопил Спраг.

– Лодка спущена на воду, – ответил Малыш. – Лодка нагружена. Что еще, по-вашему, нужно сделать, чтобы отправиться в путь?

– Сесть в лодку и оттолкнуться. Идем.

Хозяева уселись, а Кит и Малыш принялись толкать лодку перед собой. Когда вода стала заливать за отвороты сапог, они вскочили в лодку. Хозяева и не дотронулись до весел, а потому лодку прибило сразу к берегу. Раз десять повторялось одно и то же. Кит и Малыш выбились из сил.

Малыш, проклиная весь мир, уселся на корме и сунул за щеку кусок жевательного табаку. Кит вычерпывал воду из лодки, а хозяева раздраженно переругивались.

– Если вы будете меня слушаться, я попробую отчалить, – сказал Спраг.

Но намерению его не суждено было исполниться. Не успел Спраг перекинуть ногу за борт лодки, как его окатила волна, и он вымок до пояса.

– Придется поставить палатку и разложить костер! – воскликнул мокрый Спраг, когда лодку снова выбросило на берег. – Я замерз.

– Чуть промок и уже испугался, – насмешливо сказал Стайн. – Сколько людей отъехало сегодня с этого самого места, хотя они промокли больше, чем вы. Теперь я поведу лодку.

На этот раз вымок он и, стуча зубами, потребовал, чтобы немедленно был разведен костер.

– Стоит ли обращать внимание на легкий душ? – издевался Спраг. – Едем!

– Малыш, выньте из лодки мой чемодан с бельем и разведите костер! – приказал Стайн.

– Малыш, не смейте разгружать лодку! – воскликнул Спраг.

Малыш взглянул поочередно на обоих господ, сплюнул, но не сдвинулся с места.

– Он служит у меня и обязан повиноваться моим приказаниям, а не вашим! – крикнул Стайн. – Малыш, вынесите на берег мой чемодан!

Малыш исполнил приказание, а Спраг остался сидеть в лодке, хотя его трясло от холода. Не получая никаких распоряжений, Кит с удовольствием отдыхал.

– Когда капитаны ссорятся – пароход стоит, – проговорил он как-будто про себя.

– Что вы сказали? – спросил Спраг.

– Я говорю сам с собой, такая у меня привычка, – отвечал Кит.

Хозяин наградил его суровым взглядом и, надувшись, просидел в лодке еще несколько минут. Потом сдался.

– Выньте из лодки мой чемодан, – распорядился он, – и займитесь, пожалуйста, костюмом: мы остаемся до утра.

Настало утро, а ветер не утих. Озеро Линдерман представляло собой узкое горное ущелье, наполненное водой. Ветер, срываясь с гор, дул здесь неравномерно, порывами, то с силой урагана, то как еле заметный бриз.

– Если вы хорошенько подтолкнете, я, пожалуй, выведу лодку, – сказал Кит, когда все было готово к отплытию.

– Что вы в этом смыслите? – накинулся на него Стайн.

– Там видно будет! – ответил Кит и замолчал.

Впервые в жизни Кит нанялся в услужение, но он быстро усвоил правила дисциплины. Покорно и весело принимал он участие в общих попытках сдвинуться с места.

– Что вы собираетесь делать? – чуть не плача спросил Стайн.

– Давайте сядем и хорошо отдохнем, а когда настанет затишье, наляжем и двинем ее как следует.

В этой идее не было ничего мудреного, но все же Кит первым набрел на нее. План удался сразу. Поставили парус из одеял, и лодка двинулась. Стайн и Спраг мигом повеселели. Малыш, несмотря на неистощимый пессимизм, оказался человеком веселым, а Кит был слишком захвачен всем происходящим, чтобы скучать. Четверть часа Спраг боролся с рулем, потом умоляюще взглянул на Кита, и Кит сменил его.

– Я чуть руки себе не обломал, – извиняющимся голосом пробормотал Спраг.

– Вы, наверное, никогда не пробовали медвежатины? – сочувственно осведомился Кит.

– Что вы хотите этим сказать, черт побери?

– О, ровно ничего, я просто полюбопытствовал.

Но за спиной хозяина Кит встретил одобрительный взгляд Малыша, который понял и оценил шутку товарища.

Кит обнаружил такие блестящие способности к управлению лодкой, что денежные тузы, не склонные к труду, произвели его в рулевые. Малыш с удовольствием взвалил все корабельное дело на плечи товарища, а сам занялся стряпней.

Между озерами Линдерман и Беннет было несколько миль сухого пути, и предстояло тащить багаж на плечах. Оставив в лодке только самый легкий груз, Кит и Малыш перегнали ее на озеро Беннет по узкому, но быстрому протоку, соединяющему оба озера, и тут Кит приобрел много познаний в судоходном деле. Багаж пришлось тащить на себе Киту и Малышу. Спраг и Стайн исчезли, и Кит с Малышом, надрываясь, в два дня перенесли его от озера к озеру. Так было и дальше, – Кит и Малыш изнемогали под тяжестью клади, а хозяева шли налегке и вдобавок требовали, чтобы им угождали.

Полярная зима приближалась и сковывала все, как железом, а путники продвигались вперед медленно, тратя много дней по-пустому. В Уинди-Арм Стайн самовластно отставил Кита от руля и взялся управлять лодкой сам; в результате не прошло и часа, как лодку отнесло на подветренный берег, где яростно бушевали волны. Два дня были потеряны на починку лодки, а когда на третий день утром хозяева и работники вышли на берег, на корме и на носу красовались огромные буквы сделанной углем надписи: Чечако.

Кит улыбнулся, оценив меткость прозвища.

– Я, конечно, умею читать и писать, и я знаю, что чечако значит новичок, но я не настолько образован, чтобы написать такое трудное слово,

– заявил Малыш в ответ на обвинение Стайна.

Оба хозяина злобно посмотрели на Кита. Кит промолчал о том, что накануне вечером Малыш попросил его показать, как пишется это слово.

– Их это задело не меньше медвежатины! – радовался Малыш.

Кит усмехнулся. С каждым днем убеждаясь в своих силах, в своей возрастающей ловкости, он все глубже проникался презрением к хозяевам. Они не только раздражали и возмущали его, но и внушали ему омерзение. Сам он отведал медвежьего мяса, и оно пришлось ему по вкусу; они же от-

бивали у него всякую охоту к этой еде. Он благодарил Бога, что Бог создал его непохожим на них. Его неприязнь к ним порою доходила до ненависти. Хозяева раздражали Кита не столько своими вечными придирками, сколько своей беспомощностью. Все-таки он принадлежал к закаленному роду старого Исаака Беллью.

– Малыш! – сказал он как-то во время одной из обычных досадных задержек. – Стукнуть бы их веслом по башке и выкинуть за борт.

– Правильно! – согласился Малыш. – Где уж им есть медвежатину! Рыбу им жевать, а не мясо, вонючкам таким.

3

Первые пороги находились в Ящичном ущелье, следующие – Белая Лошадь – на несколько миль ниже. Ящичное ущелье недаром было так прозвано. Это был захлопнутый ящик, западня. По сторонам его поднимались отвесными стенами скалы, и выйти через него можно было только через пороги. Русло реки сужалось здесь, и вода, как бешеная, с неистовым ревом мчалась через узкий проход, вздуваясь посередине футов на восемь выше, чем у скалистых берегов. Волны мчащейся реки сталкивались с огромными бурунами, которые клокотали на порогах, не двигаясь с места. Ущелье Ящик пользовалось дурной славой: здесь смерть собирала богатую дань с проезжающих золотоискателей.

Высадившись на крутом берегу, где уже находилось штук двадцать нерешительно выжидающих лодок, Кит и его спутники отправились посмотреть на пороги. Они подползли к карнизу и глянули вниз на кипящий водоворот. Спраг отшатнулся.

– Боже мой! – закричал он. – Да тут не выплывешь!

Малыш многозначительно толкнул Кита локтем и прошептал:

– Трусы несчастные! Бьюсь об заклад, они сдрейфят!

Кит не слушал его. Во время путешествия на лодке он познал упрямство и безжалостность стихии. Ему захотелось помериться с ней силами.

– Нам нужно будет держаться гребня на середине реки, – сказал он. – Если мы отклонимся от него, лодка налетит на скалы...

– И мы даже не узнаем, обо что расшиблись, – закончил Малыш. – Умеешь плавать, Смок?

– Если случится беда, я предпочел бы не уметь плавать: один конец!

– Я тоже так думаю, – мрачно проговорил незнакомец, стоявший рядом с Китом на скале. – Хорошо бы, если бы это все было уже позади!

– А я и за деньги не пропустил бы такого случая! – сказал Кит.

Он говорил вполне искренне, но в то же время ему хотелось подбодрить незнакомца. Постояв немного, Кит направился к лодке.

– Так вы решились? – спросил незнакомец.

Кит кивнул головой.

– А у меня не хватает духу. Я тут торчу уже много часов. Чем дольше я смотрю на реку, тем больше страху нагоняет она на меня. Гребец я плохой, а со мной жена и маленький племянник. Если вам самим удастся благополучно переправиться, не поможете ли вы мне?

Кит вопросительно взглянул на Малыша. Тот молчал.

– С ним жена! – сказал Кит, и ему пришлось разочароваться в товарище.

– Ладно! – согласился Малыш. – Я и сам думал, что нужно помочь человеку.

Малыш и Кит заторопились, но Стайн и Спраг не двинулись с места.

– Желаю удачи, Смок! – крикнул Спраг. – Я... – он замялся, – я... останусь здесь... посмотрю, как вы справитесь.

– Нам нужно троих в лодке: двоих на веслах и одного на руле! – твердо сказал Кит.

Спраг и Стайн переглянулись.

– Никуда я не поеду, – сказал Стайн. – Если ты не боишься стоять здесь и смотреть, так и я не боюсь.

– А кто боится? – запальчиво спросил Спраг.

Стайн ответил ему с жаром, и пошла перебранка. Кит и Малыш ушли одни.

– Обойдемся и без них! – сказал Кит. – Ты будешь грести, а я сяду на руль. Гроби напрямик, и больше никаких! Там будет такой шум, что ты меня не услышишь, а потому помни: грести без передышки и держать прямо!

Они отчалили и вышли на середину реки; течение становилось все более быстрым. Из ущелья доносился грохот. Река спокойно вливалась в ущелье, гладкая, как расплавленное стекло. Когда лодка очутилась между черными скалами, Малыш набил себе рот жевательным табаком и налег на весла. Лодка подскочила на первых порогах, и гребцы были оглушены ревом клокочущих вод, который удваивало эхо ущелья. Путников окатило холодными брызгами. Порой Кит едва различал Малыша, сидевшего на носу. За две минуты лодка прошла три четверти мили и благополучно примчала их к низкому песчаному берегу.

Малыш выплюнул жвачку – во время опасности он забывал отплеиваться – и восторженно крикнул:

– Вот оно, медвежье мясо! Самое настоящее! Признаться, Смок, садясь в лодку, я трусил, как черт. А теперь я за медвежатину! Идем переправим другую лодку!

Возвращаясь по берегу к лодкам, они издали увидели хозяев, которые сверху рассматривали пороги.

– Вот они, рыбоеды, – сказал Малыш. – Сразу завоняло.

4

Переправив через пороги лодку Брэка – так звали их нового знакомого,

– Кит и Малыш познакомились с его женой, худенькой женщиной, похожей на девочку. В ее синих глазах блестели слезы благодарности. Брэк сделал попытку вручить Киту пятьдесят долларов и, потерпев неудачу, предложил деньги Малышу.

– Чудак человек! – ответил Малыш. – Я приехал в эти места, чтобы выколачивать деньги из земли, а не из своих же товарищей.

Брэк порылся на дне челнока и вытащил большую, оплетенную соломой бутылку виски. Малыш потянулся было к бутылке, но вдруг резко отдернул руку и покачал головой.

– Нет. Впереди еще проклятая Белая Лошадь, – сказал он, – и говорят, она похуже Ящика. Сейчас не время пить!

Проплыв по тихой реке еще несколько миль, все четверо сошли на берег, чтобы посмотреть на новые пороги. Каменная гряда отклоняла здесь стержень порожистой реки к правому берегу. Мощная масса воды устремлялась в узкий проход между грядой и берегом, неистово вздымая огромные пенистые волны. Смертоносная грива Белой Лошади собирала с проезжающих еще более богатую дань мертвецами. Перед Гривой бушевал бурун, позади Гривы крутился водоворот. Обойти Гриву стороной было невозможно.

– Это почище Ящика, – сказал Малыш.

Чья-то лодка приближалась к порогам. Лодка была большая, футов в тридцать в длину и тяжело нагруженная. В лодке сидели шестеро. Еще не достигнув Гривы, она уже металась и прыгала, пена и брызги то и дело скрывали ее из виду.

Малыш исподлобья глянул на Кита.

– Ей уже здорово достается, хотя все худшее еще впереди. Гребцы сложили весла! Началось, Боже! Пошла ко дну! Нет, вынырнула!

Пенистые валы погребли под собой огромную лодку. Через мгновение она вынырнула и взлетела на волну прямо посреди Гривы. К великому удивлению Кита, над водой показалось даже днище лодки. Мгновение она словно висела в воздухе. Пятеро гребцов в бездействии сидели на скамьях, а шестой во весь рост стоял на корме у руля. Затем лодка снова нырнула и исчезла из глаз. Трижды она ныряла и трижды вновь восставала из пучины. Она благополучно миновала страшную Гриву, и вдруг наблюдавшие с берега увидели, что нос ее попал в водоворот. Рулевой всей тяжестью налег на руль, пытаясь повернуть его. Напрасная попытка! Лодка закружилась в водовороте.

Трижды пронеслась она по кругу, каждый раз так близко от скал, на которых стояли Кит и

Малыш, что они могли бы прыгнуть в нее. Рулевой, человек с недавно отпущенной рыжей бородкой, махнул им рукою. Единственный путь из водоворота лежал через Гриву. Вероятно, у рулевого закружилась голова, и потому, когда лодку бросило в быстрое течение Гривы, он не успел выпрямить руль. То ныряя, то подсакивая, лодка помчалась вперед, уносимая бешеным течением Гривы. Гигантская водяная воронка втянула ее вглубь. Затем на поверхности всплыли ящики и мешки. Вынырнуло днище перевернутой лодки, и замелькали в воде головы гребцов. Двоим удалось выбраться на берег, а четверых засосала воронка. Доски, тюки, ящики скрылись за поворотом реки.

Долго молчали. Первым заговорил Малыш.

– Идем, – сказал он. – Нужно и нам попытать счастья. Если мы будем здесь стоять, я просто струшу и сбегу.

– Пора и нам обкуриться! – усмехнулся Кит.

– Хочешь оправдать свое прозвище? – сказал Малыш. – Идете? – спросил он, обращаясь к хозяевам.

Вероятно, рев воды помешал им расслышать его приглашение.

Малыш и Кит, по колено в снегу, вернулись к началу порогов и отвязали лодку. Кита прищипывала решимость товарища, а также память о том, что старый Исаак Беллью и все другие Беллью не раз совершали подобные подвиги в своем победоносном шествии на Запад. Что сделали они, то может сделать и он! Перед ним было мясо, и он радостно думал, что такое мясо по зубам лишь сильным людям.

– Держи прямо на бурун! – крикнул ему Малыш и бросил в рот кусок прессованного табаку, а лодка между тем летела все быстрее, увлекаемая течением к порогам.

Кит кивнул Малышу и изо всех сил налег на руль.

Через несколько минут мокрый до нитки Малыш, причалив к берегу ниже Белой Лошади и выплевывая жвачку, пожимал своему товарищу руку.

– Мясо! Мясо! – ликуя, восклицал Малыш. – Мы едим его сырым! Мы живьем пожираем его.

На берегу они встретили Брэка. Его жена стояла поодаль. Кит обменялся с Брэком крепким рукопожатием.

– Боюсь, ваша лодка здесь не пройдет, сказал Кит. – Она мала, меньше нашей, и, кажется, очень валкая.

Брэк извлек из кармана пачку кредиток.

– Каждому из вас дам по сотне, если вы переправите лодку.

Кит еще раз взглянул на пенистую гриву Белой Лошади. Мороз крепчал, в рано спустившихся долгих сумерках все вокруг казалось сумрачнее и опасней.

– Не в этом дело! – сказал Малыш. – Нам не нужны ваши деньги. Но мой товарищ собаку съел в гребле, и если он говорит, что ваша лодка не пройдет, значит, так оно и есть.

Кит в подтверждение этих слов кивнул головой, но взгляд его случайно упал на миссис Брэк. Она в упор смотрела на него, и Кит прочел в ее глазах мольбу. Малыш тоже заметил умоляющий взгляд миссис Брэк. Товарищи смущенно переглянулись и промолчали. Повинуясь общему чувству, они кивнули друг другу и зашагали к порогам. Но не успели они пройти и сотни ярдов, как навстречу им попались Стайн и Спраг.

– Куда вы? – спросил Спраг.

– Переправить еще одну лодку, – ответил Малыш.

– Оставьте! Уже темнеет. Вы оба сейчас же пойдете готовить нам ужин.

Возмущение Кита было настолько велико, что он не сказал ни слова.

– С ним жена! – сказал Малыш.

– Это его дело, – ответил Стайн.

– И мое и Смока! – сказал Малыш.

– А я вам запрещаю! – грубо крикнул Спраг. – Смок, еще один шаг – и вы уволены.

– Ни с места, Малыш! – прибавил Стайн.

– Вы без нас пропадете, – ответил Малыш. – Как вы доставите вашу несчастную лодку в Дюсон? Кто будет подавать вам кофе в постель и подстригать вам ногти? Идем, Смок. Они не посмеют рассчитать нас. Кроме того, у нас уговор. Если они нас рассчитают, им придется даром кормить нас

целую зиму.

Едва они спустили лодку Брэка на воду и отъехали от берега, как волны стали плескать через борт. Впрочем, это было только предвестие того, что ожидало их впереди. Малыш, набив рот неизменной жвачкой, весело глянул на Кита, и Кит почувствовал неожиданный прилив нежности к этому человеку, который совершенно не умел плавать и все-таки решился на такое опасное дело.

Пороги kloкотали все сильнее, и тучи брызг окружили лодку. В надвигающихся сумерках перед Китом мелькнула Грива, весь извилистый путь бегущего через нее течения. Кит почувствовал огромную радость, когда ему удалось ввести лодку в бурлящую Гриву по самой ее середине. В следующую минуту лодка запрыгала на волнах, то ныряя, то взлетая на гребни волн, и Кит изо всех сил налег на руль. Он уже ничего не мог разглядеть в облаке водяной пыли и желал только одного: чтобы дядя видел его в эту минуту. Мокрые насквозь, задыхаясь, они вынырнули ниже Гривы; лодка была полна воды, и легкий багаж плавал на поверхности. Малыш сделал несколько осторожных взмахов веслами – в водовороте лодку подхватило течением, и она мягко коснулась отмели. С высокого берега на них смотрела миссис Брэк. Мольба ее была услышана, и слезы струились из ее глаз.

– Вы обязаны принять деньги, обязаны! – воскликнул, идя навстречу им, Брэк.

Малыш вскочил, лодка накренилась под ним, и он шлепнулся в воду.

– К черту деньги! – сказал Малыш. – Давайте сюда виски! Все уже кончено, а я промочил ноги и боюсь простудиться.

5

На следующее утро лодка Спрага и Стайна отчалила, по обыкновению, одной из последних. Несмотря на то, что Брэк был плохой моряк и что вся его команда состояла лишь из жены и племянника, он давно нагрузил свою лодку и с рассветом пустился в путь. Но Стайн и Спраг не торопились, словно не понимали, что озеро может замерзнуть в любую минуту. Они отлынивали от дела и постоянными придирками мешали Малышу и Киту работать.

– Я теряю всякое уважение к Господу Богу! – богохульствовал Малыш. – Сотворил такую мразь в человеческом образе.

– Зато с тобой Он не промахнулся, – с усмешкой отвечал Кит. – Чем я больше гляжу на тебя, тем больше уважаю Создателя.

– Так, по-твоему, Он смастерил меня на совесть? – спрашивал Малыш, смущенный комплиментом.

Их путь лежал через озеро Ле-Барж. В озере не было течения, и если не дул попутный ветер, сорок миль приходилось идти на веслах. Но пора попутных ветров миновала, с севера сорвался ледяной вихрь и дул прямо в лицо. Озеро вздулось, поднялись огромные волны, было почти невозможно грести. В довершение всех бед пошел снег; весла покрывались слоем льда, и одному из гребцов приходилось беспрестанно сбивать лед топором. Вынужденные приняться за весла, Спраг и Стайн только делали вид, что гребут. Кит хорошо знал, что значит налегать на весла всей тяжестью своего тела, и отлично видел, что хозяева только обмакивают весла в воду.

По прошествии трех часов Спраг бросил весло на дно лодки и заявил, что они должны вернуться в устье реки на ночлег. Стайн поддержал его, и, таким образом, все труды пошли насмарку. На второй и третий день повторились те же бесплодные попытки. В устье реки образовалась целая флотилия, лодок двести. Каждый день прибывало их сорок – пятьдесят, и только двум или трем удавалось добраться до северо-западного берега озера, не возвращаясь к устью. Озеро вдоль берега стало затягиваться льдом. Лед узкой кромкой охватывал отмели. Озеро должно было замерзнуть в самые ближайшие дни.

– Не будь они такие тряпки, мы перемахнули бы на тот берег, – сказал Кит Малышу на третий день вечером, когда они сушили у огня свои насквозь промокшие мокасины. – Сегодня уже были бы там, если бы они не заставили повернуть обратно. Стоило поработать еще какой-нибудь час, и нас вынесло бы на западный берег. Наши хозяева беспомощные младенцы.

– Правильно, – согласился Малыш. Он придвинул свои мокасины к огню и задумчиво помолчал. – Послушай, Смок. До Доусона еще не одна сотня миль. Если мы не хотим мерзнуть здесь всю

зиму, необходимо что-нибудь предпринять.

Кит взглянул на товарища и ничего не ответил.

– Связались мы с этими младенцами! – ворчал Малыш. – Командовать и швырять деньгами они умеют, а как дойдет до дела, так они и вправду младенцы. Если мы хотим в этом году попасть в Досон, не надо их слушать.

Они переглянулись.

– Идет! – сказал Кит и подтвердил свое согласие пожатием руки.

Ранним утром, еще задолго до рассвета, Малыш поднял громкий крик.

– Вставайте! – орал он. – Пошевеливайтесь, эй вы там, сони! Получайте свой кофе. Лакайте его поживее! Мы отправляемся в путь!

Ворча и хныча, Стайн и Спраг поднялись на два часа раньше, чем обычно. Ветер стал крепче, лица путников заиндевели, весла отяжелели от льда. Они боролись два, три, четыре часа – один на руле, один сбивал лед и двое на веслах. По очереди менялись местами. Северо-западный берег все приближался. Но ветер крепчал, и наконец Спраг не выдержал – бросил весло и отказался грести. Малыш схватил весло, хотя его только что сменили.

– А вы сбивайте лед, – сказал он Спрагу, протягивая ему топор.

– Что толку? – захныкал Спраг. – Все равно не доехать. Ворочайте назад!

– Вперед! – кричал Малыш. – Лед обрубайте. А как отдохнете, смените меня на веслах.

Наконец после многочасовых усилий они достигли берега и увидели одни только скалы, о которые хлестал прибой: причалить было невозможно.

– Говорил я вам! – хныкал Спраг.

– Ничего путного вы не говорили! – ответил Малыш.

– Едем обратно!

Кит и Малыш промолчали. Кит повел лодку вдоль негостеприимного берега. Каждый удар весел подвигал лодку всего лишь на фут вперед, а бывало и так, что два-три удара только-только удерживали ее на месте. Кит старался утешить приунывших хозяев. Он говорил им, что лодки, которым удалось добраться до этого берега, не возвращались. Следовательно, они где-то нашли удобную пристань. Они гребли еще час, еще два.

– Если бы вы всю ту силу, которую нагуляли, попивая кофе в постели, вложили в греблю, мы были бы уже давно на берегу, – подбодрял своих хозяев Малыш. – А то вы только делаете вид, что гребете.

Через несколько минут Спраг бросил весло.

– Не могу больше! – со слезами в голосе сказал он.

– Мы тоже больше не можем! – крикнул Кит, чувствуя, что сейчас расплчется или совершит убийство. – Но мы все-таки идем вперед!

– Мы возвращаемся. Поверните руль.

– Малыш, если он не может грести, возьми у него весла и гребки! – приказал Кит.

– Ладно, – отозвался Малыш. – А он пусть сбивает лед.

Но Спраг заявил, что не отдаст весел Малышу. Стайн тоже бросил грести, и лодку понесло назад.

– Поворачивайте, Смок! – скомандовал Спраг.

– Убирайтесь вы к черту! – крикнул Кит, сам себе удивляясь. Первый раз в жизни он обругал человека. – Берите весло и гребите!

Бывают минуты усталости, когда люди забывают обо всем, чему их научила цивилизация, и такая минута наступила. Каждый дошел до предела. Спраг снял перчатку, вытащил револьвер и направил его на рулевого. Это было для Кита еще не изведанным ощущением. Но оказалось, что это вовсе не страшно. Он чувствовал себя как ни в чем не бывало.

– Если вы сейчас же не уберете револьвер, – сказал Кит, – я отниму его у вас и переломаю вам ребра.

– Если вы сейчас же не повернете лодку обратно, – прогремел Спраг, – я пристрелю вас.

Тогда вмешался Малыш. Он бросил скалывать лед и, с топором в руке, встал за спиной Спрага.

– Стреляйте! – сказал Малыш, поднимая топор. – Наконец-то мне представился случай раскро-

ить вам череп. Начинайте увеселение.

– Да это бунт! – вмешался Стайн. – Вы обязаны подчиняться! Вы нанялись!

Малыш повернулся к нему.

– И вы тоже получите по черепу, как только я расправлюсь с вашим товарищем, слюнтяй пороссячий!

– Спраг, – сказал Кит, – опустите револьвер и принимайтесь за греблю. Даю вам тридцать секунд.

Спраг колебался с минуту, затем, истерически смеясь, спрятал револьвер и начал грести.

Еще два часа, дюйм за дюймом, продвигались они вдоль негостеприимных скал, и Кит уже опасался, что сделал большую ошибку, не повернув назад. Еще минута – и он повернул бы руль, но вдруг перед ним открылся узкий проход, шириною около двадцати футов, ведущий в спокойную бухточку, защищенную от ветра. Это была гавань, в которой нашли приют лодки, прибывшие раньше. Путники причалили к отлогому берегу, и пока хозяева в изнеможении лежали в лодке, Кит и Малыш раскинули палатку, развели костер и принялись стряпать.

– Что значит пороссячий слюнтяй, Малыш? – осведомился Кит.

– Черт его знает! Не знаю! – ответил Малыш. – Но так или иначе, это название отлично подходит к нему.

Вечером ветер пошел на убыль, стало ясно и холодно. Кофе, налитый в чашку, через минуту покрылся толстым слоем льда. В восемь часов, когда усталые хозяева, завернувшись в одеяла, уснули крепким сном, Кит пошел посмотреть, в порядке ли лодка.

– Озеро замерзает, – возвестил он. – Вся бухта уже покрыта корочкой льда.

– Что же нам делать?

– Выбора у нас нет. Озеро всегда замерзает первым. А река благодаря быстрому течению не замерзнет еще несколько дней. Если лодка останется хотя бы на один день на озере Ле-Барж, ей придется зимовать здесь.

– Значит, необходимо выехать сегодня? Сейчас же?

Кит утвердительно кивнул головой.

– Вставайте, эй, вы, сони! – заорал Малыш и, не теряя времени, принялся убирать палатку.

Хозяева проснулись и громко застонали. Их одеревенелые мускулы ныли, расставаться со сном было для них мукой.

– Который час? – спросил Стайн.

– Половина девятого.

– Еще темно, – возразил Стайн.

Малыш выдернул несколько шестов, и палатка стала оседать.

– Сейчас не утро! – пояснил он. – Не утро, а вечер. Вставайте! Озеро покрывается льдом. Нужно сегодня же выбраться отсюда.

Стайн со злым лицом уселся на постели.

– Пусть его замерзает! Мы не тронемся сегодня.

– Ну и не трогайтесь, пожалуйста! А мы со Смоком берем лодку и едем.

– Но вы подрядились...

– Доставить вас в Доусон! – перебил его Малыш. – Вот мы и тащим вас в Доусон, разве не так?

И он наглядно подтвердил свои слова, обрушив палатку на головы хозяев.

Ломая тонкий лед маленькой бухты, лодка вошла в озеро, где тяжелая как стекло, вода оседала на веслах льдом. Вскоре озеро превратилось в густую кашу, в которую с трудом погружались весла. Капавшая с весел вода замерзала в воздухе. Поверхность озера затягивалась тонкой корочкой, и лодка двигалась вперед все медленнее и медленнее.

Впоследствии Кит нередко пытался восстановить в памяти события этой ночи, но это ему никогда не удавалось. «А что чувствовали несчастные Спраг и Стайн?» – думал Кит, вспоминая свои тогдашние муки. Пробиваясь сквозь замерзающую воду, он чувствовал себя так, как будто борется с лютым морозом и невыносимой усталостью по крайней мере уже тысячу лет.

Наутро лодка стала – и ни с места. Стайн отморозил себе пальцы, Спраг

– нос, а у Кита мучительно ныли и щеки и нос, давая ему знать, что мороз не обошел и его. Ко-

гда немного рассвело, они огляделись. Всюду, куда хватал взгляд, расстилалась ледяная равнина. Озеро замерзло. Вдали, в какой-нибудь сотне шагов от них, виднелся северный берег. Малыш уверял, что там – устье реки и что он видит воду. Работать были в состоянии только Кит и Малыш. Разбивая веслами лед, они повели лодку дальше. Когда последние силы уже покидали их, быстрое течение реки вдруг подхватило лодку и понесло. Оглянувшись, они увидели, что целая стая выехавших ночью лодок бесповоротно застыла в могучих тисках льда; а они обогнули отмель и направились вниз по течению со скоростью шести миль в час.

6

День за днем плыли они по быстрой реке, и с каждым днем береговой лед сковывал все большие и большие пространства воды, подбираясь к середине реки. Перед тем как лечь спать, они вырубали во льду желоб для лодки и переносили на берег все необходимое для привала. Утром они снова вырубали лодку из свежего льда и тащили ее к воде. Малыш установил в лодке железную печку, и Спраг и Стайн проводили у печки длинные, томительные часы. Они покорились судьбе, не отдавали больше приказаний, и единственным их желанием было – поскорее добраться до Доусона. Малыш, неутомимый веселый пессимист Малыш, не жалея сил, выкрикивал три строчки первого куплета песни, которую он позабыл:

Как аргонавты в старину, Родной покинув дом,
Плывем, тум-тум, тум-тум, тум-тум, За Золотым Руном.

Чем крепче становился мороз, тем чаще пел эту песню Малыш.

Хуталинка, Большой и Малый Лосось несли в Юкон ледяную кашу. Ледяная каша прилипла к бортам лодки, и на ночь, чтобы лодка не оказалась в ледяном кольце, им приходилось вытаскивать ее из воды и ставить на береговой лед. Утром они снова вырубали лодку из льда и переносили на открытую воду.

Последнюю ночь на берегу они провели между устьями рек Белой и Стюарт. Наутро перед ними открылся Юкон, покрытый снегом во всю свою полумильную ширину, от одного берегового припая до другого. Малыш проклял весь мир не так беззаботно, как проклинал его обычно, и вопросительно глянул на Кита.

– Последняя лодка, которая достигнет Доусона в этом году, будет наша,

– сказал Кит.

– В реке ни капли воды, Смок.

– Так двинемся по льду. Идем!

Спраг и Стайн, несмотря на свои протесты, были посажены в лодку. Не меньше получаса Кит и Малыш прорубали топорами путь через прибрежный лед к быстро несущейся, но уже замерзавшей воде. Когда им удалось пробиться, плавучий лед проволоком лодку ярдов сто вдоль берегового припая, ободрав верхний край одного из бортов и чуть не потопив ее. Затем они попали в излучину течения, которое понесло их прочь от берега. Они старались выбраться на середину реки. Ледяная каша вокруг них затвердела в крупные льдины. Полыньи, где плавал мелкий лед, смерзались у них на глазах. Упираясь веслами в лед, порою выскакивая на плавучие льдины и руками протаскивая лодку вперед, они через час достигли середины реки. А через пять минут лодка остановилась, скованная ледяным кольцом. Река затвердела на ходу. Глыба примерзала к глыбе, и лодка оказалась в центре огромной льдины в семьдесят пять футов диаметром. Они двигались вперед то боком, то кормой, а вокруг вода поминутно разрывала свои оковы, чтобы сразу же попасть в другие, еще более прочные. Часы шли, Малыш топил печурку, стряпал и распевал свою боевую песню.

Наступила ночь, и после долгих бесплодных стараний подвести лодку к берегу они беспомощно понеслись вперед во тьму.

– А что, если мы уже проскочили Доусон? – спросил Малыш.

– Придется возвращаться пешком, – ответил Кит, – если только нас не раздавят льды.

Небо было ясное, и в мерцающем свете холодных звезд они различали на берегу смутные очертания гор. В одиннадцать часов они услышали впереди глухой, раскатистый грохот. Льдины замедлили ход; Глыбы наталкиваясь друг на дружку, трещали и разбивались. Огромная глыба, вздернутая

на дыбы, наскочила на льдину, к которой была припаяна лодка, расколола лодку пополам и, скользя, утащила одну половину с собой. Другая половина не потонула, она удержалась на старой льдине, но на мгновение они увидели рядом черную воду. Река остановилась. Через полчаса она собралась с силами и снова двинулась. Движение продолжалось не больше часа, потом льды опять сомкнулись. Собравшись с силами, река еще раз сбросила оковы и вновь помчалась вперед. Они увидели огоньки на берегу; река стала окончательно – теперь уже на шесть месяцев.

На берегу в Доусоне собрались любопытные – поглазеть на ледостав, и из темноты к ним долетела боевая песня Малыша:

Как аргонавты в старину, Родной покинув дом, Плыдем, тум-тум, тум-тум, тум-тум, За Золотым Руном.

7

Три дня работали Кит и Малыш, перетаскивая полторы тонны груза с середины реки в дом на высоком берегу Доусона, купленный Спрагом и Стайном. В сумерки, когда работа была окончена, Спраг пригласил Кита к себе в теплую комнату. Снаружи термометр показывал шестьдесят пять градусов ниже нуля.

– Месяц еще не кончился, Смок, – сказал Спраг. – Но вот вам ваши деньги сполна. Счастливого пути!

– А уговор? – воскликнул Кит. – Вам известно, что здесь голод. Даже на приисках нельзя найти работу, если нет своего продовольствия. Наш уговор...

– Не помню никакого уговора! – перебил Спраг. – Может быть, вы помните какой-нибудь уговор, Стайн? Мы наняли вас на месяц. Вот вам деньги. Распишитесь в получении.

У Кита потемнело в глазах. Он сжал кулаки. Спраг и Стайн шаркнулись от него. Но Кит ни разу в жизни никого не ударил, к тому же он чувствовал себя настолько сильнее Спрага, что постыдился его ударить.

Малыш заметил его колебания и вмешался.

– Послушай, Смок, – сказал он. – Я тоже ухожу от этих молодцов. Неохота мне оставаться у них. Будем держаться друг друга. Ладно? Бери одеяла и отправляйся в «Олений Рог». Жди меня там. Я соберу свои пожитки, получу с наших хозяев что следует, а потом они получат с меня что следует. Моряк я неважный, но теперь, когда мы на твердой земле, я от тебя не отстану. Через полчаса Малыш появился в салуне «Олений Рог», где его ждал Кит. Руки его и одна щека были в крови, и Кит понял, что Спраг и Стайн действительно получили что следует.

– Жаль, что ты не видал нашей схватки! – весело говорил Малыш. – Описать невозможно, что там творилось. Бьюсь об заклад, что ни один из них целую неделю носа на улицу не высунет. А теперь у нас с тобой выбора нет. Жратва стоит полтора доллара фунт. Работы без собственного продовольствия здесь не получить. За фунт лосиного мяса дают по два доллара, да и то не достать. наших денег хватит на месяц – на харчи и на амуницию, а потом едем на Клондак, подольше. Если по дороге нам не попадутся лоси, мы пристанем к индейцам. А если через шесть недель мы не набьем пяти тысяч фунтов лосины, я... я готов вернуться к нашим хозяевам и принести им мои извинения. Согласен?

Кит пожал Малышу руку.

– Ну, какой я охотник, – сказал он смущенно.

Малыш поднял свой стакан.

– Ты из тех, кто питается мясом, и я научу тебя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЗА ЗОЛОТОМ НА РУЧЕЙ ИНДИАНКИ

1

Два месяца спустя Смок Беллью и Малыш вернулись с охоты и остановились в «Оленьем Роге». Охота была успешно закончена, мясо перевезено в город и продано по два с половиной доллара за фунт; таким образом, у них оказалось на руках три тысячи долларов золотым песком и хорошая упряжка собак. Им повезло. Несмотря на то, что толпы золотоискателей загнали дичь за сто миль от Доусона, в горы, Киту и Малышу, не пройдя и пятидесяти миль, удалось в узком ущелье затравить четырех лосей.

Откуда взялись эти лоси – так и осталось загадкой, так как в тот же день, незадолго до встречи с лосями, четыре изголодавшихся индейских семейства жаловались охотникам, что они не встретили никакой дичи на протяжении трехдневного пути. Часть своей добычи охотники отдали в обмен на упряжку издыхающих от голоду собак; после недельной хорошей кормежки Смок и Малыш запрягли собак и перевезли мясо на изголодавшийся рынок Доусона.

Теперь перед охотниками стояла задача – превратить золотой песок в еду. Мука и бобы стоили полтора доллара фунт, но самое трудное было найти человека, готового продать их. Доусон задыхался в тисках голода. Сотни людей с полными карманами, но пустыми желудками принуждены были покинуть город. Многие уплыли вниз по реке еще до ледостава; другие, захватив последние свои запасы, отправились пешком по льду в Дайю – за шестьсот миль от Доусона.

Смок встретился с Малышом в жарко натопленном салуне. Малыш сиял.

– Жизнь никуда не годится без виски и сахара, – изрек Малыш вместо приветствия, срывая с заиндевелых усов кусочки льда и бросая их на пол. – Я только что раздобыл восемнадцать фунтов сахара. Чудак спросил всего только по три доллара за фунт. Ну, а у тебя как дела?

– Я тоже не терял времени даром, – гордо ответил Смок. – Я закупил пятьсот фунтов муки. И приезжий с Адамова ручья обещал мне доставить еще пятьдесят фунтов завтра.

– Отлично! Мы великолепно проживем до вскрытия реки. Послушай, Смок, какие у нас чудесные собаки! Скупщик предлагал мне по двести за морду, хотел купить пятерых. Но я ответил, что он напрасно старается. Собачки у нас хоть куда! Мясо пошло им впрок, хотя не очень-то весело скормливать собакам провизию по два с половиной доллара фунт. Давай выпьем! Нужно sprysнуть мою добычу: восемнадцать фунтов сахара!

Через несколько минут, отвешивая золотой песок за выпитый виски, Малыш хлопнул себя по лбу.

– Совсем из головы вон! Ведь я сговорился встретиться в «Тиволи» с одним молодцом. Он продает порченую грудинку по полтора доллара за фунт. Я возьму несколько фунтов для наших собачек, и мы сэкономим на их харчах доллар в день. Прощай!

Только что ушел Малыш, как в двойных дверях появился закутанный в меха человек. Увидев Смока, он радостно заулыбался, и Смок узнал мистера Брэка – того самого, чью лодку он переправил через Ящичное ущелье и пороги Белой Лошади.

– Я узнал, что вы в городе, – торопливо заговорил Брэк, пожимая руку Смока, – и вот уже полчаса разыскиваю вас. Пойдемте отсюда, мне надо поговорить с вами наедине.

Смок бросил печальный взгляд на гудящую, раскаленную докрасна печку.

– А здесь нельзя?

– Нет, дело важное. Идемте во двор.

Выходя из салуна, Смок снял рукавицу, чиркнул спичкой и осветил термометр, висевший снаружи у двери. Мороз обжег ему руку, и он поспешно натянул рукавицу. В небе дугой раскинулось северное сияние. Над Доусоном стоял заунывный вой многих тысяч псов.

– Сколько? – спросил Брэк.

– Шестьдесят ниже нуля. – Кит плюнул для пробы, и плевки замерз в воздухе, не долетев до земли. – Термометр трудится вовсю. Падает и падает. Час назад было всего пятьдесят два градуса. Я не хотел бы теперь очутиться в дороге!

– А я затем и пришел, чтобы позвать вас в дорогу! – прошептал Брэк, пугливо озираясь во круг. – Вы знаете ручей Индианки? Он впадает в Юкон на том берегу, в тридцати милях отсюда.

– Там нет ничего! – возразил Смок. – Эту речушку исследовали уже много лет назад.

– Другие богатые реки тоже были исследованы и, однако... Слушайте! Это богатейшее место! И золото лежит неглубоко: от восьми до двадцати футов глубины – рыть недолго! Там не будет ни

одного участка, который дал бы меньше полумиллиона. Это величайшая тайна. Я узнал об этом от моих ближайших друзей и тогда же сказал жене, что перед уходом непременно разыщу вас. Прощайте. Инструменты мои зарыты в песке на берегу. Я обещал друзьям не выезжать, пока не уснет весь город. Сами знаете, что все пойдет к чертям, если хоть кто-нибудь выследит, куда мы едем. Берите своего товарища – и айда! Не забудьте: ручей Индианки. Третий после Шведского ручья!

2

Войдя в хижину на окраине Доусона, Смок услышал знакомый храп.

– Спать, спать, ложись спать! – пробурчал Малыш, когда Смок взял его за плечо. – Я не в ночной смене, – забормотал он, когда Смок стал настойчивее. – Расскажи о своих заботах буфетчику.

– Натягивай штаны! – сказал Смок. – Нам нужно сделать две заявки.

Малыш уселся на постели, собираясь разразиться проклятиями, но Смок закрыл ему рот рукой.

– Тсс, тише! – прошептал Смок. – Тут дело не маленькое. Не разбуди соседей. Весь город спит.

– Знаю я твои секреты! – сказал Малыш. – Никто ничего не рассказывает, а потом все встречаются на дороге. Где же твое сокровище?

– Ручей Индианки, – продолжал шептать Смок. – Дело верное. Эти сведения у меня от Брэка. Золото лежит неглубоко, чуть не под самым мхом. Вставай! Мы поедем налегке.

Малыш закрыл глаза и снова погрузился в сон. Смок сдернул с него одеяла.

– Не хочешь – не надо. Я иду один, – сказал он.

Малыш начал одеваться.

– Собак возьмем с собой? – спросил он.

– Нет. Вряд ли там есть дорога, и мы скорее доберемся без собак.

– Тогда я задам им корму, чтобы они не подошли до нашего возвращения. Не забудь захватить березовой коры и свечу.

Малыш открыл дверь и, обожженный морозом, поспешил опустить наушники и надеть рукавицы.

Через пять минут он вернулся, потирая нос.

– Смок, право же, я против этого похода. Воздух холоднее, чем крюки в аду за тысячу лет до того, как черти развели огонь. Кроме того, сегодня пятница и тринадцатое. Верно тебе говорю, не будет нам удачи.

Захватив небольшие походные сумки, они закрыли за собой дверь и стали спускаться с холма. Северное сияние погасло, и им пришлось идти в темноте, при неверном свете мигающих звезд. На повороте тропинки Малыш оступился, провалился по колено в сугроб и стал проклипать тот день, месяц и год, когда он родился на свет.

– Неужели ты не можешь помолчать? – сердитым шепотом проговорил Смок.

– Оставь календарь в покое! Ты разбудишь весь город.

– Хо! Видишь свет в этом окне? И там, повыше! Слышишь, как хлопнула дверь? Разумеется, Доусон спит! Огни? Это безутешные родственники плачут над своими покойниками. Нет, нет, никто не собирается в поход.

Когда они сошли с горы и были уже почти в самом городе, огни мелькали во всех окнах, всюду хлопали двери и раздавался скрип многих мокасин по утоптанному снегу.

Малыш снова нарушил молчание.

– Черт возьми, сколько тут похорон разом!

На тропинке стоял человек и повторял громким встревоженным голосом:

– Ох, Чарли! Шевелись! Скорее!

– Заметил тюк у него за спиной? Наверное, кладбище не близко, если факельщикам приходится брать с собой одеяла.

Когда Смок и Малыш вышли на главную улицу города, за ними уже шли вереницей человек сто, и пока они при обманчивом свете звезд с трудом разыскивали узенькую тропинку, ведущую к реке, сзади собиралось все больше и больше народа. Малыш поскользнулся и с высоты тридцати футов скатился в мягкий снег. Смок покатился туда же и упал на Малыша, который барахтался в

снегу, пытаясь встать на ноги.

– Я нашел первый! – пробурчал Малыш, снимая рукавицы и вытряхивая из них снег.

Через минуту им пришлось бежать от лавины тел, сыпавшихся на них сверху. Во время ледостава здесь образовался затор, и нагроможденные друг на дружку льдины были теперь коварно прикрыты снегом. Смок, уставший падать и ушибаться, вытащил свечу и зажег ее. Люди, шедшие сзади, приветствовали неожиданный свет шумными возгласами одобрения. В морозном безветренном воздухе свеча горела ярко, и Смок пошел быстрее.

– Все они спешат за золотом, – сказал Малыш. – Или, может, это просто лунатики?

– Во всяком случае, мы во главе процессии! – сказал Смок.

– Неизвестно! Видишь огни? Что же это, по-твоему, светлячки? Погляди. Уверю тебя, впереди нас целая вереница таких процессий.

Весь путь по торосам до западного берега Юкона был усеян огоньками, а позади, на высоком берегу, с которого они только что спустились, огней было еще больше.

– Нет, Смок, это не поход за золотом, это исход евреев из Египта. Впереди, должно быть, не меньше тысячи человек и сзади не меньше десяти тысяч. Слушайся старших, Смок, я пропишу тебе правильное лекарство. Чует мое сердце – ничего хорошего из этого не выйдет. Идем домой и ляжем!

– Побереги легкие, если не хочешь отстать, – оборвал его Смок.

– Ноги у меня, правда, короткие, но они сгибаются сами собою, и потому мускулы мои не знают усталости. Бьюсь об заклад, что я перегоню любого из здешних скороходов...

Смок знал, что Малыш не хвастает. Он давно убедился в том, что его друг великолепный ходок.

– Я нарочно иду медленно, чтобы ты, бедненький, не отставал от меня,

– поддразнивал Смок.

– Вот потому-то я наступаю тебе на пятки. Если не можешь идти быстрее

– пусти меня вперед.

Смок пошел быстрее и скоро нагнал ближайшую кучку золотоискателей.

– Вперед, вперед, Смок! – торопил Малыш. – Обгони этих непогребенных покойников. Тут тебе не похороны. Живо! Чтобы в ушах свистело!

В этой группе Смок насчитал восьмерых мужчин и женщин. Вскоре здесь же, среди торосов, они обогнали и вторую группу – человек двадцать. В нескольких футах от западного берега тропа сворачивала к югу. Торосы сменились гладким льдом. Но этот лед был покрыт слоем снега в несколько футов толщины. Санная колея не шире двух футов узкой лентой извивалась впереди. Стоило шагнуть в сторону – и провалишься в глубокий снег. Золотоискатели, которых они обгоняли, неохотно пропускали их вперед, и Смоку с Малышом часто приходилось сворачивать в сугроб и вязнуть в глубоком снегу.

Малыш был угрюм и неукротимо зол. Когда люди, которых он толкал, ругали его, он не оставался у них в долгу.

– Куда ты так торопишься? – сердито спросил один.

– А ты куда? – ответил Малыш. – Вчера с Индейской реки двинулась куча народу. Все они доберутся до места раньше тебя, и тебе ничего не останется.

– Если так, тебе тем более незачем торопиться!

– Кому? Мне? Да ведь я не за золотом! Я чиновник. Иду по служебному делу. Бегу на ручей Индианки, чтобы произвести там перепись.

– Эй ты, малютка! Куда спешишь? – окликнул Малыша другой. – Неужели ты и вправду надеешься сделать заявку?

– Я? – ответил Малыш. – Да я тот самый и есть, который открыл золотую жилу на ручье Индианки. Теперь иду приглядеть, чтобы никто из проклятых чечако не отнял у меня моего участка.

В среднем золотоискатели по ровной дороге проходили три с половиной мили в час. Смок и Малыш – четыре с половиной. Иногда они делали короткие перебежки и тогда двигались еще быстрее.

– Я решил оставить тебя без ног, – сказал Смок.

– Ну, это ты врешь! – отозвался Малыш. – Я и без ног могу так зашагать, что у твоих мокасин через час отлетят подметки. Хотя куда нам торопиться, право не знаю. Я вот иду и прикидываю в

уме. Каждая заявка на ручье пятьсот футов. Допустим, что на каждую милю будет по десяти заявок. Впереди шагает не меньше тысячи человек, а весь ручей не длиннее ста миль. Вот и считай, сколько народа останется с носом. В том числе и мы с тобой.

Прежде чем ответить Малышу, Смок неожиданно пошел быстрее и опередил своего спутника шагов на десять.

– Если бы ты помалкивал да прибавил бы шагу, мы живо обогнали бы кое-кого из этой тысячи идущих впереди, – сказал Смок.

– Кто? Я? Пусти меня вперед, я тебе покажу, что значит ходить по-настоящему.

Смок рассмеялся и снова перегнал Малыша. Теперь эта погоня за золотом представлялась ему в новом свете. Ему припомнились известные слова одного безумного философа о переоценке ценностей. И в самом деле: в эту минуту ему гораздо важнее было перегнать Малыша, чем найти целое состояние. Он пришел к заключению, что в игре самое важное – игра, а не выигрыш. Все силы его души, его ума, его мускулов были направлены только на то, чтобы победить этого человека, который за всю свою жизнь не прочел ни единой книги и не мог бы отличить визга шарманки от оперной арии.

– погоди, Малыш, я тебя доконаю. С тех пор как я ступил на берег в Дайе, каждая клеточка моего тела переродилась. Мясо у меня жилистое, как клубок струн, и горькое, как яд гремучей змеи. Несколько месяцев назад я бы многое отдал, чтобы выдумать такую новую фразу, но не мог. А теперь она пришла сама собой, потому что я ее выстрадал. И когда я ее выстрадал, мне незачем стало ее писать. Я теперь настоящий мужчина и могу дать хорошую трепку всякому, кто заденет меня. Так и быть, пропускаю тебя вперед на полчаса. Сделай, что можешь. А потом вперед пойду я и покажу тебе, как надо ходить.

– Ну, теперь держись, – добродушно посмеивался Малыш. – Прочь с дороги ты, молокосос, и поучись у старших.

Каждые полчаса они сменяли друг друга, устанавливая по очереди рекорд быстроты. Разговаривали они мало. Им было тепло, потому что они шли быстро, но дыхание застывало у них на губах. Они почти непрерывно терли рукавицами нос и щеки. Достаточно было не растирать лицо одну минуту, как щеки и нос начинали неметь, и требовался новый энергичный массаж, чтобы ощутить обжигающее покалывание вернувшегося кровообращения.

Часто им казалось, что они уже обогнали всех, но впереди неизменно обнаруживались путники, вышедшие из города раньше. Некоторые пытались не отставать от Смока и Малыша, но это никому не удавалось, и, милю или две, обескураженные соперники постепенно терялись во тьме позади.

– Мы всю зиму в дороге, – объяснил Малыш, – а они раскисли, сидя возле печки, и туда же – хотят состязаться с нами! Другое дело, если бы они были настоящие старатели. Настоящий старатель умеет ходить.

Смок зажег спичку и посмотрел на часы. Больше он не повторял этого: мороз с такой злостью накинудся на его пальцы, что прошло полчаса, прежде чем они собрались.

– Четыре часа, – сказал он, надевая рукавицы. – Мы обогнали уже триста человек.

– Триста тридцать восемь, – поправил Малыш. – Я считал. Эй вы там, уступите дорогу! Дайте возможность идти тому, кто умеет ходить.

Это относилось к выбившемуся из сил человеку, который еле плелся впереди, загоразивая дорогу. Этот да еще такой же были единственными неудачниками, которые попались им на пути, потому что Смок и Малыш двигались почти впереди всех. Об ужасах этой ночи они узнали только впоследствии. Обессиленные люди садились в снег, чтобы отдохнуть немного, и больше уже не вставали. Насмерть замерзли только семеро, но сколько ампутаций ног, рук, пальцев было произведено в доусонских больницах на следующий день! Ночь великого похода на ручей Индианки была самая холодная за всю эту зиму. На рассвете спиртовые термометры Доусона показывали семьдесят пять градусов ниже нуля. Участники того похода были большей частью новички и не имели представления о том, что такое мороз.

Через несколько шагов наши путники обогнали еще одного ходока, выбившего из строя. Северное сияние, яркое как прожектор, охватило полнеба, от горизонта до зенита. Он сидел у дороги на глыбе льда.

– Вперед, сестрица! – весело крикнул ему Малыш. – Шевелись, а не то замерзнешь.

Человек ничего не ответил. Путники остановились, чтобы выяснить, отчего он молчит.

– Твердый, как кочерга, – объявил Малыш. – Толкни его, и он переломится пополам.

– Дышит ли он? – Смок снял рукавицу, и сквозь мех и фуфайку попытался нащупать сердце.

Малыш открыл одно ухо и приложил его к обледенелым губам человека.

– Не дышит, – сказал он.

– Сердце не бьется, – сказал Смок.

Смок натянул рукавицу и долго хлопал рука об руку, прежде чем решился снова снять рукавицу и зажечь спичку. На льдине сидел мертвый старик. При беглом свете спички они разглядели длинную седую бороду, превратившуюся в ледяную сосульку, щеки, побелевшие от холода, закрытые глаза, слипшиеся, опущенные снегом ресницы. Спичка догорела.

– Идем, – сказал Малыш, потирая ухо. – Покойнику ничем не поможешь. А я отморозил ухо. Теперь слезет кожа, и оно будет ныть целую неделю.

Несколько минут спустя, когда пылающая лента на горизонте неожиданно брызнувшем светом озарила все небо, они увидели на льду, далеко впереди, две быстро шагающие фигуры. Кроме них, кругом не было ни одной живой души.

– Те двое – впереди всех, – сказал Малыш, когда снова спустилась тьма. – Идем скорее, перегоним их.

Но прошло полчаса, а Смок и Малыш все еще не нагнали двоих впереди. Малыш уже не шел, а бежал.

– Догнать мы их догоним, но перегнать все равно не удастся! – задыхаясь, проговорил Малыш. – Ну и шагают! Это тебе не чечако! Готов поклясться, это здешние старожилы.

Они нагнали быстроногих ходоков, когда впереди был Смок. И Смок с удовольствием пристроился к ним сзади. У него вдруг явилась уверенность, что та из закутанных фигур, которая ближе к нему, женщина. Откуда взялась эта уверенность, он не знал. Женщина была вся закутана в меха, и все-таки что-то знакомое почудилось Смоку. Когда снова вспыхнуло северное сияние, Смок успел разглядеть маленькие ножки в мокалинах и узнал походку, которую, раз увидав, невозможно забыть.

– Здорово шагает, – хрипло произнес Малыш. – Пари держу, что она индианка.

– Здравствуйте, мисс Гастелл! – сказал Смок.

– Здравствуйте! – сказала она, повернув голову и бросив на него быстрый взгляд. – Темно. Я ничего не вижу. Кто вы?

– Смок.

В морозном воздухе раздался смех, и Смок почувствовал, что ни разу в жизни не слышал такого очаровательного смеха.

– Ну как? Женились? Воспитываете детей, как тогда обещали? – И, прежде чем он успел ответить, она продолжала: – Много ли чечако плетутся за вами?

– Несколько тысяч. Мы перегнали больше трехсот. И они не теряют времени.

– Старая история! – горько вздохнула девушка. – Пришлие люди занимают самые богатые руслу, а старожилы, которые так мужественно, с такими страданиями создали эту страну, остаются ни с чем. Ведь они нашли золото на Индианке и дали знать старожилам Морского Льва. Как об этом пронюхали все, неизвестно. Морской Лев на десять миль дальше Доусона, и когда старожилы придут на ручей Индианки, весь он будет занят доусонскими чечако. Это несправедливо, возмутительно.

– Да, это скверно, – согласился Смок. – Но, право же, с этим ничего не поделаешь. Кто первый пришел, тот и нашел.

– А все-таки я хотела бы что-нибудь предпринять, – с жаром воскликнула она. – Я буду рада, если все они замерзнут по дороге или что-нибудь ужасное случится с ними, только бы старожилы Морского Льва пришли раньше!

– Однако вы не очень любите нас! – рассмеялся Смок.

– Ах, нет, совсем не то! – торопливо сказала она. – Но я знаю всех в Морском Льве, каждого человека, и какие это люди! Сколько голодали они в этом краю и как героически работали! Вместе с ними мне пришлось пережить тяжелые времена на Коюкуке, когда я была совсем маленькой девочкой. Мы вместе голодали на Березовом ручье и на Сороковой Миле. Это герои, которые заслужили награду. А тысячи желторотых новичков обгоняют их и оставляют ни с чем. Ну, я умолкаю и прошу

вас не сердиться на меня. Нужно беречь дыхание, а то вы и ваши обгоните меня и отца.

В течение часа Джой и Смок не сказали друг другу ни слова, но он видел, что девушка изредка перешептывается с отцом.

– Я узнал его, – сказал Малыш Смоку. – Этот Льюис Гастелл – из настоящих. А девушка – его дочь. Он пришел сюда в незапамятные времена и привез с собой девочку, грудного ребенка. Это он вместе с Битлсом пустил первый пароход по Коюкуку.

– Нам незачем обгонять их, сказал Смок. – Нас только четверо.

Малыш согласился с ним, и они еще час шагали в полном молчании. В семь часов утра, при последней вспышке северного сияния, они увидели широкий проход между гор.

– Ручей Индианки! – воскликнула Джой.

– Чудеса! – воскликнул Малыш. – А по моим расчетам выходило, что мы придем сюда только через полчаса. Ну и быстро же мы бежали.

Здесь дорога, ведущая по Юкону к Дайе, поворачивала в обход торосов к восточному берегу. Им пришлось сойти с хорошо накатанной дороги и шагать между льдин по едва заметной тропинке, бегущей вдоль западного берега.

Льюис Гастелл, шедший впереди, вдруг поскользнулся в темноте на неровном льду и сел, схватившись обеими руками за лодыжку. Он с трудом поднялся на ноги и, прихрамывая, медленно заковылял. Через несколько минут он остановился.

– Не могу идти дальше, – сказал он дочери. – Я растянул себе сухожилие. Иди одна и сделай заявку за нас обоих.

– Не можем ли мы вам помочь? – спросил Смок.

Льюис Гастелл покачал головой.

– Ей нетрудно застолбить два участка. А я поднимусь на берег, разведу костер и перевяжу себе ногу. Обо мне не беспокойтесь. Иди, Джой, застолби участок выше «Находки». Выше почва богаче.

– Возьмите хоть бересты, – сказал Смок, разделив свой запас на две равные части. – Мы позаботимся о вашей дочери.

Льюис Гастелл хрипло рассмеялся.

– Благодарю вас, – сказал он. – Она и сама о себе позаботится. Лучше вы идите за нею. Она вам покажет дорогу.

– Вы позволите мне идти впереди? – спросила она Смока. – Я знаю этот край лучше, чем вы.

– Ведите нас, галантно ответил Смок. – Я с вами согласен: возмутительно, что мы, чечако, обгоняем жителей Морского Льва. А нет ли здесь какой-нибудь другой дороги, чтобы от них избавиться?

Она покачала головой.

– Если мы пойдем другой дорогой, они все-равно, как стадо, побегут за нами.

Пройдя четверть мили, она вдруг круто повернула к западу, и Смок заметил, что они теперь идут по девственному снегу. Однако ни он, ни Малыш не обратили внимания на то, что едва заметная тропинка, по которой они шли, по-прежнему ведет на юг. Если бы они видели, что сделал Льюис Гастелл, оставшись один, вся история Клондайка приняла бы, пожалуй, другой оборот. Старик, несколько не хромя, побежал за ними, низко наклонив голову, как собака, бегущая по следу. Он старательно утоптал и расширил поворот в том месте, где они свернули на запад, а сам зашагал вперед по старой дороге, ведущей к югу.

Тропинка вела вверх по ручью, но она была так мало заметна, что несколько раз они сбивались с пути. Через четверть часа Джой почему-то выразила желание идти сзади и пропустила обоих мужчин вперед поочередно прокладывая путь по снегу. Они двигались теперь так медленно, что золотоискатели, шедшие по их следам, стали догонять их: к девяти часам, когда стало светать, за ними тянулся огромный хвост. Темные глаза Джой засверкали.

– Сколько времени мы идем по этому ручью? – спросила она.

– Два часа, – ответил Смок.

– Да два часа на обратную дорогу! Итого четыре, – сказала она и засмеялась. – Старожилы Морского Льва спасены!

Смутное подозрение пронеслось в голове Смока. Он остановился и посмотрел на девушку.

– Я не понимаю, – сказал он.

– Что ж, я вам объясню. Это Норвежский ручей. Ручей Индианки – следующий к югу.

Смок на мгновение онемел.

– И вы это сделали намеренно? – спросил Малыш.

– Да, намеренно, для того чтобы старожилы выиграли время.

Она засмеялась. Смोक взглянул на Малыша, и они оба захохотали.

– Если бы женщины не были такой редкостью в этой стране, – сказал Малыш, – я перекинул бы вас через колено и высек.

– Значит, ваш отец не растянул себе жилу, а просто подождал, пока мы скроемся из виду, и пошел дальше? – спросил Смोक.

Она кивнула.

– И вы заманили нас на ложный путь?

Она снова кивнула, и Смोक весело захохотал. Это был смех человека, открыто признавшего себя побежденным.

– Почему вы на меня не сердитесь? – обиженно спросила она. – Или... не побьете меня?

– Надо возвращаться, – сказал Малыш. – У меня ноги мерзнут, когда мы стоим.

Смок покачал головой.

– Значит, мы даром потеряли четыре часа. Я предлагаю идти вперед. Мы прошли вверх по этому Норвежскому ручью миль восемь, и когда посмотришь назад, видно, что мы довольно круто повернули к югу. Если мы пойдем прямо и перемахнем через водораздел, мы выйдем на ручей Индианки где-нибудь повыше «Находки». – Он посмотрел на Джой. – Не пойдете ли и вы? Я обещал вашему отцу смотреть за вами.

– Я... – она колебалась, – я пойду с вами, если вы ничего не имеете против. – Она смотрела ему прямо в глаза и больше уже не смеялась. – Право, мистер Смोक, вы заставили меня пожалеть о том, что я сделала. Но ведь должен же был кто-нибудь защитить интересы старожилов?

– Я понял, что поход за золотом – это, в сущности, спортивное состязание.

– А я поняла, что вы оба хорошие спортсмены, – сказала она со вздохом и прибавила: – Как жаль, что вы не старожилы!

В продолжение двух часов они шли по замерзшему руслу Норвежского ручья, а потом повернули к югу по узкому извилистому притоку. В полдень они стали взбираться на перевал. Позади тянулась длинная цепь золотоискателей, шедших по их следам. Кое-где с привалов поднимались уже тонкие струйки дыма.

Идти было трудно. Они брели по пояс в снегу и часто останавливались, чтобы перевести дух. Малыш первый взмолился об отдыхе.

– Мы уже целых двенадцать часов в пути, – сказал он. – Я устал. Вы тоже. Я чертовски голоден и готов, как индеец, закусить сырой медвежатиной. А эта бедная девушка свалится с ног, если не поест чего-нибудь. Надо разложить костер. Что скажете?

Они так быстро, ловко и так методически принялись устраивать временную стоянку, что Джой, недоверчиво следившая за ними, должна была признать, что и старожилы не справились бы лучше. Из еловых веток и одеял был сооружен шалаш. Путники не подошли к огню, пока не растерли докрасна своих щек и носов.

Смок плюнул в воздух. Через секунду раздался звон упавшей льдинки.

– Я сдаюсь, – сказал он. – Никогда еще я не видал такого мороза.

– Была одна зима на Коюкуке, когда мороз достиг восьмидесяти шести градусов, – заметила Джой. – Сейчас, должно быть, не меньше семидесяти или семидесяти пяти. Я чувствую, что отморозила себе щеки. Они горят, как в огне.

Здесь, на горном склоне, не было льда. Поэтому они положили в таз твердого, зернистого, как сахар, снегу и сварили кофе. Смोक жарил свинину и подогревал сухари, чтобы они оттаяли. Малыш поддерживал огонь. Джой расставила две тарелки, две кружки, жестянку со смесью соли и перца и жестянку с сахаром. Она и Смोक ели из одной тарелки и пили из одной кружки.

Было уже около двух часов, когда они стали спускаться и попали на какой-то приток ручья Индианки. Джой, которая теперь хотела, чтобы ее спутники сделали заявки, боялась, что из-за нее

они идут медленно, и потребовала пропустить ее вперед. Она шла так быстро и ловко, что Малыш пришел в восторг.

– Посмотрите на нее! – воскликнул он. – Вот это женщина! Смотрите, как мелькают ее мокасины. У нее нет высоких каблуков! Она пользуется ногами, дарованными ей природой. Да, она годится в жены bravому охотнику на медведей.

Джой повернула голову и бросила благодарный взгляд, предназначенный отчасти и для Смока. И Смок уловил дружеское чувство в этой улыбке и в то же время отметил про себя, сколько женского заключено в этой дружелюбной улыбке.

Дойдя до ручья Индианки, они оглянулись и увидели длинную цепь золотоискателей, с большим трудом тащившихся вниз с перевала.

Они спустились с откоса в русло промерзшего до самого дна ручья; его берега, аллювиального происхождения, доходили до восьми футов в высоту. Лед был покрыт нетронутым снегом, и наши путники поняли, что они сошли в ручей выше «Находки» и выше последних заявок старожилов Морского Льва.

– Не попадите в родник! – крикнула Джой Смоку. – А то при семидесятиградусном морозе вы останетесь без ног.

Эти родники, обычные для Клондайка, не замерзают даже при самых страшных морозах. Они образуют лужи, замерзающие сверху и прикрытые снегом. Вот почему, ступая по сухому снегу, можно неожиданно провалиться в воду по колено. Если в течение пяти минут не переменить промокшую обувь, ноги придется отнимать.

Уже в три часа дня начались долгие серые северные сумерки. Наши спутники стали искать сухое дерево, которое должно было означать центральный столб последней заявки. Джой, увлекающаяся и живая, первая увидела его. Она побежала вперед и закричала:

– Здесь уже кто-то был! Посмотрите на снег! Вот зарубка на этой елке!

И вдруг по пояс провалилась в снег.

– Я попала! – жалобно закричала она. – Не подходите ко мне. Я сама выберусь.

Шаг за шагом, проламывая тонкую корочку льда, прикрытую сухим снегом, она выбралась на более прочный лед. Смок, не теряя времени, побежал на берег в кусты, куда весенние ручьи нанесли много валежника. Этот валежник, казалось, только ждал спички, чтобы вспыхнуть. Когда Джой подошла к Смоку, костер уже разгорался.

– Сядьте! – скомандовал он.

Она послушно села в снег. Он сбросил мешок со спины и постлал ей под ноги одеяло.

Сверху донеслись голоса золотоискателей, следовавших за ними.

– Пусть Малыш пойдет вперед и поставит столбы, – посоветовала Джой.

– Иди, Малыш, – сказал Смок, снимая с нее заледеневшие мокасины. – Отшагай тысячу футов и поставь два столба. Угловые столбы поставим потом.

Смок перочинным ножиком срезал завязки с мокасин Джой. Они так замерзли, что скрипели и визжали под ножом. Сивашские чулки и тяжелые шерстяные носки обледенели. Казалось, будто вся нога вложена в железный футляр.

– Ну, как нога? – спросил он, продолжая работать.

– Я ее не чувствую. Не могу шевельнуть пальцами. Но все обойдется. Огонь чудесно горит. Сами не отморозьте себе рук. Должно быть, пальцы у вас уже онемели.

Он снял рукавицы и стал голыми руками хлопать себя по бедрам. Когда кровообращение в пальцах восстановилось, он снова принялся разувать девушку. Вот обнажилась белая кожа сначала одной, потом другой ноги, предоставленная укусам семидесятиградусного мороза.

Смок с яростью принялся растирать ее ноги снегом. Наконец Джой откинулась, зашевелила пальцами и радостно пожаловалась на боль.

Она подползла с его помощью к огню. Он усадил ее на одеяло – ногами к живительному пламени.

– Теперь сами займитесь своими ногами, сказал он.

Она сняла рукавицы и стала растирать себе ноги, как бывалая путешественница, следя за тем, чтобы они согрелись постепенно. А в это время он согрел руки. Снег не таял и даже не стано-

вился влажным. Его легкие кристаллы были тверды, как песчинки. Укусы и уколы кровообращения медленно возвращались в замерзшие пальцы Смока. Он поправил костер, открыл котомку Джой и вынул оттуда запасную пару обуви.

Вернулся Малыш и вскарабкался к ним на берег.

– Я отмерил ровно тысячу футов, – заявил он. – Номера двадцать семь и двадцать восемь. Когда я ставил верхний столб на номере двадцать семь, первый из той кучки, что шла за нами следом, остановил меня и сказал, что я не имею права на двадцать восьмой номер. Но я ответил ему...

– Ну, закричала Джой, – что вы ему ответили?

– Я ответил ему напрямик, что, если он не уберется сейчас же на пятьсот футов дальше, я превращу его обмороженный нос в сливочное мороженое и шоколадный пломбир. Он ушел, и я поставил два центральных столба для двух честнейшим образом отмеренных пятисотфутовых участков. Он поставил свой столб по соседству. Я думаю, сейчас ручей Индианки уже поделен весь от истока до устья. Впрочем, наше дело в порядке. Сейчас уже темно и ничего не видно, но завтра можно будет поставить угловые столбы.

3

Наутро погода изменилась. Стало так тепло, что Смок и Малыш, не вылезая из-под одеял, определили температуру в двадцать градусов ниже нуля. Стужа кончилась. Одеяла были покрыты шестидюймовым слоем инея.

– Доброе утро! Как ваши ноги? – через потухший костер обратился Смок к Джой Гастелл, которая сидела в своем спальном мешке и стряхивала с себя снег.

Пока Смок готовил завтрак, Малыш развел костер и принес льду из речки. К концу завтрака совсем рассвело.

– Пойди и поставь угловые столбы, Смок, – сказал Малыш. – Там, где я рубил лед для кофе, я видел песок. Сейчас натоплю воды и промою лоток этого песку – на счастье.

Смок, взяв топор, пошел ставить столбы. Отойдя от нижнего центрального столба номер двадцать семь, он направился под прямым углом по узкой долинке до ее края. Он шагал машинально, так как ум его был занят воспоминаниями о том, что случилось вчера. Ему казалось, что он каким-то образом приобрел власть не только над нежными очертаниями и крепкими мускулами тех ног, которые он так старательно растирал снегом, но и над всеми женщинами мира. Неясное, но сладостное чувство обладания наполняло его всего. Ему казалось, что он должен сейчас же подойти к Джой Гастелл, взять ее за руку и сказать: «Идем».

И вдруг он сделал открытие, которое заставило его позабыть о власти над белыми женскими ножками. Ему не пришлось поставить углового столба у края долины, ибо он вышел не на край долины, а на другой какой-то ручей. Он заметил высохшую иву и большую одинокую ель и затем вернулся к ручью, где стояли центральные заявочные столбы. Пройдя по руслу, имевшему форму подковы, он убедился, что оба ручья на самом деле один и тот же ручей. Потом он дважды прошел долину поперек – от нижнего столба номер двадцать семь к верхнему столбу номер двадцать восемь и обратно – и убедился, что верхний столб последнего находится ниже нижнего столба первого. Вчера в серых сумерках Малыш сделал две заявки на излучине, имевшей форму подковы!

Смок вернулся назад в лагерь. Малыш только что окончил промывать песок.

– Нам повезло! – закричал он, протягивая таз Смоку. – Смотри! Здесь уйма золота! Не меньше чем на двести долларов. Я еще не видал такого жирного улова.

Смок равнодушно посмотрел на золото, налил себе кружку кофе и сел. Джой почувствовала что-то недоброе и с беспокойством посмотрела на Смока. Малыш был обижен невниманием товарища.

– Почему ты не радуешься? – спросил он. – Ведь тут целое богатство, а ты и посмотреть на него не желаешь.

Прежде чем ответить, Смок отхлебнул глоток кофе.

– Малыш, знаешь ли ты, что наши заявки напоминают Панамский канал?

– Не понимаю.

– Восточный вход в Панамский канал находится западнее его западного входа.

– Не понимаю этой шутки. Продолжай.

– Короче говоря, Малыш, ты сделал обе наши заявки на большой подкове.

Малыш выронил из рук таз с золотом.

– Ну! – крикнул он.

– Верхний столб двадцать восьмого номера находится на десять футов ниже столба номер двадцать семь.

– Ты хочешь сказать, что мы ничего не получим?

– Даже на десять футов меньше, чем ничего.

Малыш спустился к реке. Через пять минут он вернулся. В ответ на вопросительный взгляд Джой он кивнул головой. Затем безмолвно подошел к поваленному дереву, сел на него и стал разглядывать снег перед своими мокасинами.

– Мы можем теперь вернуться в Доусон, – сказал Смок и принялся складывать одеяла.

– Как мне жаль, Смок, – сказала Джой. – Это я во всем виновата.

– Не беда! – сказал он.

– Я во всем виновата, – настаивала она. – Но папа сделал заявку для меня ниже «Находки». Я отдаю ее вам.

Он покачал головой.

– Малыш! – взмолилась она.

Малыш тоже покачал головой и вдруг захохотал. Он хохотал как сумасшедший.

– Это не истерика, – объяснил он. – Мне иногда бывает страшно весело.

Его взгляд случайно упал на таз с золотом. Он ударил его ногой и рассыпал золото по снегу.

– Это не наше золото, – сказал он. – Оно принадлежит тому лоботрясу, которого я вчера прогнал. И, как оказывается, для его же пользы. Идем, Смок, вернемся в Доусон. Впрочем, если ты хочешь убить меня, я и пальцем не двину, чтобы помешать тебе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МАЛЫШ ВИДИТ СНЫ

1

– Почему ты никогда не играешь? – спросил Малыш у Смока, когда они как-то раз сидели в «Оленьем Роге». – Неужели тебя не тянет к игорному столу?

– Тянет, – ответил Смок. – Но я знаю статистику проигрышей, а мне нужна верная прибыль.

Вокруг них в большом зале бара раздавалось жужжание дюжины игорных столов, за которыми люди в мехах и мокасинах испытывали свое счастье.

– Посмотри на них, – сказал Смок, охватив широким жестом весь зал. – Ведь самый простой математический расчет говорит, что все они, в общем, сегодня проиграют больше, чем выиграют. Многие из них уже сейчас проигрались.

– Ты хорошо знаешь арифметику, – почтительно пробормотал Малыш. – И в основном ты прав. Но, с другой стороны, нельзя не считаться с фактами. Людям иногда везет. А бывает так, что все игроки выигрывают. Я говорю это, потому что сам играл и видел, как срывают банк. Нужно только выждать счастье, а там уж играть всюду.

– Судя по твоим словам, это так просто, – сказал Смок, что я не понимаю, почему люди проигрывают.

– К сожалению, – возразил Малыш, – большинство игроков не чувствует, когда им действительно везет. И со мной не раз так бывало. Каждый раз это надо проверить на опыте.

Смок покачал головой.

– Тут тоже статистика, Малыш. Большинство игроков ошибается в своих предположениях.

– Но неужели ты никогда не чувствовал, что стоит тебе поставить, и ты непременно выигрешь?

Смок рассмеялся.

– Слишком много шансов против меня. Но вот что, Малыш. Я сейчас поставлю на карту доллар. И посмотрим, принесет ли она нам что-нибудь на выпивку.

Смок направился к карточному столу, но Малыш схватил его за руку.

– Чует мое сердце, что мне сегодня повезет. Поставь лучше этот доллар на рулетку.

Они подошли к стоявшему возле буфета столу с рулеткой.

– Подожди, пока я не скажу, – посоветовал Малыш.

– На какой номер? – спросил Смок.

– На какой хочешь. Но не ставь, пока я не скажу.

– Надеюсь, ты не будешь меня убеждать, что за этим столом у нас больше шансов, – сказал Смок.

– У нас столько же шансов, сколько у нашего соседа.

– Но меньше, чем у крупье.

– Подожди, – сказал Малыш. – Ну, ставь!

Крупье пустил шарик из слоновой кости по гладкому краю колеса над вращающимся диском с цифрами. Смок, сидевший много ниже, протянул руку над головой какого-то игрока и наугад бросил свой доллар. Монета скользнула по гладкому зеленому сукну и остановилась как раз против номера 34.

Шарик тоже остановился, и крупье закричал:

– Выиграл тридцать четвертый.

Он смел деньги со стола, и Смок забрал тридцать пять долларов. Малыш хлопнул его по плечу.

– Теперь ты видишь, что такое счастье, Смок. Чуюло мое сердце. Этого не расскажешь, но я знал, что ты выиграешь. Если бы твой доллар упал на какой-нибудь другой номер, ты все равно выиграл бы. Главное, чтобы предчувствие было верное, а тогда уж нельзя не выиграть.

– А если бы вышел двойной ноль? – спросил Смок, направляясь с Малышом к буфету.

– Тогда бы и твой доллар упал на двойной ноль, – ответил Малыш. – Счастье есть счастье. А потому идем назад к игорному столу. Я сегодня в удаче: я дал выиграть тебе, а теперь сам хочу выиграть.

– У тебя есть какая-нибудь система? – спросил Смок минут через десять, когда его товарищ спустил сто долларов.

Малыш с негодованием помотал головой и поставил фишки на 3, 11 и 17. Кроме того, он бросил мелочь на «зеленое».

– К черту дураков, играющих по какой-то системе! – закричал он, в то время как крупье собрал со стола все его ставки.

Смок, сначала равнодушный к игре, вдруг заинтересовался ею и, сам не принимая в ней участия, стал внимательно следить за вращающимся колесом, за ставками и выигрышами. Он так погрузился в это занятие, что Малыш, который решил, что с него довольно, с трудом оттащил его от стола.

Крупье вернул Малышу мешок с золотым песком, данный в залог, и приложил к нему бумажку, на которой было написано: «Отсыпать 350 долларов».

Малыш отнес свой мешок и бумажку весовщику, сидевшему в противоположном конце зала, за большими весами. Тот отвесил триста пятьдесят долларов и всыпал их в хозяйский сундук.

– На этот раз твое счастье подтвердило правильность статистики, – сказал Смок.

– Согласись, что я не мог этого знать, не проверив на опыте, – возразил Малыш. – Я увлекся малость, потому что хотел показать тебе, что все-таки бывают минуты, когда начинает везти.

– Не горюй, Малыш, – рассмеялся Смок. – А вот я действительно набрел на счастье.

Глаза Малыша засверкали.

– Чего же ты медлишь! Ставь!

– У меня счастье особого рода. Скоро я разработаю систему, которая перевернет всю эту лавочку.

– Система! – буркнул Малыш, с искренней жалостью смотря на своего приятеля. – Смок, послушай друга и пошли все системы к черту. Кто играет на системе, тот всегда проигрывает. При си-

стеме счастья не бывает.

– Вот этим она мне и нравится, – заявил Смок. – Система – это статистика. Если система правильная, ни за что не проиграешь. А счастье всегда может обмануть.

– Я видел много неудачных систем, но не видал ни одной верной. – Малыш помолчал и вздохнул. – Послушай, Смок, если ты помешался на системе, лучше тебе сюда больше не показываться. Да и вообще не пора ли нам в путь-дорогу?

2

Несколько недель оба друга спорили. Смок проводил время в наблюдениях за рулеткой в «Оленьем Роге», Малыш настаивал, что необходимо как можно скорее двинуться в путь. А когда стали говорить о походе за двести миль вниз по Юкону, Смок отказался наотрез.

– Послушай, Малыш, – сказал он. – Я не пойду. Такая прогулка отнимет целых десять дней, а за это время я надеюсь окончательно разработать мою систему. Она уже сейчас может дать мне верный выигрыш. Ну чего ради я потащусь в такую даль?

– Смок, я о тебе забочусь, – ответил Малыш. – Как бы ты не рехнулся. Я готов тащить тебя хоть на Северный полюс, хоть к черту на рога, только бы оторвать от игорного стола.

– Не беспокойся, Малыш. Ты забываешь, что я совершеннолетний. Тебе еще придется тащить домой тот золотой песок, который я выиграю с помощью моей системы. И тогда ты не обойдешься без хорошей собачьей упряжки.

– Сам ты не пробуй играть, – продолжал Смок. – Все, что я выиграю, мы разделим пополам, но для начала мне необходимы все наши наличные деньги. Моя система еще не испытана, а потому возможно, что на первых порах я не раз промахнусь.

3

Наконец после многих часов и дней, проведенных в наблюдении за игорным столом, пришел вечер, когда Смок заявил, что он начинает сражение. Малыш, грустный и насупленный, словно плакальщик на похоронах, сопровождал друга в «Олений Рог». Смок накупил фишек и сел рядом с крупье. Много раз шарик обежал круг, прежде чем Смок решился поставить свою фишку. Малыш сгорал от нетерпения.

– Ставь же, ставь, – говорил он. – Кончай эти похороны. Чего ты ждешь? Испугался, что ли?

Смок качал головой и ждал. Было сыграно уже десять партий, когда он наконец поставил десять однодолларовых фишек на номер 26. Номер выиграл, и Смоку было уплачено триста пятьдесят долларов. Потом, пропустив еще десять, двадцать, тридцать игр, Смок снова поставил десять долларов на номер 32. Он снова выиграл триста пятьдесят долларов.

– Тебе везет! – свирепо прошептал Малыш Смоку. – Жарь дальше, не останавливайся!

Прошло полчаса, в течение которых Смок не принимал участия в игре, затем он поставил десять долларов на номер 34 и выиграл.

– Везет! – прошептал Малыш.

– Нисколько! – ответил Смок. – Это работает моя система. А ведь недурная система, не правда ли?

– Рассказывай! – не соглашался Малыш. – Счастье приходит самыми разными путями. Никакой системы тут нет. Тебе просто везет сегодня.

Теперь Смок стал играть иначе. Он ставил чаще, но по мелкой, разбрасывая фишки по разным номерам, и больше проигрывал, чем выигрывал.

– Брось игру, – советовал Малыш. – Забирай деньги и уходи. Ты выиграл больше тысячи долларов. Не ищущай судьбу.

В эту минуту шарик снова забегал по кругу, и Смок поставил десять фишек на номер 26. Шарик остановился на 26, и крупье снова выплатил Смоку триста пятьдесят долларов.

– Если уж тебе так везет, – советовал Малыш, – так лови счастье за хвост и ставь сразу двадцать пять долларов.

Прошло около четверти часа, во время которых Смок выигрывал и проигрывал небольшие суммы. А затем он вдруг поставил двадцать пять долларов на ноль – и тотчас же крупье выплатил ему восемьсот семьдесят пять долларов.

– Разбуди меня, Смок, это сон, – взмолился Малыш.

Смок улыбнулся, достал записную книжку и занялся вычислениями. Эту книжку он неоднократно вынимал из кармана и надолго погружался в какие-то расчеты.

Вокруг стола собралась толпа. Многие игроки стали ставить на те же номера, что и Смок. Тут он снова изменил свой маневр. Десять раз подряд он ставил на 18 и проигрывал. Тут даже самые упрямые последователи покинули его. Тогда он поставил на другой номер и выиграл триста пятьдесят долларов. Игроки снова ринулись за ним и снова покинули его после целого ряда проигрышей.

– Да брось же, Смок! – настаивал Малыш. – Всякому везению есть предел, и твое явно кончилось: таких кушей, как раньше, тебе уже не забрать.

– Еще один раз – и баста! – ответил Смок.

В продолжение нескольких минут он ставил с переменным счастьем мелкие фишки на разные номера, а затем бросил сразу двадцать пять долларов на двойной ноль.

– Давайте подсчитаем, – сказал он крупье, выиграв на этот раз.

– Можешь не показывать мне этот счет, – сказал Малыш Смоку, когда они направились к весам. – Ты выиграл около трех тысяч шестисот долларов. Верно?

– Ровно три тысячи шестьсот, – ответил Смок. – А теперь отвези песок домой. Ведь мы так условились.

4

– Не шути со своим счастьем! – говорил на следующее утро Малыш, видя, что Смок снова собирается в «Олений Рог». – Тебе повезло, но уж больше везти не будет. Счастье изменит тебе.

– Не смей говорить о счастье! Тут не счастье, а статистика, научная формула. Проиграться я никак не могу.

– К черту систему! Никаких систем не существует. Я как-то раз выиграл семнадцать раз подряд, но тут система была ни при чем. Просто дурацкое счастье! Я испугался и прекратил игру. Если бы я играл дальше, я выиграл бы тридцать тысяч на свои два доллара.

– А я выигрываю, потому что у меня есть система.

– Ну как ты это докажешь?

– Я уже доказал тебе. Идем, докажу еще раз.

В «Оленьем Роге» все уставились на Смока. Игроки у стола очистили ему место, и он снова сел рядом с крупье. На этот раз он вел игру совсем иначе. За полтора часа он поставил только четыре раза. Но каждая ставка была по двадцать пять долларов, и всякий раз он выигрывал. Он получил три тысячи пятьсот долларов, и Малыш снова отнес домой золотой песок.

– А теперь пора кончать, – сказал Малыш, присев на край койки и снимая мокасины. – Ты выиграл семь тысяч. Только сумасшедший стал бы дразнить свое счастье.

– А по-моему, только сумасшедший мог бы бросить игру, когда у него есть такая замечательная система, как у меня.

– Ты умный человек, Смок. Ты учился в колледже. Мне ввек того не узнать, что ты сообразишь в одну минуту. Но ты ошибаешься, считая свое случайное везение за систему. Я много на своем веку слышал о разных системах, но скажу тебе по совести, как другу, – все они ни черта не стоят. Нет такой системы, чтобы выигрывать в рулетку наверняка.

– Но ведь я тебе доказал! И не раз еще докажу, если хочешь.

– Нет, Смок. Все это просто сон. Вот сейчас я проснусь, разведу огонь и приготовлю завтрак.

– Так вот же, мой недоверчивый друг, золотой песок, который я выиграл! Попробуй подыми его.

Смок бросил на колени товарищу мешок с золотым песком. В мешке было тридцать пять фунтов весу, и Малыш почувствовал его тяжесть.

– Это явь, а не сон, – продолжал настаивать Смок.

– Уф! Много видел я разных снов на своем веку. Во сне, конечно, все возможно. Но наяву системы не помогают. Правда, я не учился в колледже, однако это не мешает мне с полным основанием утверждать, что твое невероятное везение – только сон.

– Это «закон бережливости Гамильтона», – со смехом сказал Смок.

– Я никогда не слышал ни о каком Гамильтоне, но, по-видимому, он прав. Я сплю, Смок, а ты лезешь ко мне со своей системой. Если ты любишь меня, крикни: «Малыш! Проснись!» – и я проснусь и приготовлю завтрак.

5

На третий вечер крупье вернул Смоку его первую ставку – пятнадцать долларов.

– Больше десяти ставить нельзя, – сказал он. – Высшая ставка уменьшена.

– Испугался, – фыркнул Малыш.

– Кому не нравится, может не играть, – ответил крупье. – И, сказать откровенно, я предпочел бы, чтобы ваш товарищ не играл за моим столом.

– Не нравится его система, а? – издевался Малыш, в то время как Смок получал триста пятьдесят долларов.

– В систему я не верю. В рулетке никаких систем нет и быть не может. Но бывает так, что человеку начинает везти. Я должен принять все меры, чтобы предохранить банк от краха.

– Струхнули!

– Да, рулетка – такое же деловое предприятие, как и всякое другое. Мы не филантропы.

Проходил вечер за вечером, а Смок продолжал выигрывать, все время меняя способы игры. Эксперты, столпившиеся вокруг стола, записывали его номера и ставки, тшетно пытаясь разгадать его систему. Но ключа к ней они не могли найти. Все уверяли, что ему просто везет. Правда, так везет, как еще не везло никому на свете.

Всех смущало то, что Смок каждый раз играл по-иному. Порою он целый час не принимал участия в игре и сидел, уткнувшись в свою записную книжку, и что-то высчитывал. Но случалось и так, что он в продолжение пяти – десяти минут ставил три раза подряд высшую ставку и забирал больше тысячи долларов. Порою его тактика заключалась в том, что он с поразительной щедростью разбрасывал фишки, ставя на разные номера. Так продолжалось от десяти до тридцати минут, и вдруг, когда шарик обегал уже последние круги, Смок ставил высшую ставку разом на ряд, на цвет, на номер и выигрывал по всем трем. Однажды он, для того чтобы сбить с толку тех, кто хотел проникнуть в тайну его игры, проиграл сорок десятидолларовых ставок. Но неизменно, из вечера в вечер, Малышу приходилось тащить домой золотого песку на три с половиной тысячи долларов.

– И все же никаких систем не бывает, – утверждал Малыш, ложась спать.

– Я все время слежу за твоей игрой и не вижу в ней никакого порядка. Ты, когда пожелаешь, ставишь на выигрывающий номер, а когда пожелаешь – на проигрывающий.

– Ты, Малыш, и представить себе не можешь, как ты близок к истине. Я иногда сознательно ставлю на проигрыш. Но и это входит в мою систему.

– К черту систему! Я говорил со всеми игроками города, и все они утверждают, что не может быть никакой системы.

– Но ведь я каждый вечер доказываю им, что система есть.

– Послушай, Смок, – сказал Малыш, подходя к свече и собираясь задуть ее. – Я, видно, и впрямь не в себе. Ты, вероятно, думаешь, что это – свечка. Это не свечка. И я – не я. Я сейчас где-нибудь в дороге, лежу в своем спальном мешке, на спине, открыв рот, и все это вижу во сне. И ты – не ты, и свечка – не свечка.

– Странно, Малыш, что мы с тобой видим одинаковые сны, – сказал Смок.

– Совсем нет. Я и тебя вижу во сне. Тебя нет, мне только снится, что ты со мной разговариваешь. Мне снится, что со мною многие разговаривают. Я, кажется, схожу с ума. А если этот сон продлится еще немного, я взбешусь, стану кусаться и выть.

6

На шестую ночь игры предельная ставка в «Оленьем Роге» была понижена до пяти долларов.

– Не беда, – сказал Смок, обращаясь к крупье. – Я уйду отсюда не раньше, чем выиграю три тысячи пятьсот долларов. Вы только заставьте меня играть дольше, чем вчера.

– Почему вы не играете за каким-нибудь другим столом? – злобно спросил крупье.

– Потому что мне нравится ваш стол! – И Смок посмотрел на гудевшую в нескольких шагах от него печку. – Здесь не дует, тепло и уютно.

Малыш чуть не помешался, неся домой девятый мешок с золотым песком, – добычу девятого вечера.

– Я совсем сбит с толку, Смок, – говорил он. – С меня хватит. Я вижу, что и вправду не сплю. Вообще систем не бывает, но у тебя есть система. Нет никакого тройного правила. Календарь отменен. Мир перевернулся. Не осталось никаких законов природы. Таблица умножения пошла ко всем чертям. Два равно восьми. Девять – одиннадцати. А дважды два – равно восьмистам сорока шести с... с... половиной. Дважды все – равно кольдкрему, сбитым сливкам и коленкорovým лошадям. Ты изобрел систему, и теперь существует то, чего никогда не было. Солнце встает на западе, луна превратилась в монету, звезды – это мясные консервы, цинга – благословение Божие, мертвые воскресают, скалы летают, вода – газ, я – не я, ты – не ты, а кто-то другой, и возможно, что мы с тобой – близнецы, если только мы – не поджаренная на медном купоросе картошка. Разбуди меня! О кто бы ты ни был, разбуди меня!

7

На следующее утро к ним пришел гость. Смок знал его. Это был Гарвей Моран, владелец всех игорных столов в «Тиволи». Он заговорил умоляюще и робко.

– Вы нас всех озадачили, Смок, – начал он. – Я пришел к вам по поручению девяти других владельцев игорных столов в трактирах города. Мы ничего не понимаем. Нам известно, что в рулетке не может быть никаких систем. Это говорят все ученые-математики. Рулетка сама по себе система, и все другие системы против нее бессильны, в противном случае арифметика – чушь.

Малыш яростно закивал головой.

– Если система может победить систему, значит, никакой системы не существует, – продолжал владелец рулетки. – А тогда нам пришлось бы признать, что одна и та же вещь может находиться одновременно в двух разных местах или что две разные вещи могут одновременно находиться в одном месте, способном вместить только одну из них.

– Ведь вы следили за моей игрой? – спросил Смок. – Если системы нет, а мне просто везет, то вам нечего волноваться.

– В этом вся загвоздка. Мы не можем не волноваться. Вы, несомненно, играете по какой-то системе, а между тем никакой системы не может быть. Я слежу за вами пять вечеров подряд и мог заметить только, что у вас есть кое-какие излюбленные номера. Так вот, мы, владельцы девяти игорных столов, собрались и решили обратиться к вам с дружеским предложением. Мы поставим рулетку в задней комнате «Оленьего Рога», и там обыгрывайте нас, сколько угодно. Совершенно частным образом. Только вы, да Малыш, да мы. Что вы на это скажете?

– Мы это сделаем немного иначе, – ответил Смок. – Вы просто хотите следить за моей игрой. Сегодня вечером я буду играть в баре «Оленьего Рога». Там следите за моей системой, сколько вам будет угодно.

8

В этот вечер, когда Смок сел за игорный стол, крупье закрыл игру.

– Игра кончена, – сказал он. – Так велел хозяин.

Но собравшиеся владельцы игорных столов не хотели с этим примириться. В несколько минут они собрали по тысяче долларов с человека и снова открыли игру.

– Обыграйте нас, – сказал Гарвей Моран Смоку, когда крупье первый раз пустил шарик по

кругу.

– Согласны на то, чтобы предельная ставка была двадцать пять долларов?

– Согласны.

Смок сразу поставил двадцать пять фишек на ноль и выиграл. Моран вытер пот со лба.

– Продолжайте, – сказал он. – У нас в банке десять тысяч.

Через полтора часа все десять тысяч перешли к Смоку.

– Банк сорван, – сказал крупье.

– Ну что, хватит? – спросил Смок.

Владельцы игорных домов переглянулись. Эти разъявшиеся продавцы счастья, вершители его законов, были побиты. Перед ними стоял человек, который был либо ближе знаком с этими законами, либо создал иные законы, высшие.

– Больше мы не играем, – сказал Моран. – Ведь так, Бэрк?

Большой Бэрк, владелец игорных столов в двух трактирах, кивнул головой.

– Случилось невозможное, – сказал он. – У этого Смока есть система. Он разорит нас. Если мы хотим, чтобы наши столы работали по-прежнему, нам остается только сократить предельную ставку до доллара, до десяти центов, даже до цента. С такими ставками ему много не выиграть.

Все взглянули на Смока. Он пожал плечами.

– Тогда, джентльмены, я найду людей, которые по моим указаниям будут играть за всеми вашими столами. Я буду платить им по десяти долларов за четырехчасовую смену.

– Видно, нам придется закрыть лавочку, – ответил Большой Бэрк. – Если только... – он переглянулся с товарищами, – если только вы не пожелаете с нами серьезно поговорить. Сколько вы хотите за вашу систему?

– Тридцать тысяч долларов! – сказал Смок. – По три тысячи с каждого стола.

Они пошептались и согласились.

– И вы объясните нам вашу систему?

– Конечно.

– И обещаете никогда в Доусоне не играть в рулетку?

– Нет, сэр, – твердо сказал Смок, – я обещаю только никогда больше не пользоваться этой системой.

– Черт возьми! – воскликнул Моран. – Нет ли у вас еще и других систем?

– Подождите! – вмешался Малыш. – Мне надо поговорить с моим компаньоном. Иди сюда, Смок.

Смок пошел за Малышом в угол комнаты. Сотни любопытных глаз следили за ними.

– Послушай, Смок, – хрипло зашептал Малыш. – Может, это не сон. А в таком случае ты продаешь свою систему страшно дешево. Ведь с ее помощью ты можешь весь мир ухватить за штаны. Речь идет о миллионах! Сдери с них! Сдери с них как следует!

– А если это сон? – ласково спросил Смок.

– Тогда, во имя сна и всего святого, сдери с них как можно больше. Какой толк видеть сны, если мы даже во сне не можем сделать выгодного дельца?

– К счастью, это не сон, Малыш.

– В таком случае я тебе никогда не прощу, если ты продашь систему за тридцать тысяч.

– Ты бросишься мне на шею, когда я продам ее за тридцать тысяч. Это не сон, Малыш. Ровно через две минуты ты убедишься, что это был не сон. Я решил продать систему, потому что мне ничего другого не остается.

Смок заявил владельцам столов, что он не меняет своего решения. Те передали ему расписки, на три тысячи каждая.

– Потребуй, чтобы тебе заплатили наличными, – сказал Малыш.

– Да, я хочу получить золотым песком, – сказал Смок.

Владелец «Оленьего Рога» взял расписки, и Малыш получил золотой песок.

– Теперь у меня нет ни малейшего желания проснуться, – сказал он, поднимая тяжелые мешки. – Этот сон стоит семьдесят тысяч. Нет, я не такой расточитель, чтобы раскрыть сейчас глаза, вылезть из-под одеяла и готовить завтрак.

– Ну, рассказывайте вашу систему, – сказал Бэрк. – Мы вам заплатили и ждем ваших объяснений.

Смок подошел к столу.

– Прошу внимания, джентльмены! У меня не совсем обыкновенная система. Вряд ли это можно назвать системой. Но у нее то преимущество, что она дает практические результаты. У меня, собственно, есть свои догадки, однако я не стану о них сейчас распространяться. Следите за мной. Крупье, приготовьте шарик. Я хочу выиграть на номер двадцать шесть. Допустим, я ставлю на него. Пускайте шарик, крупье!

Шарик забегал по кругу.

– Заметьте, – сказал Смок, – что номер девять был как раз напротив!

Шарик остановился как раз напротив двадцати шести.

Большой Бэрк выругался. Все ждали.

– Для того, чтобы выиграть на ноль, нужно, чтобы напротив стояло одиннадцать. Попробуйте сами, если не верите.

– Но где же система? – нетерпеливо спросил Моран. – Мы знаем, что вы умеете выбирать выигрышные номера. Но как вы их узнали?

– Я внимательно следил за выигрышами. Случайно я дважды отметил, где остановился шарик, когда вначале против него был номер девять. Оба раза выиграл двадцать шестой. Тогда я стал изучать и другие случаи. Если напротив находится двойной ноль – выигрывает тридцать второй. А для того чтобы выиграть на двойной ноль, необходимо, чтобы напротив было одиннадцать. Это случается не всегда, но обычно. Как я уже сказал, у меня есть свои догадки, о которых я предпочитаю не распространяться.

Большой Бэрк, пораженный какой-то мыслью, внезапно вскочил, остановил рулетку и стал внимательно осматривать колесо. Все девять остальных владельцев рулеток тоже склонили головы над колесом. Затем Большой Бэрк выпрямился и посмотрел на печку.

– Черт возьми! – сказал он. – Никакой системы не было. Стол стоит слишком близко к огню, и проклятое колесо рассохлось, покособилось. Мы остались в дураках. Не удивительно, что он играл только за этим столом. За другим столом он не выиграл бы и кислого яблока.

Гарвей Моран облегченно вздохнул.

– Не беда! – произнес он. – Мы не так уж много заплатили, зато мы знаем наверняка, что никакой системы не существует.

Он захохотал и хлопнул Смока по плечу.

– Да, Смок, вы нас помучили изрядно. А мы еще радовались, что вы оставляете наши столы в покое. У меня в «Тиволи» есть славное вино. Идем со мной, и я его открою.

Вернувшись домой, Малыш стал молча перебирать мешки с золотым песком. Наконец он разложил их на столе, сел на край скамьи и стал снимать мокасины.

– Семьдесят тысяч! – говорил он. – Это весит триста пятьдесят фунтов. И все благодаря покрякивавшемуся колесу и зоркому глазу. Смок, ты съел их сырыми, ты съел их живьем. И все же я знаю, что это сон! Только во сне случаются такие замечательные вещи. Но у меня нет ни малейшего желания проснуться. Я надеюсь, что никогда не проснусь.

– Успокойся! – отозвался Смок. – Тебе незачем просыпаться. Есть философы, которые утверждают, что все люди живут во сне. Ты попал в хорошую компанию.

Малыш встал, подошел к столу, взял самый большой мешок и стал укачивать его, как ребенка.

– Может быть, это и сон, – сказал он. – Но зато, как ты справедливо заметил, я попал в хорошую компанию.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Еще до того, как Смок Беллью в шутку основал поселок Тру-ля-ля, совершил вошедшую в историю спекуляцию с яйцами, которая чуть было не привела к банкротству Билла Свифтуотера, и взял приз в миллион долларов на состязании собачьих упряжек в беге по Юкону, ему пришлось разлучиться с Малышом в верховьях Клондайка. Малыш должен был спуститься вниз по Клондайку в Доусон, чтобы зарегистрировать несколько заявок.

Смок же повернул со своими собаками на юг. Он хотел добраться до Нежданного озера и до мифических Двух Срубов. Для этого он должен был пересечь верховья Индейской реки и неисследованные области, лежащие за горами, и спуститься к реке Стюарт. По слухам, именно где-то в этих краях лежало Нежданное озеро, окруженное зубчатыми горами и ледниками, а дно этого озера было усеяно золотыми самородками. Рассказывали, что когда-то старожилы, чьи имена теперь забылись, ныряли в ледяную воду озера и выплывали на поверхность, держа по золотому самородку в каждой руке. Но вода была до того холодная, что одни из этих смельчаков умирали тут же от разрыва сердца, другие становились жертвой скоротечной чахотки, и никто из тех, кто отправлялся на это озеро, еще не вернулся. Всякий раз случалось какое-нибудь несчастье. Один провалился в полынью неподалеку от Сороковой Мили. Другой был разорван и съеден своими же собаками. Третьего раздавило свалившееся дерево. Нежданное озеро было заколдованным местом. Дорогу к нему давно забыли, и золотые самородки до сих пор устлали дно.

О местонахождении Двух Срубов, столь же мифических, имелись более подробные сведения. Они стояли на расстоянии «пяти ночевок» от реки Стюарт вверх по реке Мак-Квещен. Их поставил кто-то в те времена, когда в бассейне Юкона еще ни одного золотоискателя и в помине не было. Бродячие охотники на лосей говорили Смоку, что их старикам как-то удалось добраться до этих лагун, но никаких следов давнишних разработок там не оказалось.

– Лучше бы ты поехал со мной, – сказал Смоку на прощанье Малыш. – Если тебе так уж не сидится, это еще не значит, что надо наживать себе неприятности. Поезжай куда-нибудь, но зачем ехать в какое-то заколдованное место, где, как и тебе и мне хорошо известно, каждого подстерегает злой дух.

– Не беспокойся, Малыш. Через шесть недель я вернусь в Доусон. Дорога по Юкону накатана, да и первые сто миль по Стюарту тоже, должно быть, хорошо наезжены. Старожилы с Гендерсона говорили мне, что в те края после ледостава отправилось несколько золотоискателей. Идя по их следам, я могу делать по сорок, даже по пятьдесят миль в день. Мне бы только добраться туда, и через месяц я буду дома.

– Да, вот добраться туда. Это именно меня и беспокоит. Как ты туда доберешься? Ну что ж, прощай, Смок. Главное, смотри в оба, не попадись злему духу. И помни, что нечего стыдиться, если ты вернешься домой с пустыми руками.

2

Неделю спустя Смок уже карабкался по отрогам гор, окаймляющих южный берег Индейской реки. На водоразделе между Индейской рекой и Клондайком он бросил нарты и навьючил своих псов. Каждая из шести огромных собак тащила по пятидесяти фунтов. Такой же груз был и на спине у Смока. Смок шел впереди, приминая своими лыжами мягкий снег, а за ним гуськом тащились собаки.

Он любил эту жизнь, эту суровую полярную зиму, дикое безмолвие, беспредельные снежные равнины, на которые вздымались обледенелые горные громады, еще безымянные, еще не нанесенные на карту. Глаз нигде не встречал одиноких дымок, поднимающихся над стоянками охотников. Он один двигался среди этих никому не ведомых пространств. Одиночество нисколько не тяготило его. Он любил дневной труд свой, перебранки собак, устройство привала в зимние сумерки, мерцание звезд и пламенеющую пышность северного сияния.

Но больше всего любил он свои ночные стоянки в этой снежной пустыне. Вовек не забудет он их. Ему грезилась картина, которую он когда-нибудь напишет. Утоптаный снег и горящий костер, постель из пары заячьих шуб, разостланных на свежесрубленных ветвях; заслон от ветра – кусок холста, задерживающий и отражающий жар костра, закоптелый кофейник, кастрюлька, мокасины,

надетые на палки для просушки, лыжи, воткнутые в снег. А по ту сторону костра – собаки, жмущиеся поближе к огню, умные и жадные, косматые и заиндевелые, с пушистыми хвостами, которыми они заботливо прикрывают себе ноги. И кругом сплошная стена непроницаемого мрака.

В такие минуты Сан-Франциско, «Волна», и О'Хара казались ему неясными далекими призраками, тенями из несбывшихся снов. Ему трудно было поверить, что он знал когда-то иную жизнь, что он когда-то плескался и барахтался в болоте городской богемы. В одиночестве, лишенный возможности перекинуться с кем-нибудь словом, он много думал, и мысли его были глубоки и просты. Он с ужасом думал о том, как попусту прошли для него годы его городской жизни, о бездарности всех школьных и книжных философий, об умничающем цинизме редакций и художественных мастерских, о ханжестве дельцов, отдыхающих в своих клубах. Они не знают, что такое волчий аппетит, крепчайший сон, железное здоровье; никогда они не испытывали настоящего голода, настоящей усталости, им незнакомо опьянение работой, от которой вся кровь в жилах бурлит, как вино.

Эта прекрасная, мудрая, суровая Северная Страна существовала всегда, а он ничего о ней не знал. Его удивляло, как это он, созданный для такой жизни, мог не слышать тихого зова северной природы. Она звала его, а он не знал. Но и это пришло в свое время.

– Зато теперь, Желтомордый, я слышу ее ясно!

Пес, к которому были обращены эти слова, поднял сначала одну лапу, потом другую, потом опять уютно прикрыл их хвостом и засмеялся, глядя на своего хозяина через костер.

– Герберту Спенсеру было почти сорок лет, когда он начал понимать, в чем его призвание. Я нашел свое призвание гораздо раньше. Я не дождался и тридцати лет. Мое призвание – здесь. Знаешь, Желтомордый, я хотел бы родиться волчонком и всю жизнь быть твоим братом и братом всего твоего волчьего племени.

Много дней бродил он по хаосу ущелий и перевалов; они были расположены в таком беспорядке, что казалось, будто их разбросал здесь какой-то космический проказник. Тщетно искал он ручеек или речку, которые текли бы на юг – к Мак-Квещену и Стюарту. Подул ветер с гор и принес вьюгу. Находясь над линией лесов и не имея возможности поэтому развести огонь, он два дня бесплодно старался спуститься пониже. К концу второго дня он добрался до карниза какой-то колоссальной отвесной скалы. Падая такой густой снег, что Смоку не удалось рассмотреть ее основания. Смок плотно закутался в оленью доху, окружил себя собаками, укрылся с ними в огромном сугробе и так провел всю ночь, стараясь не заснуть.

Утром, когда буря утихла, он пошел на разведку. В четверти мили под ним находилось замерзшее, занесенное снегом озеро. Над озером поднимались со всех сторон зубчатые вершины гор. Да, ему так и рассказывали. Он нечаянно набрел на Нежданное озеро.

– Подходящее название, – бормотал он час спустя, приближаясь к самому берегу.

Здесь росло несколько старых елей. Пробираясь к ним, Смок наткнулся на три могилы, почти доверху занесенные снегом: торчали только столбы, на которых были вырезаны совершенно неразборчивые надписи. За елями стояла маленькая ветхая хижина. Он толкнул дверь и вошел. В углу, на том, что когда-то было постелью из еловых веток, лежал скелет, завернутый в истлевшие меха.

«Последний посетитель Нежданного озера», – подумал Смок, поднимая с пола кусок золота величиною в два кулака. Рядом с этим самородком стояла жестянка, полная шершавых золотых самородков величиной с орех.

Так как все, что рассказывали про Нежданное озеро, пока подтверждалось, Смок решил, что золото это добыто с его дна. Но сейчас озеро было покрыто толстым слоем льда и потому недосыгаемо. И в полдень с крыльца хижины Смок бросил на него прощальный взгляд.

– Все в порядке, мистер Озеро, – сказал он. – Сторожи свои сокровища. Я еще вернусь сюда за ними, если только здешний злой дух мне не помешает. Я не совсем ясно представляю себе, как я сюда попал, но надеюсь узнать это, выбираясь отсюда.

3

Четыре дня спустя Смок развел костер в большой долине, на берегу замерзшего потока, под гостеприимными елями. Где-то там, в этом белом хаосе, позади находилось Нежданное озеро, но где

именно – он уже не знал. Четверо суток блужданий в слепящей пурге сбили его с толку, и он уже не знал, где у него «впереди» и где «позади». Он словно вынырнул из какого-то кошмара. Он не мог бы даже сказать, сколько времени был в пути – четыре дня или целую неделю. Он спал вместе с собаками, перебрался через десятки невысоких перевалов, следовал за извилинами сумасшедших ущелий, кончавшихся тупиками, и за все время ему только дважды удалось развести огонь и подогреть лосиное мясо. Теперь он мог впервые вдоволь поесть и поставить заслон. Снежная буря улеглась, снова стало ясно и холодно. Мир вокруг него принял обычный вид. Речка, на которой он очутился, казалась обыкновенной речкой и текла на юго-запад. Но Нежданное озеро он потерял так же, как потеряли его и все прежние Колумбы.

Полдня пути вниз вдоль небольшой речки привели его в долину другой, более широкой реки. Он догадался, что это и есть Мак-Квещен. Тут он убил лося, и теперь каждая его собака снова тащила по пятидесяти фунтов мяса. Идя вниз по Мак-Квещену, он набрел на санный след. Верхний слой снега был мягок, но под ним находилась утоптанная тропа. Он заключил, что на Мак-Квещене есть два лагеря и что этот путь ведет от одного к другому. Решив, что нижний лагерь – это Два Сруба и что там, вероятно, кто-то поселился, он двинулся вниз по реке.

Было сорок градусов мороза, когда он расположился на ночлег. Засыпая, он размышлял, кто бы могли быть эти люди, открывшие таинственные Два Сруба, и доберется ли он до их стоянки на следующий день. Он тронулся в путь при первых проблесках рассвета и шел по запорошенной тропе, утаптывая ее своими плетеными лыжами, чтобы собаки не провалились.

Неожиданное настигло его на излучине реки. Он услышал и почувствовал его одновременно. Справа щелкнул ружейный выстрел; пуля, пробив насквозь парку и фуфайку, ударила его в плечо и заставила повернуться вокруг своей оси. Он покачнулся на лыжах, желая сохранить равновесие, и услышал второй выстрел. На этот раз стрелявший промахнулся. Смок не стал дожидаться. Нырнув в снег, он пополз к берегу, чтобы спрятаться среди деревьев и кустов. Снова и снова трещали выстрелы, и он с отвращением почувствовал, что по его спине течет что-то теплое и липкое.

Ведя за собой собак, Смок вскарабкался на берег и спрятался в кустах. Там он снял лыжи, пробрался вперед и стал внимательно осматривать противоположный берег. Но никого не увидел. Стрелявший, должно быть, спокойно лежал за деревьями на противоположном берегу.

– Если сейчас ничего не случится, – пробормотал Смок спустя полчаса,

– я вылезу и разведу костер. Иначе я отморожу себе ноги. Желтомордый, что бы ты стал делать, если бы тебе пришлось лежать на морозе, чувствуя, что кровь застывает в твоих жилах, и зная, что тебя собираются застрелить?

Он отполз на несколько шагов назад, утоптал снег и стал приплясывать на месте. Эта пляска нагнала ему кровь в ноги и позволила выдержать еще полчаса. Вдруг он услышал звон бубенчиков. Он увидел нарты, показавшиеся из-за поворота реки. У передка, рядом с шестом, бежал одинокий человек, погонявший собак. Смок был потрясен, так как это был первый человек, которого он увидел после того, как три недели назад расстался с Малышом. Он сразу подумал о негодяе, притаившемся на том берегу.

Не вылезая из своей засады, Смок предостерегающе свистнул. Человек не расслышал, и продолжал мчаться вперед. Смок свистнул громче. Человек остановил собак и увидел Смока как раз в тот момент, когда раздался выстрел. Тогда Смок поднял ружье и сам выстрелил в сторону деревьев, откуда донесся звук выстрела.

При первом выстреле человек у шеста покачнулся. Шатаясь, он подошел к нартам и, поднимая ружье к плечу, вдруг начал медленно опускаться и сел на нарты. Потом выстрелил, не целясь, и повалился навзничь, – Смок мог видеть только его живот и ноги.

Снова снизу донесся звон бубенчиков. Упавший не шевельнулся. Из-за поворота выехало трое нарт, шесть человек сопровождало их. Смок крикнул, чтобы предупредить, но те уже сами видели, что произошло с первыми нартами, и торопились к пострадавшему. Выстрелы с того берега не повторялись, и Смок, позвав своих собак, вышел из-за прикрытия. Его встретили восклицаниями, двое из только что прискакавших сняли рукавицы, подняли ружья и взяли Смока на прицел.

– Подойди-ка сюда, подлый убийца, – скомандовал чернобородый мужчина.

– Брось сейчас же свое ружье в снег.

Поколебавшись, Смок кинул ружье и подошел к ним.

– Обыщи его, Луи, и отними у него оружие, – приказал чернобородый.

Смок понял, что Луи – канадский француз, проводник, как и остальные. Он обыскал Смока и отобрал у него охотничий нож.

– Ну, что ты скажешь в свое оправдание, незнакомец, прежде чем я тебя застрелю? – спросил чернобородый.

– Скажу, что вы ошибаетесь: не я убил этого человека, – сказал Смок.

Один из проводников закричал. Он прошел по следам Смока и добрался до кустов, за которыми тот прятался. Об этом своем открытии он немедленно сообщил остальным.

– За что ты убил Джо Кинэда? – спросил чернобородый.

– Я его не убивал... – начал Смок.

– Нечего разговаривать. Ты пойман на месте преступления. Вот следы твоих ног. Услышав, что подъезжает наш товарищ, ты отошел в сторону. Ты залег между деревьями и выстрелил в него. Пьер, подними его ружье.

– Дайте мне рассказать вам, – сказал Смок.

– Заткнись! – крикнул чернобородый. – Твое ружье само все расскажет.

Они осмотрели ружье Смока, сосчитали заряды, проверили дуло и магазины.

– Один выстрел! – сказал чернобородый.

Пьер, словно олень, широко раздувая ноздри, понюхал магазин.

– Выстрел сделан совсем недавно, – сказал он.

– Пуля попала ему в спину, – сказал Смок. – А он ехал лицом ко мне. Ясно, что стреляли с того берега.

Чернобородый на минуту задумался. Затем он покачал головой.

– Нет, ты нас не обманешь. Он повернулся к тебе спиной, и тогда ты выстрелил. Пойдите, ребята, посмотрите, не ведут ли какие-нибудь следы к тому берегу.

Но ему ответили, что возле того берега лежит совершенно нетронутый снег. Чернобородый вынул из раны убитого свалевшийся меховой пыж. Разрезав его, он достал пулю. Кончик пули расплющился и сделался величиной в полудолларовую монету, но основание ее, одетое сталью, было цело. Он сравнил пулю с пулями Смока.

– Тут и слепой поймет, в чем дело, – сказал он. Эта пуля с мягким носом и стальной рубашкой, и твоя с мягким носом и стальной рубашкой. Здесь тридцать – тридцать; и твоя тридцать – тридцать. Эта – завода Д. и Т., и твоя – завода Д. и Т. Пойдем на берег и посмотрим, как это ты все устроил.

– Я сам ранен, – сказал Смок, – у меня прострелена парка.

Пока чернобородый рассматривал пробитую парку, один из его товарищей исследовал затвор ружья, принадлежавшего убитому. Ружье свидетельствовало, что из него был сделан один выстрел. Пустая гильза оставалась еще в камере.

– Жаль, что бедному Джо не удалось застрелить тебя, – огорченно сказал чернобородый. – Однако он не оплошал – с такой дырой в спине. Ну, ступай!

– Поищите сначала на том берегу, – настаивал Смок.

– Молчи и ступай за мной. Говорить за тебя будут факты.

Они сошли с тропы в том самом месте, где свернул Смок, поднялись по его следам на берег и осмотрели все пространство между деревьями.

– Здесь он плясал, чтобы согреть ноги, – сказал Луи. – Здесь он полз на животе. Здесь приподнялся на локте, чтобы выстрелить...

– А вот его пустой патрон! – сказал чернобородый. – Ребята, нам остается только одно...

– Раньше спросите меня, зачем я сделал этот выстрел, – перебил его Смок.

– Если не замолчишь, я заткну тебе глотку твоими собственными зубами. Ты еще успеешь поговорить. Мы люди приличные, уважающие закон, и мы поступим с тобой как полагается. Пьер, далеко мы от дома?

– Миль двадцать будет!

– Отлично. Заберем с собой бедного Джо с его поклажей и едем к Двум Срубам. Я полагаю, мы видели вполне достаточно для того, чтобы вздернуть этого молодца.

4

Спустя три часа после наступления темноты убитый, Смок и его конвоиры прибыли к Двум Срубам.

При свете звезд Смок увидел на плоском берегу десяток недавно построенных домишек, окружавших старый, довольно большой дом того типа, который нередко встречается на крайнем Западе. Его ввели как раз в этот старый дом. Там он увидел молодого человека огромного роста, его жену и слепого старика. Женщина, которую муж назвал Люси, тоже была высокая и сильная. Старик, как Смок узнал впоследствии, был старый зверолов со Стюарта. Он ослеп прошлой зимой. Узнал Смок и о том, что лагерь Два Сруба был построен год назад. Сюда прибыла группа людей, нашла здесь слепого зверолова и поселилась рядом с ним. Более поздние пришельцы создали тут целый поселок. Охота была здесь хорошая, попадалось и золото.

Через несколько минут в комнату набилось все население Двух Срубов. Смоку связали руки и ноги ремнями из оленьей кожи, и, всеми осмеянный, никем не замечаемый, он лежал в углу. Он насчитал тридцать восемь человек, народ все грубый и дикий, – выходцы из Штатов и французы – проводники из северной Канады. Поймавшие Смока люди снова и снова повторяли рассказ о том, как все произошло, и вокруг каждого из них толпились разъяренные поселенцы.

– Линчуйте его сейчас же, чего ждать! – кричали в толпе.

Одного огромного ирландца пришлось удержать силой. Он хотел броситься на беззащитного пленника и избить его.

Разглядывая присутствующих, Смок заметил знакомое лицо. Это был Брэк, лодку которого он однажды провел через пороги. К удивлению Смока, тот не подошел к нему и не заговорил с ним. Смок тоже сделал вид, будто не знает его. И вдруг заметил, что Брэк, заслонив лицо рукой, мигает ему.

Чернобородый, которого звали Эли Гардинг, положил конец толкам о немедленном линчевании.

– Молчать! – заорал он. – Потерпите немного. Этот человек принадлежит мне. Я его поймал, и я привел его сюда. Неужели вы думаете, что я тащил его в такую даль для того, чтобы линчевать? Конечно, нет! Я это и сам мог сделать. Я привез его для справедливого и беспристрастного суда, и, клянусь богом, мы будем его судить справедливо и беспристрастно. Он связан и не сбежит. Оставим его здесь до утра, а завтра – суд.

5

Смок проснулся. Он лежал лицом к стене и вдруг почувствовал, что струя ледяного воздуха впиалась ему в плечо, как игла. В помещении было жарко натоплено, и струйка морозного воздуха, проникшая снаружи, где было пятьдесят градусов ниже нуля, свидетельствовала о том, что кто-то за стеной выковырял мох из щели между бревнами. Смок был связан, но все же ему удалось изогнуться и дотронуться губами до щели.

– Кто там? – прошептал он.

– Брэк! – последовал ответ. – Не шумите. Я хочу передать вам нож.

– Не стоит, – сказал Смок. – Я не могу им воспользоваться. Руки у меня связаны за спиной и притянуты ремнем к койке. Да и нож вам в отверстие не просунуть. Но что-нибудь необходимо сделать. Эти молодцы самым серьезным образом хотят меня повесить, а вы, конечно, понимаете, что я не убил этого человека.

– Нечего об этом говорить, Смок. Если даже вы убили его, у вас на это, вероятно, были основания. Не в том дело. Я хочу спасти вас. Здесь отчаянный народ, вы сами это видели. Они оторваны от всего мира и судят по собственным законам на своих собраниях. Недавно они казнили двух воров, укравших продовольствие. Одного они прогнали из лагеря без провизии и спичек. Он прошел сорок миль, промучился два дня и в конце концов замерз. Другому – это было недели две спустя – они предложили на выбор: или уйти без продовольствия и огня, или получить по десяти ударов плетью за

каждую дневную порцию. Он выдержал сорок ударов и испустил дух. Теперь они взялись за вас. Все до последнего человека уверены, что вы убили Джо Кинэда.

– Человек, убивший Кинэда, стрелял и в меня. Его пуля задела мне плечо. Добейтесь отсрочки суда и пошлите кого-нибудь обследовать тот берег.

– Ничего не выйдет. Все поверили Гардингу и пяти французам, бывшим с ним. Кроме того, им досадно, что они никого еще до сих пор не повесили. Им живется скучновато. Никаких особенных богатств они пока не нашли, а искать Нежданное озеро им надоело. В начале зимы они ходили в походы, но сейчас и это оставлено. У них началась цинга, и они страшно озлоблены.

– И хотят выместить на мне все свои неудачи? – сказал Смок. – А вы, Брэк, как попали в это проклятое место?

– Я сделал несколько заявок на ручье Индианки, оставил там компаньонов, а сам пошел вверх по Стюарту, надеясь добраться до Двух Срубов. Здесь меня не приняли в компанию, и я начал разработку выше по Стюарту. У меня кончились запасы, и я только вчера вернулся сюда за продовольствием.

– Вам удалось что-нибудь найти?

– Мало! Но я изобрел одно гидравлическое сооружение, которое будет полезно, когда здесь начнется оживление. Особая драга для промывания золота.

– Подождите, Брэк, – сказал Смок, – дайте мне подумать.

В тишине, прислушиваясь к храпу спящих рядом людей, он обдумывал мелькнувшую у него мысль.

– Скажите, Брэк, распаковали они мешки с провизией, которые были на моих собаках?

– Несколько мешков распаковали. Я видел. Они снесли в хижину Гардинга.

– Нашли они там что-нибудь?

– Мясо!

– Отлично. Поищите темный полотняный мешок, завязанный ремнем из оленьей кожи. Вы найдете там несколько фунтов самородного золота. Никто никогда в этих местах такого золота не видывал. Слушайте, сделайте вот что...

Четверть часа спустя, получив подробные инструкции и обморозив себе пальцы, Брэк ушел. Смок тоже отморозил себе нос и щеку. Он целых полчаса терся лицом об одеяло, и только жар и покалывание прилившей к щекам крови уверили его, что опасности больше нет.

6

– Мне все ясно. Не сомневаюсь, что это он убил Кинэда. Вчера вечером мы слышали все подробности. Зачем снова выслушивать то же самое? Я голосую: он виновен!

Так начался суд над Смоком. Оратор, здоровенный детина, выходец из Колорадо, был очень огорчен, когда Гардинг сказал в ответ, что Смока надо судить по всем правилам и предложил выбрать судьей и председателем собрания Шэнка Вильсона. Все население Двух Срубов вошло в состав присяжных и попутно, после некоторой дискуссии, лишило женщину, Люси, права голоса.

Смок, сидя на койке в углу комнаты, прислушивался к разговору между Брэком и одним из золотоискателей.

– Не продадите ли вы мне пятьдесят фунтов муки? – спрашивал Брэк.

– У вас не хватит песку, чтобы заплатить мне за нее.

– Я дам вам двести.

Тот покачал головой.

– Триста! Триста пятьдесят!

Когда дошло до четырехсот, человек согласился и сказал:

– Пойдемте ко мне в хижину. Там вы отвесите песок.

Они пробрались к двери и вышли. Через несколько минут вернулся один Брэк.

Гардинг давал свидетельские показания, когда Смок увидел, что дверь отворилась и в щели показалось лицо человека, продававшего муку. Он подмигивал и делал какие-то знаки одному из золотоискателей. Наконец тот встал и пошел к двери.

– Куда ты, Сэм? – спросил Шэнк Вильсон.

– Я на минутку, – ответил Сэм. – У меня там дело.

Смоку разрешили задавать вопросы свидетелям. Начался перекрестный допрос. И вдруг все услышали визг собачьей упряжки и скрип полозьев по снегу. Кто-то из сидевших у двери выглянул наружу.

– Это Сэм и его компаньон, – сказал он. – Они помчались по направлению к Стюарту.

В течение полминуты никто не сказал ни слова. Все многозначительно переглядывались. Уголкем глаза Смок видел, как Брэк, Люси и ее муж шептались между собой.

– Продолжай, – сказал Шэнк Вильсон Смоку. – Кончай поскорее допрос свидетелей. Ты хочешь доказать, что тот берег не был осмотрен. Свидетели этого не отрицают. Мы тоже. Но это и не понадобилось. Не было следов, которые вели бы к тому берегу.

– И все же на том берегу был человек! – настаивал Смок.

– Что ты нам очки втираешь. Нас не так много на Мак-Квещене, и мы всех знаем.

– Кто был тот человек, которого вы выгнали из лагеря две недели назад?

– Алонсо Мирамар, мексиканец. Но при чем тут этот вор?

– Ни при чем, если не считать того, что вы о нем ничего не знаете, господин судья.

– Он пошел вниз по реке, а не вверх.

– Почему вы так в этом уверены?

– Я видел, как он выходил из лагеря.

– И это все, что вам известно о нем?

– Нет, не все, молодой человек. Я знаю, все мы знаем, что у него было продовольствие на четыре дня, но не было ружья. Если он не добрался до поселка на Юконе, он давно погиб.

– Вы, должно быть, знаете и все ружья здесь? – спросил Смок.

Шэнк Вильсон рассердился.

– Ты так меня допрашиваешь, будто я обвиняемый, а ты судья. Следующий свидетель! Где француз Луи?

Луи вышел вперед. В эту минуту Люси открыла дверь.

– Куда вы? – строго спросил судья.

– Я не обязана торчать здесь, – вызывающе ответила женщина. – Во-первых, вы меня лишили голоса, а во-вторых, тут слишком душно.

Через несколько минут вышел и ее муж. Судья заметил это, только когда закрылась дверь.

– Кто это вышел? – перебил он Пьера.

– Билл Пибоди, – ответил кто-то. – Он сказал, что ему надо спросить о чем-то жену и что он сейчас вернется.

Вместо Билла вернулась Люси, сняла шубу и села возле печки.

– Я полагаю, что нам незачем допрашивать остальных, – сказал Вильсон, выслушав Пьера. – Все они говорят одно и то же. Соренсен, сходи приведи Билла Пибоди. Сейчас будем голосовать. А теперь, незнакомец, встань и попробуй оправдаться. А мы, чтобы не терять времени, пустим по рукам оба ружья, патроны и обе пули.

Смок объяснил, как он попал в этот край, но в том месте рассказа, когда он начал описывать, как в него выстрелили из засады и как он выбрался на берег, его перебил Шэнк Вильсон.

– Зачем все эти рассказы? Ведь мы только время теряем. Ты лжешь, чтобы избавить свою шею от петли, и это, конечно, твое право, но мы не желаем слушать вздор. Ружье, патроны и пуля, убившая Джо Кинэда, свидетельствуют против тебя. Что там такое? Откройте дверь!

Мороз густым клубом пара ворвался в комнату. Сквозь открытую дверь донесся затихающий вдали собачий лай.

– Это Соренсон и Пибоди, – сказал кто-то. – Они гонят собак вниз по реке.

– Какого черта... – начал было Шэнк Вильсон, но взглянул на Люси и застыл с открытым ртом. – Может, вы, миссис Пибоди, объясните нам, в чем тут дело?

Она покачала головой и сжала губы. Тогда неприязненный взгляд судьи остановился на Брэке.

– Может, вам будет угодно сделать какие-нибудь разъяснения? Я видел, как вы перешептывались с миссис Пибоди.

Все взгляды обратились в сторону Брэка. Тот смутился.

– Он шептался и с Сэмом, – сказал кто-то.

– Послушайте, мистер Брэк, – продолжал Шэнк Вильсон. – Вы прервали заседание и теперь должны объяснить нам, в чем дело. О чем вы там шушукались?

Брэк робко кашлянул и ответил:

– Я хотел купить немного продовольствия.

– На что?

– Как на что? На золотой песок, конечно.

– Где вы его достали?

Брэк промолчал.

– Он промышлял недалеко отсюда, в верховьях Стюарта, – сказал один из золотоискателей. – На прошлой неделе я охотился неподалеку от его стоянки. Он держался как-то странно.

– Этот песок я нашел не там, – сказал Брэк. – Там я разрабатывал проект одного гидравлического сооружения.

– Подайте сюда ваш мешок, – приказал Вильсон.

– Да я нашел этот песок не здесь.

– Все равно! Мы хотим посмотреть.

Брэк притворился, будто не хочет показывать золото. Но он всюду видел угрожающие взоры. Нехотя он сунул руку в карман куртки и вынул жестянку. При этом он брякнул ею обо что-то твердое.

– Вытаскивайте все! – заорал Вильсон.

И Брэк вытащил огромный самородок необычайной желтизны. Таких самородков никто из присутствующих и не видел.

Шэнк Вильсон ахнул. Человек шесть кинулись к дверям. Они долго толкались и ругались, прежде чем им удалось выйти на улицу. Судья вытряхнул содержимое жестянки на стол, и, увидев самородки, еще человек шесть бросились к выходу.

– Куда вы? – спросил Эли Гардинг, видя, что Шэнк Вильсон тоже собирается уходить.

– За собаками, конечно.

– Да ведь вы хотели повесить его!

– Успеется! Он подождет, пока мы вернемся. Заседание откладывается. Нельзя терять времени.

Гардинг колебался. Он свирепо посмотрел на Смока, на Пьера, который с порога делал знаки Луи, потом на самородок, лежавший на столе, и тоже решил пойти с остальными.

– Не советую тебе удирать, – сказал он Смоку. – Впрочем, я думаю воспользоваться твоими собаками.

– Что это? Снова нелепая скачка за золотом? – ворчливо спросил слепой старик, когда раздался лай собак и скрип нарт.

– Я никогда в жизни не видела такого золота, – сказала Люси. – Потрогай его, старик.

Она протянула ему самородок. Но золото не интересовало его.

– У нас тут была чудная охота за пушным зверем, пока сюда не явились эти проклятые золотоискатели.

– Открылась дверь, и вошел Брэк.

– Все обстоит прекрасно, – сказал он. – Кроме нас четверых, во всем лагере не осталось ни одного человека. До моей стоянки на Стюарте – сорок миль. Они вернутся не раньше, чем через пять-шесть дней. Но вам, Смок, надо поскорее улепетывать отсюда.

Брэк достал охотничий нож, перерезал веревки, связывающие его друга, и взглянул на женщину.

– Надеюсь, вы не протестуете? – сказал он с подчеркнутой вежливостью.

– Если вы собираетесь стрелять, – сказал слепой, – переведите меня раньше в другую хижину.

– Со мной вы можете не считаться, – сказала Люси. – Если я не гожусь на то, чтобы повесить человека, я не гожусь и на то, чтобы сторожить его.

Смок встал, потирая затекшие руки.

– Я уже все для вас приготовил, – сказал Брэк. – На десять дней продовольствия, одеяло, спич-

ки, табак, топор и ружье.

– Бегите, – сказала Люси. – Держитесь холмов, незнакомец. Постарайтесь с божьей помощью перебраться через них как можно скорее.

– Прежде чем ехать, я хочу поесть, – сказал Смок, – и поеду я не вверх по Мак-Квещену, а вниз. Я хотел бы, чтобы вы поехали со мной, Брэк. Мы должны найти настоящего убийцу.

– Советую вам ехать вниз до Стюарта, а оттуда пробираться к Юкону, – возразил Брэк. – Когда эти головорезы вернутся, осмотрев мое гидравлическое сооружение, они будут злы, как волки.

Смок улыбнулся и покачал головой.

– Нет, Брэк, я не могу оставить эти места. Меня слишком многое здесь держит. Хотите верьте, хотите нет, но я должен вам сказать, что я нашел Нежданное озеро. Это золото я вывез оттуда. Кроме того, я хочу, чтобы мне вернули моих собак. Я знаю, что говорю: на той стороне реки прячется какой-то человек. Он выпустил в меня чуть ли не всю свою обойму.

Спустя полчаса Смок, евший жареную оленину и пивший кофе, вдруг поставил свою чашку и прислушался. Он первый услышал какие-то подозрительные звуки. Люси открыла дверь.

– Здорово, Спайк. Здорово, Методи! – приветствовала она двух заиндевших мужчин, склонившихся над чем-то лежащим на санях.

– Мы вернулись с верхней стоянки, – сказал один из них. Они осторожно внесли какой-то длинный предмет, завернутый в меха. – Вот что мы нашли по дороге. Он, верно, уж совсем замерз.

– Положите его на нары, – сказала Люси.

Она наклонилась и откинула мех, открыв темное местами обмороженное лицо, на котором выделялись большие черные немигающие глаза. Кожа туго обтягивала его.

– Да ведь это Алонсо! – воскликнула она. – Несчастный, он умирает с голоду.

– Вот он, человек с того берега, – вполголоса сказал Смок Брэку.

– Когда мы нашли его, – говорил один из новоприбывших, – он ел сырую муку и мороженую свинину. Он набрел на тайник, который устроил, верно, Гардинг. Он бился и кричал в наших руках, как пойманный ястреб. Посмотрите на него. Он высох от голода и замерз. Того и гляди умрет.

Через полчаса, когда лицо умершего снова покрыли мехом, Смок повернулся к Люси.

– Если это вас не затруднит, миссис Пибоди, я бы попросил вас зажарить мне еще кусок оленины. Сделайте его потолще и не слишком прожаривайте.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ГОНКИ

1

– Так, так! Наряжаешься.

Малыш с притворным неодобрением оглядывал товарища, а Смок сердился, тщетно стараясь расправить набегающие складки на только что надетых брюках.

– Для брюк, сшитых на другого, они сидят вполне прилично, – продолжал Малыш. – Сколько ты дал за них?

– Сто пятьдесят долларов за весь костюм, сказал Смок. – Его бывший владелец был такого же роста, как я; мне казалось, что это замечательно дешево. Чего ты, собственно, пристал ко мне?

– Кто? Я? Пустяки! Костюм сидит на тебе просто превосходно. Для такого любителя медвежатины, который прибыл в Доусон верхом на льдине, не имея ни крошки продовольствия, с единственной сменой белья, в истертых мокалинах и штанах, явно побывавших в кораблекрушении, – это просто шикарный костюм. И до чего же он тебе к лицу! Скажи, пожалуйста...

– Что тебе еще нужно? – раздраженно спросил Смок.

– Как ее зовут?

– Никак ее не зовут. Просто я приглашен на обед к полковнику Бови. А тебе, должно быть, завидно, что в такое почтенное общество приглашен я, а не ты.

– А ты не опоздаешь? – забеспокоился Малыш.

– Куда?

– На обед. Пожалуй, как раз к ужину попадешь.

Смок хотел было пуститься в объяснения, но заметил искорку насмешки в глазах у Малыша. Он продолжал одеваться, но его пальцы потеряли былую гибкость, – вот почему он так неудачно завязал галстук под воротником своей бумажной сорочки.

– Какая жалость, – издевался Малыш, – что все мои крахмальные сорочки в стирке. А то я мог бы одолжить тебе.

Смок уже возился с башмаками. Шерстяные чулки были слишком толсты для них. Он умоляюще посмотрел на Малыша, но тот покачал головой.

– Ничем не могу помочь. Даже если бы у меня были тонкие носки, я бы тебе не дал. Надень мокасины. Ты останешься без пальцев, если пойдешь в этих башмаках.

– Я дал за них пятнадцать долларов, за подержанные, – простонал Смок.

– Ручаюсь, что там все будут в мокалинах.

– Малыш, ведь там дамы. Я буду сидеть за одним столом с настоящими живыми женщинами. С миссис Бови и многими другими.

– Что ж, твои мокасины не испортят им аппетита. Не понимаю только одного: зачем ты понадобился полковнику?

– Я и сам не знаю. Должно быть, он слышал, что я открыл Нежданное озеро. Чтобы осушить его, понадобится целое состояние, а Гуггенгеймы, видимо, ищут, куда бы вложить свои капиталы.

– В таком случае иди в мокалинах. Слушай, пиджак-то узковат, очень уж талию облегает. Смотри, если дамы начнут там ронять на пол носовые платки, не поднимай их. Пусть себе лежат на полу, не обращай внимания...

2

Полковник Бови, высокооплачиваемый специалист, представитель крупного торгового дома Гуггенгеймов, жил, как ему и подобало, в лучшем здании Доусона. Это двухэтажное бревенчатое здание было так огромно, что в нем была отдельная, настоящая гостиная, служившая только для приема гостей и больше ни для чего.

Огромные медвежьи шкуры покрывали некрашенный дощатый пол этой гостиной, а стены были украшены рогами оленей и лосей. В камине и в большой, набитой дровами печке весело трещал огонь.

Здесь Смок увидел сливки доусонского общества – не скороспелых миллионеров, а подлинный цвет золотопромышленного городка, население которого рекрутировалось со всех концов света. Тут были такие люди, как Уорбэртон Джонс, исследователь Арктики и литератор, капитан Консадайн из канадской конной полиции, Хаскелл – местный комиссар по золоту и барон фон Шредер, любимец кайзера, знаменитый международный дуэлянт.

Здесь же, в бальном платье, предстала перед ними Джой Гастелл, которую Смок до сих пор встречал только на тропе, в мехах и мокалинах. За обедом он сидел рядом с ней.

– Я чувствую себя, как рыба, вытщенная из воды, – признался он. – У вас у всех такой важный вид. Я никогда не предполагал, что в Клондайке существует восточная роскошь. Посмотрите хотя бы на фон Шредера! Ведь на нем настоящий смокинг! А Консадайн надел крахмальную рубашку. Правда, он все же в мокалинах. А как вы находите мою обмундировку?

Он повел плечами, будто приглашая ее полюбоваться собой.

– Вы как будто пополнили за последнее время! – со смехом сказала Джой.

– Ошибаетесь, подумайте еще.

– Это не ваш костюм.

– Совершенно верно. Я купил его за большие деньги у конторщика Аляскинской компании.

– Как жаль, что у конторщиков такие узкие плечи! – сказала девушка. – А как вам нравится моя обмундировка?

– Я потрясен! – воскликнул Смок. – У меня не хватает слов! Я слишком долго был в походе. Ваш наряд ошеломил меня. Я совершенно позабыл, что у женщин есть руки и плечи. Завтра утром я,

подобно моему другу Малышу, проснусь, и окажется, что это был только сон. Последний раз, когда я видел вас на ручье Индианки...

– Там я сама была похожа на индианку, – вставила Джой.

– Я не то хотел сказать. На ручье я открыл, что у вас есть ноги.

– Я никогда не забуду, что я обязана вам своим спасением, – сказала она. – С тех пор я все время хотела повидаться с вами, чтобы поблагодарить вас. (Смок умоляюще повел плечами.) И вот почему сегодня вечером вы здесь.

– Это вы предложили полковнику пригласить меня?

– Нет, не полковнику, а полковнице. Я же попросила ее посадить нас за столом рядом. Кстати, все увлеклись разговором. Слушайте меня и не перебивайте. Вы знаете ручей Моно?

– Да.

– Как оказалось, это необычайно богатое место. Каждая заявка там стоит миллион долларов и выше. Разобрали эти заявки только на днях.

– Я помню нашествие на этот ручей.

– Словом, весь ручей и его притоки теперь покрыты заявочными столбами. Но вдруг выяснилось, что участок номер три, ниже «находки», никем не занят. Ручей так далеко от Доусона, что комиссар предоставил шестидесятидневный срок для регистрации после фактической заявки, и все заявки, за исключением третьего номера, были в свое время зарегистрированы. Заявочные столбы на участке номер три поставил Сайрус Джонсон. Но он исчез. Умер ли он, пошел ли вниз или вверх по реке – никто не знает. Через шесть дней истекает срок подачи заявления. Человек, который поставит там столбы и первый регистрируется в Доусоне, получит этот участок.

– Миллион долларов! – пробормотал Смок.

– Гилкрайст, которому принадлежит соседний участок, промыв один лоток, получил золота на шестьсот долларов. А участки рядом еще богаче.

– Но почему же никто об этом не знает? – скептически спросил Смок.

– Скоро узнают все. Это долго держали в тайне, но весть уже просочилась наружу. Хорошая собачья упряжка через двадцать четыре часа будет продаваться за сумасшедшие деньги. Как только кончится обед, вы отправитесь в дорогу. Сделайте это как можно тактичнее. Я все устроила. Придет индеец и принесет вам письмо. Вы прочтете письмо, притворитесь, что весьма озабочены, извинитесь и уйдете.

– Нет... Я не хочу расстаться с вами так скоро...

– Глупости! – шепотом воскликнула она. – Вы должны выехать сегодня же ночью. Надо достать собак. Я знаю две подходящие упряжки. Одна у Гансона – семь больших собак с Гудзонова залива. Он просит по четыреста долларов за каждую. Сегодня это дорого, но завтра будет дешевой. Затем у Ситки Чарли есть восемь мейлемьтов, за которых он просит три тысячи пятьсот. У вас тоже есть собаки. Но не мешает скупить за ночь все лучшие упряжки. Вам предстоит путь в сто десять миль, и собак надо будет менять возможно чаще.

– Я вижу, вы хотите, чтобы я во что бы то ни стало принял участие в этой гонке.

– Если у вас нет денег на собак, то я...

Смок не дал ей договорить.

– Собак я могу купить сам. Но не думаете ли вы, что это азартная игра?

– После ваших подвигов на рулетке в «Оленьем Роге» я знаю, что она вас не испугает. Смотрите на это, как на спорт. Гонка на приз в миллион долларов. Вам придется состязаться с лучшими здешними гонщиками. Они еще не вступили в игру, но через сутки вступят, и собаки невероятно подымутся в цене. Толстяк Олаф в городе. Он – самый опасный ваш соперник. Аризона Билл тоже примет участие. Это профессиональный перевозчик грузов и почты. Все внимание будет сосредоточено на нем и на толстяке Олафе.

– И вы хотите, чтобы я выступил в роли темной лошадки?

– Конечно. В этом и заключается ваше преимущество. С вами не будут серьезно считаться. Ведь вас до сих пор считают чечако. Вы еще и года здесь не живете. Если вы не обгоните всех на обратном пути, никто вас и не заметит.

– Значит, темной лошадке придется показать свой класс на финише? – сказал Смок.

Она утвердительно кивнула головой.

– Если вы не выиграете заявки на Моно, я никогда не прощу себе того, что я сделала с вами там, на ручье Индианки. И помните, вы единственный человек, который может оспаривать эту победу у наших старожилов.

Самое главное заключалось в том, как она это сказала. Смоку стало жарко. Сердце его забило. Он кинул на нее вопросительный взгляд, невольный и значительный, и в ее глазах, на мгновение встретившихся с его глазами, прочел нечто гораздо более важное, чем весть об участке, который Сайрус Джонсон не успел зарегистрировать.

– Я приму участие в этом состязании, – сказал он. – И добьюсь победы.

Счастливым светом в ее глазах, казалось, обещал ему большую награду, чем все золото участка на ручье Моно. Он почувствовал, что ее рука, лежавшая у нее на коленях, ищет его руку. Под покровом скатерти он протянул свою навстречу и испытал крепкое пожатие девичьих пальцев. Ему снова стало жарко.

«Что скажет Малыш?» – неожиданно для себя подумал Смок, выпустив ее руку. Он уже почти ревниво смотрел на фон Шредера и Джонсона. Неужели они не замечают необыкновенной прелести этой девушки?

– Аризона Билл – белый индеец, – продолжала она. – А Толстяк Олаф – охотник на медведей, король снегов, могучий дикарь. Он выносливее любого индейца и никогда не знал другой жизни, кроме жизни в морозной пустыне.

– О ком вы говорите? – спросил через стол капитан Консадайн.

– О Толстяке Олафе, – ответила она. – Я рассказывала мистеру Беллью, какой он замечательный ездок.

– Вы правы, – ответил капитан. – Толстяк Олаф – лучший ездок на Юконе. В тысяча восемьсот девяносто пятом году он провез правительственные депеши после того, как два курьера замерзли в Чилкоте, а третий у Тридцатой Мили провалился в полыню.

3

Смок ехал к ручью Моно не торопясь. Он боялся утомить своих собак до главной гонки. Он изучал тропу и отмечал места, где ему придется менять собак. В этом состязании приняло участие столько людей, что все пространство в сто десять миль было похоже на один сплошной поселок. По всему пути были расставлены собачьи подставы для смены упряжек. Фон Шредер, принявший участие в состязании исключительно из спортивных видов, имел одиннадцать упряжек, то есть мог менять собак каждые десять миль. Аризона Билл удовлетворился восемью упряжками. У Толстяка Олафа было семь упряжек – столько же, сколько у Смока. Кроме них, в состязании принимало участие свыше сорока человек. Гонки с призом в миллион долларов даже на золотом Севере слушаются не каждый день. Цены на собак удвоились и даже учетверились.

Участок номер три ниже «Находки» находился в десяти милях от устья Моно. Остальные сто миль надо было проехать по ледяной груди Юкона. На третьем номере было пятьдесят палаток и триста собак. Заявочные столбы, поставленные Сайрусом Джонсоном два месяца назад, все еще стояли на своих местах, и каждый участник состязания десятки раз обходил участок номер три. Дело в том, что скачке на собаках предшествовала скачка с препятствиями – пешком. Ведь каждый должен был поставить сам свои заявочные столбы – два центральных и четыре боковых. Для этого надо было дважды пересечь речку и только тогда уже можно было гнать своих собак в Доусон.

Было постановлено, что участок откроется для новой заявки ровно в двенадцать часов ночи, в пятницу. До тех пор никто не имел права ставить столбы. Таково было распоряжение комиссара, и, чтобы оно выполнялось, капитан Консадайн отрядил сюда отряд конной полиции. Возникла дискуссия, правильны ли часы у полиции, и капитан Консадайн во избежание споров решил, что время должен установить по своим часам лейтенант Поллок.

Тропа вдоль Моно имела неполных два фута ширины и напоминала желоб, так как по обеим сторонам ее возвышались сугробы. Всех озадачивал вопрос, как по такому узкому пути смогут проехать сорок нарт и триста собак.

– Ну, и давка же будет, – говорил Малыш. – Тебе, Смок, придется пробиваться силой. Если бы вся поверхность речки была как каток, и то на ней не разъехались бы и десять упряжек. Все смешается в одну непролазную кучу прежде, чем тронутся в путь. Если кто-нибудь загородит тебе дорогу, дай мне расправиться с ним.

Смок пожал плечами и уклончиво улыбнулся.

– Ты не должен заниматься такими пустяками! – встревоженно закричал Малыш. – Ведь нельзя же с больной рукой погонять собак сто миль, а ты непременно повредишь сустав, если вздумаешь разбить кому-нибудь морду.

Смок кивнул головой.

– Ты прав, Малыш, я не имею права рисковать.

– Первые десять миль собак буду гнать я, – продолжал Малыш. – А ты в это время постарайся сохранять полное спокойствие. Я доведу тебя до Юкона. А дальше собак будешь гнать ты сам. Знаешь, что придумал Шредер? Он поставил свою первую упряжку за четверть мили вниз по ручью и узнает ее по зеленому фонарю. Мы устроимся не хуже его. Но только во всех случаях я сторонник красного цвета.

4

День был ясный и морозный, но к вечеру небо заволокли облака, и ночь пришла темная и теплая. Ждали близкого снегопада. Термометр показывал пятнадцать градусов ниже нуля, а для Клондайка зимой это очень тепло.

За несколько минут до полуночи Смок оставил Малыша с собаками в пятистах ярдах вниз по ручью и присоединился к золотоискателям, столпившимся на участке номер три. У старта собралось сорок пять человек, жаждущих получить миллион, который Сайрус Джонсон оставил в промерзшей земле. Каждый золотоискатель, одетый в просторную парку из грубого тика, тащил на себе шесть кольев и большой деревянный молоток.

Лейтенант Поллок, сидевший возле костра в широкой медвежьей дохе, смотрел на часы. До полуночи оставалась одна минута.

– Готовьтесь! – сказал он, поднимая в правой руке револьвер, а в левой часы.

Сорок пять капюшонов было откинуто назад, сорок пять пар рукавиц было снято, сорок пять пар ног, обутых в мокасины, уперлось в утопанный снег. Сорок пять кольев опустились в снег, и сорок пять молотков взвилось в воздух.

Раздался выстрел, и молотки ударили. Сайрус Джонсон потерял свои права на миллион. Во избежание давки лейтенант Поллок распорядился, чтобы первым забивался нижний центральный столб, вторым – юго-восточный, затем остальные три угловые столба и, наконец, верхний центральный.

Смок вбил свой кол и в числе первого десятка двинулся дальше. По углам участка горели костры, возле костров стояли полисмены. У полисменов были списки участников состязания, и они вычеркивали имена тех, кто пробежал мимо. Каждый должен был назвать свою фамилию и показаться полисмену. Это было устроено для того, чтобы избежать подставных лиц, которые могли вбивать столбы, в то время как настоящий хозяин уже мчался вниз по реке на регистрацию.

В первом углу Смок и фон Шредер поставили свои столбы в одно время. Пока они стучали молотками, их окружила толпа переругивающихся людей. Пробившись сквозь толчею и назвав полисмену свое имя, Смок увидел, как барон столкнулся с кем-то и, сбитый с ног, полетел в сугроб. Но Смок не стал ждать. Впереди него были еще и другие. При свете костра он увидел перед собой широкую спину Толстяка Олафа. На юго-западном углу он и Толстяк Олаф вбили свои колья рядом.

Не легка была эта предварительная гонка с препятствиями. Участок в милю длиной был усеян покрытыми снегом кочками. Все спотыкались и падали. Смок тоже несколько раз скатывался вниз на четвереньках. Толстяк Олаф растянулся прямо перед ним и сбил его с ног.

Верхний центральный столб нужно было поставить на откосе противоположного берега; люди спустились с откоса, перебежали через речку по льду и начали взбираться на противоположный откос. Смок взбирался на крутой берег, когда вдруг чья-то рука схватила его за ногу и потащила вниз.

Смок не мог разобрать при мигающем свете отдаленного костра, кто сыграл над ним эту шутку. Но, к несчастью для себя, мошенник попробовал проделать то же самое с Аризонай Биллом. Аризона встал и изо всей силы ударил его кулаком по лицу. Смок попробовал подняться, но вдруг тоже получил удар по лицу и едва не лишился сознания. Ему все же удалось встать на ноги. Он уже приготовился было нанести ответный удар, но вспомнил советы Малыша и удержался. Тут чье-то тело, как металлический снаряд, ударило его по ногам, и он снова покатился вниз.

Все это было словно прелюдией к тому, что потом творилось возле нарт. Люди скатывались с откоса и смешивались в кучу. Они старались вскарабкаться на противоположный откос, но нетерпеливые соперники стаскивали вниз. Удары сыпались направо и налево, в воздухе стон стоял от ругани. Смок, вспоминая лицо Джой Гастелл, думал только о том, чтобы дерущиеся не вздумали пустить в ход деревянные молотки. Его несколько раз сбивали с ног, несколько раз он терял и снова находил свои колья. Наконец он выкарабкался из гущи человеческих тел и стал подниматься на берег по-дальше в сторонке. Многие конкуренты успели опередить его, и Смок поздравлял себя с тем, что в этой гонке на северо-западный угол участка он может укрыться за чьими-то спинами.

По дороге к четвертому углу он снова упал и потерял свой последний кол. Целых пять минут он искал его в темноте, и все время мимо него пробегали запыхавшиеся люди. От последнего угла он начал и сам перегонять людей, для которых такая гонка на расстоянии была не по силам.

У старта творилось нечто невообразимое. Нарты переворачивались, собаки бросались друг на дружку. Среди псов суетились люди и колотили сцепившихся животных дубинками. Увидев мельком это зрелище, Смок подумал, что даже на гравюрах Доре он не встречал ничего подобного.

Выбравшись на укатанную тропу ниже этой свалки, Смок пошел быстрее. Здесь на утопанных стоянках по сторонам узкой тропы люди и нарты поджидали отставших гонщиков. Внезапно сзади донесся шум полозьев и визг собак, и Смок едва успел отскочить в глубокий снег. Нарты вихрем пронесли мимо, и Смок увидел в них человека, стоявшего на коленях и дико кричавшего. Но уже через мгновение нарты эти остановились. Смок услышал шум битвы. На одной из стоянок разъяренные псы, почуяв пробежавших мимо собак, вырвались из рук погонщика и набросились на них.

Смок осторожно обошел сцепившихся псов. Он увидел зеленый фонарь фон Шредера и рядом красный огонек своей собственной упряжки. Двое погонщиков с короткими дубинками охраняли собаку Шредера.

– Смок, сюда! – услышал он еще издали встревоженный голос Малыша.

– Иду! – закричал он.

При свете красного фонаря он увидел, что снег вокруг нарт смят и утопан, а по тяжелому дыханию товарища понял, что здесь была драка. Он бросился к нартам и с разбега вскочил в них. Малыш поднял бич.

– Вперед, черти, вперед! – завывал он.

Собаки налегли на грудные ремни и вынесли нарты на дорогу. Это были крупные звери – Гансонова премированная упряжка гудзоновцев, – и Смок назначил их для первого перегона: десять миль от речки до Юкона, трудный пробег по голому льду возле устья и десять миль вниз по Юкону.

– Сколько человек впереди нас? – спросил Смок.

– Закрой рот и береги дыхание! – Ответил Малыш. – Эй вы, зверюги! Вперед! Вперед!

Он бежал за нартами, держась за короткую веревку. Смок не мог видеть его, как не мог видеть и нарт, в которых лежал, вытянувшись во весь рост. Огни остались позади, и они мчались сквозь стену непроглядного мрака со всей скоростью, на какую собаки были способны. Этот мрак был какой-то обволакивающий; он казался плотным, почти осязаемым.

Смок почувствовал, как нарты, делая невидимый поворот, наехали на что-то и качнулись. Он услышал впереди ожесточенный лай и отчаянную брань. Впоследствии это называли «свалкой Барнса – Слокума». Упряжки Барнса и Слокума налетели одна на другую, и в эту кучу врезались сейчас семь огромных псов Смока. Возбуждение этой ночи на Моно довело этих полуприрученных волков до иступления. Клондайкских собак, которыми правят без вожжей, останавливают обычно только окриком, и сейчас не было никакой возможности прекратить побоище, завязавшееся на узкой дороге. А сзади налетали все новые нарты, увеличивая свалку. На людей, которым уже почти удалось распутать свои упряжки, катилась лавина новых собак, хорошо накормленных, отдохнувших и равных

в бой.

– Мы должны во что бы то ни стало прорваться вперед! – заревел Малыш на ухо Смоку. – Береги руки и ложись на меня.

Как они вырвались из этого водоворота, Смок почти не мог вспомнить. Чей-то кулак двинул его по челюсти, чья-то дубина стукнула по плечу. Собачий клык вонзился ему в ногу, и он почувствовал, как в мокасин стекает теплая кровь. Оба рукава его парки были изодраны в клочья. Наконец шум свалки оказался позади. словно во сне, Смок помогал Малышу перепрячь собак. Одна из собак издохла, они обрезали постромки и в темноте ощупью починили поврежденную упряжь.

– А теперь, Смок, ложись на нарты и отдышись, – сказал Малыш.

И собаки во всю прыть понеслись в темноту, вниз по Моно, пересекли широкую равнину и выбежали на Юкон. Здесь, при слиянии речонки с великой рекой, у поворота на широкий санный путь, кто-то разжег костер, и у этого костра Малыш расстался со Смоком. При свете костра, когда нарты понеслись, увлекаемые мчащимися собаками, Смок запечатлел в своей памяти еще одну из незабываемых картин Севера. Это был Малыш, который шел, качаясь, проваливаясь в глубокий снег, и бодро давал свои последние наставления, хотя один глаз у него почернел и закрылся, пальцы были разбиты, а из руки, изодранной выше локтя собачьими клыками, лилась кровь.

5

– Сколько нарт впереди? – спросил Смок, сменяя на первой остановке своих утомленных гудзоновцев и вскакивая на поджидавшие его новые нарты.

– Одиннадцать! – крикнул ему вслед человек, стороживший собак.

Эта упряжка должна была сделать пятнадцать миль и довести его до устья Белой реки. Это была самая слабая его упряжка, хотя в нее входило девять собак. Двадцать пять миль, загроможденных торосами, между Белой рекой и Шестидесятой Милей, он разбил на два перегона и поставил на них две свои лучшие упряжки.

Смок лежал на нартах ничком, вытянувшись во всю длину, и держался обеими руками. Едва собаки замедляли бег, он вскакивал на колени и, оглушительно крича, хлестал их бичом. Как ни слаба была эта упряжка, он все же обогнал на ней двух соперников. Вот наконец и Белая. Здесь во время ледостава торосы образовали барьер, отгородивший полынью длиной в целую милю; теперь полынья замерзла и была покрыта гладким льдом. Эта ровная поверхность давала возможность состязающимся менять собак на ходу, и здесь вдоль всего пути стояли наготове свежие собачьи подставы.

Миновав барьер и выскочив на гладкий лед, Смок полетел во весь опор и громко крикнул:

– Билли! Билли!

Билли услышал и отозвался, и при свете многочисленных костров на льду Смок увидел нарты, которые вынырнули откуда-то сбоку и понеслись за ним вдогонку. Собаки были свежие и догнали его. Когда нарты с ним поравнялись, Смок перепрыгнул в них, а Билли перепрыгнул в его нарты и отъехал прочь.

– Где Толстяк Олаф? – закричал Смок.

– Первым идет! – ответил Билли, и костры остались позади, а Смок снова мчался сквозь стену непроглядного мрака.

На этом трудном перегоне, среди хаоса торчащих кверху торосов, Смок, соскочив с нарт и тщательно управляя своим вожакон, обогнал еще троих соперников. Здесь, в темноте, среди льдин, то и дело происходили катастрофы, и Смок слышал, как обрезали постромки с погибших собак и чинили упряжь.

На следующем перегоне, коротком, но, пожалуй, самом трудном, ведущем к Шестидесятой Миле, он обогнал еще двоих. И словно для того, чтобы ему понятна стала их судьба, одна из его собак вывихнула себе плечо и запуталась в сбруе. Передовые собаки, озлобленные такой неудачей, бросились на пострадавшую товарку, и Смоку пришлось пустить в ход тяжелую рукоять своего бича.

В то время как Смок удалял из упряжки раненую собаку, он услышал за собой собачий лай и человеческий голос, который показался ему знакомым. Это был Шредер. Смок закричал, чтобы предотвратить столкновение. Барон, гикнув на своих собак и налегая на поворотный шест, объехал

Смока на расстоянии двенадцати футов. Было так темно, что Смок, слыша его окрик над самым ухом, ничего не мог разглядеть.

Близ фактории на Шестидесятой Миле, на ровном льду, Смок обогнал еще две упряжки. Здесь все только что переменили собак и поэтому ехали почти рядом, стоя в нартах на коленях, размахивая бичами и крича на обезумевших псов. Но Смок хорошо изучил этот участок пути и знал, что сейчас возле вон той сосны, озаренной кострами, дорога круто повернет и превратится в узкую тропу. Дальше нарты смогут ехать только гуськом.

Нагнувшись вперед, Смок ухватился за веревку и подтянул нарты к своему кореннику. Потом поймал его за задние лапы и опрокинул на спину. Собака, рыча от бешенства, пыталась вонзить в него клыки, но остальные собаки уволокли ее за собой. Ее тело сыграло роль тормоза, и две другие упряжки, шедшие со Смоком наравне, обогнав его, ринулись в темноту узкого прохода.

Впереди раздался грохот. Это столкнулись две упряжки. Смок выпустил из рук лапы коренника, бросился к шесту, круто повернул и погнал собак прямо через непримятый снег. Это было убийственно трудно, псы увязали в снегу по уши, но зато ему удалось вырваться на укатанную дорогу, оставив позади две пары столкнувшихся нарт.

6

Перегон после Шестидесятой Мили имел всего пятнадцать миль, и Смок оставил для него неважную упряжку. Лучших псов он приберег для двух последних перегонов. Они домчат его до конторы инспектора в Доусоне. Сам Ситка Чарли поджидал Смока со своими восемью мейлемьтами, которые должны были перебросить его на двадцать миль вперед. А для финиша – пробег в пятнадцать миль – он назначил свою собственную упряжку, ту самую, на которой он добрался до Нежданного озера.

На этом перегоне ему не удалось перегнать ни одной из трех упряжек, что шли впереди. Но и те гонщики, нарты которых сбились в кучу у Шестидесятой Мили, не догнали его. Собаки весело и дружно бежали вперед, подчиняясь малейшему окрику, и управлять ими было легко. Смок лежал ничком, крепко держась за передок. То полный мрак окружал его, то вспыхивал свет костров, возле которых грелись собаки и закутанные в меха люди поджидали своих хозяев. Он покрывал милую за милей, не слыша ничего, кроме однообразного визга нарт. Нарты то кренились набок, то подскакивали в воздух, налетев на ледяной бугор, то раскатывались на поворотах, но Смока не так-то легко было вытряхнуть в снег. Привычка позволяла ему держаться в нартах без всякого усилия воли, почти машинально.

По временам он забывался, и три лица вставали тогда перед ним без всякой видимой связи: лицо Джой Гастелл, смеющееся и отважное, лицо Малыша, осунувшееся и постаревшее во время гонки по ручью Моно, и лицо Джона Беллью, суровое и непреклонное, как бы выкованное из стали.

Ему хотелось петь и кричать, когда он вспомнил редакцию «Волны», серию рассказов, которую ему так и не удалось окончить, и всю прочую канитель своей прежней бессмысленной жизни.

Уже забрезжил рассвет, когда он сменил утомленных собак на восьмерку свежих мейлемьтов. Эти легконогие выносливые псы могли бежать быстрее тяжеловесных гудзоновцев и были неутомимы, как настоящие волки. Ситка Чарли назвал Смоку всех его конкурентов, шедших впереди. Первым несся Толстяк Олаф, вторым Аризона Билл и третьим фон Шредер. Это были три лучших гонщика страны. Еще до отъезда Смока весь Доусон держал на них пари, называя их именно в этом порядке. Они оспаривали друг у друга миллион, а поставленные на них суммы в целом достигали полумиллиона. Но ни один человек не поставил на Смока. Несмотря на свои всем известные подвиги, он все еще считался чечако, которому предстоит учиться и учиться.

Когда совсем рассвело, Смок заметил перед собой нарты, и через полчаса нагнал их. Ездок оглянулся и Смок поздоровался с ним. Это был Аризона Билл. Очевидно фон Шредер опередил его. Дорога была так узка, что целых полчаса Смок не мог обскатать его и мчался за ним следом. Но наконец, обогнув огромную ледяную глыбу, они выехали на широкую гладкую дорогу, где стояло много собачьих подстав и снег был хорошо утопан. Смок вскочил на колени, взмахнул бичом, закричал на собак и полетел рядом с Аризоной Биллом. Тут только он заметил, что правая рука сопер-

ника безжизненно повисла и тот вынужден править левой рукой. Это было страшно неудобно, – бедный Билл не мог держаться левой рукой, и все же ему приходилось бросать бич и хвататься за передок нарт, чтобы не вылететь из них. Смок вспомнил драку на участке номер три и все понял. Прав был Малыш, советуя ему избегать потасовок.

– Что случилось? – спросил Смок, обгоняя Билла.

– Не знаю. Должно быть, мне вывихнули плечо в драке.

Он отставал медленно, но все же в конце концов отстал на целых полмили. Перед Смоком, почти рядом, шли Толстяк Олаф и фон Шредер. Снова Смок поднялся на колени и выжал из своих замученных собак такую скорость, какую способен выжать только человек, обладающий чутьем настоящего собачьего погонщика. Он подъехал вплотную к задку нарт фон Шредера, и в таком порядке три упряжки выехали на просторную гладь перед торосами, где их ждали люди и свежие собаки. До Доусона оставалось всего пятнадцать миль.

Фон Шредер, разбивший весь путь на десятимильные перегоны, должен был сменить собак через пять миль. Он продолжал гнать своих псов полным ходом. Толстяк Олаф и Смок на лету сменили свои упряжки, и крепкие свежие псы живо догнали ушедшего было вперед барона. Впереди мчался Толстяк Олаф, за ним по узкому следу неся Смок.

– Хорошо, но бывает лучше, – перефразировал Смок выражение Спенсера.

Фон Шредера, теперь отставшего, он не боялся, но впереди шел лучший гонщик страны. Перегнать его казалось невозможным. Много раз Смок заставлял своего вожака сворачивать, чтобы объехать Олафа, но тот неизменно загораживал ему дорогу и уходил вперед. Впрочем, Смок не терял надежды. Никто не проиграл, пока никто не выиграл; впереди еще пятнадцать миль, и мало ли что может случиться.

И действительно, в трех милях от Доусона кое-что случилось. К удивлению Смока, Толстяк Олаф вдруг вскочил на ноги и, отчаянно ругаясь, принялся бешено стегать своих собак. К такому крайнему средству можно прибегать в ста ярдах от финиша, но не в трех милях. Что за беспощадное избиение! Это значит губить собак, подумал Смок. Его собственная упряжка полностью оправдала его надежды. На всем Юконе не было собак, которых заставляли бы больше работать, и тем не менее они находились в отличном состоянии. А все благодаря тому, что Смок был неразлучен со своими собаками, ел и спал с ними, знал характер каждого пса в отдельности, умел воздействовать на их разум и заставлял охотно служить себе.

Они проскочили через небольшой торос и снова понеслись по гладкой поверхности. Толстяк Олаф был всего в каких-нибудь пятидесяти футах впереди. Вдруг сбоку выскочили какие-то нарты. Смок все понял. Толстяк Олаф приготовил себе упряжку на смену перед самым Доусоном. Он гнал своих собак для того, чтобы не дать Смоку опередить себя во время смены упряжек. Эта свежая подстава перед самым домом была неожиданностью для всех, сюрпризом, который он тщательно подготовил и держал в строжайшей тайне. Даже большинство его помощников ничего не знало о ней.

Смок бешено погнал свою свору, и ему удалось покрыть те пятьдесят футов, которые отделяли его от соперника. Теперь его вожак поравнялся с коренником Олафа. По другую сторону неслись нарты, предназначенные для смены. При такой сумасшедшей скорости Толстяк Олаф не решался перескочить на ходу. Если он промахнется и упадет, Смок выиграет состязание.

Толстяк Олаф все еще держался впереди, с необычайным искусством управляя собаками. Но головной пес Смока по-прежнему бежал рядом с его коренником.

Полмили все трое нарт мчались рядом. И только когда ровная дорога подходила к концу, Толстяк Олаф решил наконец на прыжок. Улучив минуту, когда несущиеся нарты почти сомкнулись, он прыгнул, мгновенно опустился на колени, взмахнул бичом, гикнул и погнал свою свежую упряжку. Дальше дорога была так узка, что Смок на время принужден был отказаться от попыток обогнать своего соперника. Но расстояние между ними было не больше одного ярда.

«Человек не побежден, пока его не победят», – говорил себе Смок. Как Толстяк Олаф ни гнал собак, он не мог оторваться от своего преследователя. Ни одна из тех упряжек, которые мчали Смока этой ночью, не могла бы выдержать такой убийственной гонки и соперничать со свежими собаками – ни одна, кроме его собственной. Но и эти выдерживали гонку с трудом, и, огибая утес возле Клондайк-сити, Смок чувствовал, что они выбиваются из последних сил. Мало-помалу они стали отста-

вать и Толстяк Олаф фут за футом уходил вперед, пока не оторвался от Смока на целых двадцать ярдов.

Жители Клондайк-сити, вышедшие на лед, восторженно кричали. Здесь Клондайк впадал в Юкон, а в полумиле дальше, на северном берегу, стоял Доусон. Снова раздались бешеные крики, и вдруг Смок, скосив глаза, увидел подъезжающие к нему нарты. Он сразу узнал запряженных в них собак. Это были псы Джой Гастелл. И сама Джой Гастелл погоняла их. Капюшон ее беличьей парки был откинут, и овал ее лица выделялся, словно камень, на фоне темной массы волос. Она скинула рукавицы и в одной руке держала бич, а другой ухватилась за нарты.

– Прыгайте! – крикнула она Смоку, когда их нарты поравнялись. Смок прыгнул и очутился позади нее. От тяжести его тела нарты накренились, но девушка удержалась на коленях.

– Гей, гей, поддай! Живо! – кричала она, и собаки завыли, изо всех сил стремясь перегнать Толстяка Олафа.

И когда ее вожак поравнялся с нартами Толстяка Олафа и ярд за ярдом стал выдвигаться вперед, огромная толпа народа на доусонском берегу окончательно обезумела. Толпа и в самом деле была огромная, потому что все золотоискатели на своих речонках побросали кирки и явились сюда, чтобы посмотреть на исход состязания. Конец пробега в сто десять миль – достаточная причина для любых безумств.

– Как только вы его перегоните, я соскочу с нарт! – крикнула Джой через плечо.

Смок попытался протестовать, но безуспешно.

– Не забудьте, что на береговом откосе крутой поворот, – предупредила она.

Обе упряжки бежали рядом. В продолжение минуты Толстяку Олафу с помощью бича и криков удавалось удерживать равновесие. Но вот вожак Джой стал выбираться вперед.

– Возьмите бич, – крикнула девушка, – я сейчас спрыгну!

Он уже протянул руку, чтобы взять бич, как вдруг услышал предостерегающий окрик Толстяка Олафа. Но было уже поздно. Передовой пес Олафа, разъяренный тем, что его обгоняют, кинулся в атаку. Он вонзил клыки в бок вожака Джой. Все собаки соперничающих свор вцепились в глотки друг дружке. Нарты наехали на дерущихся собак и опрокинулись. Смок вскочил на ноги и стал поднимать Джой. Но она оттолкнула его, крикнув: – Бегите!

Толстяк Олаф, не теряя надежды на победу, успел убежать футов на пятьдесят вперед. Смок догнал его уже на берегу Доусона. Но на подъеме Толстяк Олаф собрал все свои силы и опять ушел футов на двенадцать вперед.

До конторы инспектора оставалось пять кварталов. Улица была полна зрителей. Все высыпали на улицу, как на парад. Смоку нелегко было догнать своего рослого соперника, но все же он в конце концов догнал его. Но перегнать не мог. Бок о бок бежали они по узкому проходу в толпе одетых в меха, кричащих людей. То Смок, то Олаф судорожным прыжком выдвигался вперед на какой-нибудь дюйм лишь для того, чтобы сейчас же потерять его.

Если раньше они загоняли до полусмерти своих собак, то теперь они загоняли самих себя. Но ведь их ждал миллион и величайшие почести, какие только возможны в стране Юкона. «Откуда на Клондайке столько народу?» – думал Смок. Это было единственное впечатление от внешнего мира, доходившее до его сознания. Он впервые видел все население края сразу.

Смок снова начал отставать. Сердце его разрывалось, ног он не чувствовал и, казалось, продолжал бежать помимо своей воли. И помимо своей воли он ценой невероятного усилия опять оказался рядом со своим огромным соперником.

Вот уже и открытая дверь заявочной конторы. Оба сделали последнюю напрасную попытку опередить друг друга. Бок о бок они ввалились в дверь, столкнулись и рухнули на пол конторы.

Им помогли сесть, но встать они были не в силах. Толстяк Олаф задыхался, обливался потом, махал руками и тщетно пытался что-то сказать. Затем он протянул руку, Смок взял ее, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Вот это гонка! – как сквозь сон, услышал Смок голос инспектора, показавшийся ему далеким и слабым. – Вы оба выиграли. Вам придется делить между собой заявку. Вы – компаньоны.

Их руки поднялись вверх, потом опустились – в знак того, что это решение утверждено. Толстяк Олаф качал головой, задыхаясь. Наконец ему удалось заговорить.

– Проклятый вы чечак! – выговорил он, но выговорил с восхищением в голосе. – Как это вам удалось – не знаю, но вам удалось!

Контора была переполнена, за дверьми на улице шумела толпа. Смок и Толстяк Олаф помогли друг другу подняться. Ноги едва держали Смока, он шатался, как пьяный. Толстяк Олаф, спотыкаясь, шагнул к нему.

– Мне ужасно досадно, что мои собаки напали на ваших!

– Что с ними поделаешь! – ответил Смок. – Я слышал, как вы кричали на них.

– Скажите, – сверкая глазами, вдруг сказал Толстяк Олаф, – ведь эта девушка – дьявольски славная девушка, а?

– Да, дьявольски славная девушка, – согласился Смок.

КНИГА ВТОРАЯ СМОК И МАЛЫШ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МАЛЕНЬКИЙ КАРСОН

1

– Экий ты упрямец, – ворчал Малыш. – Боюсь я этого ледника. В одиночку его никто на свете не одолеет.

Смок весело засмеялся и смерил взглядом небольшой сверкающий ледник в дальнем конце долины.

– Сейчас уже август, – возразил он, – Два месяца, как день пошел на убыль. Ты разбираешься в кварце, а я нет. Вот ты и поищи главную жилу, а я пошел добывать еду. Ну, до скорого. Вернусь завтра к вечеру.

И он зашагал прочь.

– Чует мое сердце, что это добром не кончится! – жалобно крикнул ему вслед Малыш.

Но Смок только расхохотался в ответ. Он шагал по узкой долине, изредка утирая пот со лба. Ноги его мяли спелую горную малину и хрупкие листья папоротника, что росли тут же, по соседству с островками льда, лежавшего всюду, куда не проникали солнечные лучи.

Ранней весной они с Малышом поднялись по реке Стюарт и углубились в хаос гор и ущелий, среди которых затерялось Нежданное озеро. Всю весну и половину лета они проблуждали понапрасну и совсем было повернули обратно, как вдруг перед ними впервые блеснуло неуловимое озеро с золотым дном, то самое, что манило и дурачило целое поколение золотоискателей.

Они поселились в старой хижине, которую Смок нашел еще в прошлый свой приход сюда, и вскоре сделали три открытия: во-первых, дно озера сплошь устлано крупными самородками; во-вторых, есть тут места неглубокие, где за золотом можно было бы просто нырять, если бы не убийственно холодная вода; и наконец осушить озеро – задача огромная, не под силу двоим, да еще сейчас, когда уже прошла большая часть короткого полярного лета. Но они не пали духом; судя по неровной, шероховатой поверхности самородков, течение подхватило их где-то неподалеку, – и Смок с Малышом отправились на разведку. Они перебрались через большой ледник, нависший над южным берегом, и начали обследовать головоломный лабиринт небольших долин и ущелий, по дну которых сейчас или же когда-то в прошлом самыми прихотливыми путями сбегали в озеро горные речки, вместо того чтобы брать в нем начало.

Долина, по которой шел Смок, как полагается всякой долине, постепенно расширилась; но в дальнем конце ее сдавили две круто поднимающиеся вверх каменные стены, а третья, глухая, встала наперерез. У основания этой поперечной стены беспорядочно громоздились обломки скал, и протекавший здесь ручей исчезал бесследно: должно быть он проложил себе дорогу под землей. Смок взобрался на скалу, преградившую ему путь, и перед ним открылось озеро. В отличие от всех горных

озер, какие он видел на своем веку, это озеро не было голубым. Оно было густо-зеленое, цвета павлиньего пера, а это означало, что вода здесь неглубокая и, значит, озеро вполне можно осушить. Со всех сторон вздымались горы, иссеченные льдами скалистые пики и каменный хаос, земля, вставшая дыбом, точно на гравюрах Доре. Все это было так сказочно, так неправдоподобно, что Смоку представилось, будто перед ним не часть нашей разумной планеты, а какой-то космический гротеск. Тут и там в ущельях лежали ледники, почти все небольшие, полуистаявшие, и на глазах у Смока один из более крупных, на северном берегу озера, пополз и с грохотом и плеском рухнул в воду. За озером, казалось, в какой-нибудь полумиле, – но Смок знал, что это добрых пять миль, – росли несколько елей и стояла хижина. Он присмотрелся внимательнее – нет, ему не померещилось, из трубы поднимался дымок. «Стало быть, еще какие-то люди, сами того не ожидая, набрали на Нежданное озеро», – подумал Смок и, повернув к югу, стал карабкаться по крутому склону.

Перевалив через скалу, он пошел небольшой долиной; под ногами у него расстилался цветочный ковер, в воздухе лениво жужжали пчелы, да и вообще эта долина вела себя вполне разумно: как и полагается, она выходила к озеру. Но через каких-нибудь сто ярдов она уперлась в отвесную стену в тысячу футов вышиной – со стены этой падал горный ручей, разлетаясь облаком мельчайшей водяной пыли.

Тут Смок увидал еще одну струйку дыма, лениво поднимавшуюся в солнечных лучах из-за выступа скалы. Огибая скалу, он услышал легкое постукивание по металлу и в такт стуку – веселое пошвыстывание. Еще несколько шагов – и он увидел человека, который, зажав между колен башмак подошвой кверху, вбивал в нее шипы.

– Здорово! – окликнул его незнакомец; он с первого взгляда пришелся Смоку по душе. – Как раз вовремя! Сейчас закусим! В котелке кофе, а вот еще пара холодных лепешек и немного вяленого мяса.

– Не откажусь! – сказал Смок, усаживаясь напротив. – Последние дни пришлось изрядно поголодать. Но там, подальше, в хижине, найдется что поесть.

– Вон в той, за озером? Туда-то я и направляюсь.

– Похоже, что Нежданное озеро становится людным местом, – пожаловался Смок, допивая остатки кофе.

– Да вы шутите? – На лице его собеседника выразилось величайшее изумление.

Смок рассмеялся:

– Оно всех застаёт врасплох. Вон видите, на северо-западе высокая гряда? Оттуда я увидел его первый раз. Без всякого предупреждения. Вдруг внизу появилось озеро – все как на ладони. А я уже и искать его перестал.

– Вот и я тоже. Я уже повернул обратно, думал вчера вечером выйти на реку Стюарт, вдруг гляжу – озеро. Если это оно самое и есть, где же тогда Стюарт? И где я плутал все время? А вы как сюда попали? Вас как зовут?

– Беллью. Кит Беллью.

– О, знаю. – Он весь просиял и крепко потряс руку Смока. Я о вас столько слышал!

– Понимаю, вы следили по газетам за уголовной хроникой, отшутился Смок.

– Ну, нет, – собеседник, смеясь, покачал головой, – только за последними событиями на Клондайке. Вы давно не брились, а то бы я вас сразу узнал. Я ведь был в «Оленьем Роге», когда вы всех провели с рулеткой. Меня зовут Карсон, Энди Карсон. Даже сказать не могу, как я рад с вами познакомиться.

Карсон был худощавый, но жилистый, с живыми черными глазами. Сразу чувствовалось, что он славный малый и хороший товарищ.

– Стало быть, это и есть Нежданное озеро? – недоверчиво пробормотал он.

– Оно самое.

– И на дне – золото, как масло в горшке?

– Совершенно верно. Вот полюбуйтеесь. – Смок вытащил из кармана штук шесть самородков. – Видите? Только нырните – и хоть с закрытыми глазами набирайте пригоршни. Но потом надо пробежать по крайней мере полмили, чтобы согреться.

– Да-а, черт меня побери со всеми потрохами, обскакали вы меня, – беззлобно ругнулся Карсон,

но ясно было, что он огорчен и разочарован. – А я-то думал все сам выскрести, все до доньшка. Ну ничего, хоть побывал тут, поглядел – и то развлечение.

– Развлечение! – воскликнул Смок. – Да если мы доберемся до дна, Рокфеллер покажется нищим рядом с нами!

– Но это же все ваше, – возразил Карсон.

– Что вы, что вы! Поймите, сколько лет люди ищут золото, а такого места еще никогда не находили. Чтоб выбрать все, что лежит там, на дне, понадобятся и мои руки, и ваши, и моего компаньона, и всех наших друзей. Да здесь в пол-акре больше золота, чем в Бонанзе и Эльдorado, вместе взятых. Все дело в том, что озеро необходимо осушить. А на это нужны миллионы. Я боюсь одного: тут столько золота, что, если прямо так, без ограничения, пустить в ход, оно потеряет всякую цену.

– И вы меня примете... – Карсон был так удивлен, что даже не мог договорить.

– С радостью, – докончил Смок. – Чтобы осушить озеро, понадобится год, если не два, и прорва денег, все, что только удастся собрать. А осушить можно. Я уже все кругом осмотрел. Но для этого потребуются усилия всех и каждого, кто согласится работать по найму, потребуется целая армия рабочих, и прежде всего нужны надежные люди, чтоб было с кем начинать дело. Хотите с нами?

– Хочу ли? Еще бы! Я уже чувствую себя миллионером – даже через ледник перебираться не страшно. Как-то, знаете, неохота сейчас сломать себе шею. Жаль, что у меня нет больше шипов. Последний вбил в подметку, как раз когда вы явились. А у вас? Покажите-ка.

Смок вытянул ногу.

– Совсем стерлись! Подошва гладкая, что твой каток! – воскликнул Карсон. – Вы, я вижу, немало отмахали. Погодите минутку, я вытащу часть своих и отдам вам.

Но Смок и слушать не стал.

– Незачем, – сказал он. – У меня припасена веревка, футов сорок, я ее оставил в том месте, где мы с товарищем перебирались в прошлый раз. А с веревкой дело верное.

2

Подъем был трудный и утомительный. Лед, сверкая на солнце, слепил глаза. Смок и Карсон обливались потом и еле переводили дух. Кое-где лед был сплошь иссечен трещинами и расщелинами, пробираться в таких местах было тяжело и опасно, за час едва удавалось пройти какую-нибудь сотню ярдов. В два часа дня, поравнявшись с небольшим озерцом, образовавшимся на льдине, Смок предложил отдохнуть.

– Где там у вас мясо? – спросил он. – Давайте пожую. Последнее время я недоедал, и у меня ноги подкашиваются. Ну ничего, самое плохое уже позади: еще триста ярдов, и мы выйдем на скалы. Теперь идти будет легче, осталось только две-три скверные расселины и одна – перед крутым выступом

– совсем дрянь. Там есть снеговая перемычка, довольно ненадежная, но мы с Малышом все-таки перебрались.

За едой они познакомились ближе, и Энди Карсон поведал Смоку свою историю.

– Я так и знал, что отыщу Нежданное озеро, – говорил он с набитым ртом. – Я должен был его найти. Я прозевал Французские Холмы, Большой Скукум, Монте-Кристо, только и оставалось Нежданное озеро, либо – прощай надежда! Ну, и вот добрался. Моя жена была уверена, что мне повезет. Я и сам не падал духом, но куда мне до нее. Другой такой женщины нет на свете

– огонь, золотые руки, никогда не унывает, никого не боится, прямо для меня создана, стойкая, как кремень, и все такое. Вот поглядите.

Он достал часы, щелкнул крышкой – внутри была вставлена маленькая фотография; Смок увидел женское лицо в ореоле светлых волос и по обе стороны – смеющиеся детские рожицы.

– Мальчики? – спросил он.

– Сын и дочка, гордо ответил Карсон. – Он на полтора года старше. У нас уже могли бы быть дети побольше, – со вздохом прибавил он, да пришлось ждать. Жена, понимаете, хворала. Легкие. Но она решила не сдаваться. А что мы знали о таких вещах? Когда мы поженились, я работал в Чикаго, служащим на железной дороге. У жены вся родня чахоточная. Доктора тогда еще мало разбирались в

туберкулезе. Считалось, что он передается по наследству. У жены в семье он всех перебрал. Заражались друг от друга и не подозревали этого. Думали, что так с чахоткой и родились, что такая уж у них судьба. Мы с ней первые два года жили у нее в доме. Я не боялся. В моей семье туберкулеза никогда не бывало. Как вдруг и я заболел. Тут пришлось мне задуматься. Стало быть, это заразительно. Я заразился, потому что дышал одним воздухом с ними.

Мы с женой все это обсудили. Я не пошел к врачу, который всегда их всех лечил, а обратился к специалисту из самых новых. Он подтвердил то, до чего я уже и сам додумался, и посоветовал переехать в Аризону. Снялись мы с места и поехали – без вещей, без гроша. Я нашел работу – стал пасти овец, а жену оставил в городе. Но этот город чахоточных, там их полным полно.

Я-то, конечно, сразу пошел на поправку, потому что день и ночь был на свежем воздухе. Домой по несколько месяцев не навещался, но каждый раз замечал, что жене становится все хуже. Она никак не могла оправиться. Но потом мы стали умнее. Забрал я ее из города, и она тоже начала со мной пасти овец. Четыре года так прошло – зима ли, лето, холод или жара, дождь, снег, мороз, что бы там ни было, ни разу мы не спали под крышей и все время кочевали с места на место. Видели бы вы, как мы изменились – загорели дочерна, тощие стали, как индейцы, крепкие, как сыромятный ремень. Наконец мы решили, что уже совсем здоровы, и отправились в Сан-Франциско. И, оказывается, рано обрадовались. На второй же месяц у обоих началось кровохарканье. Сбежали мы назад в Аризону, к овцам. Еще два года там прожили. Это нас спасло. Вылечились окончательно. А ее родные все перемерли. Не послушали нас.

Тогда мы поняли, что в городе нам не житье. Излазили все побережье Тихого океана, и больше всего нам понравился Южный Орегон. Поселились мы там в долине реки Игруньи, развели яблоневый сад. Там на яблоках можно разбогатеть. Только это еще никому невдомек. Добыл я кусок земли – в аренду, конечно, – по сорок долларов за акр. Через десять лет эта земля будет стоить пятьсот долларов акр.

Ну и досталось же нам в ту пору! На такие дела нужны деньги, – а у нас для начала не было ни цента. Надо ведь и дом построить и конюшню, надо купить лошадей, плуги и прочее такое. Жена два года проработала учительницей в школе. Потом родился сын. А все-таки мы добились своего. Видели бы вы, какие яблони мы насадили, сотню акров, теперь они совсем уже большие. Но денег это стоило прорву, и платежи по закладной мы просрочили. Потому я и забрался сюда. Жене пришлось остаться дома с детишками и с яблонями. Она хлопочет там, а я тут – будущий миллионер, черт меня дери.

Сияющими глазами он посмотрел на зеленые воды озера за искрящейся кромкой льда, потом еще раз взглянул на фотографию.

– Да, вот это женщина, – пробормотал он. – Всегда своего добьется. Она просто-напросто не пожелала умереть, вот и пошла пасти овец. А от нее только и осталось тогда, что кожа да кости да огонек внутри. Она и сейчас худенькая, а все равно хороша, милее всех на свете. И когда я вернусь домой и наши яблони начнут приносить плоды, а детишки пойдут в школу, мы с ней поедem в Париж. Я-то не бог весть какого мнения об этом Париже, но ей до смерти хочется туда попасть.

– Что ж, тут хватит золота, чтобы и в Париж съездить, заверил Смок. – Надо только прибрать его к рукам.

Карсон кивнул, глаза его блестели.

– Вот что я вам скажу. Лучше, чем наш, не найти фруктового сада на всем побережье Тихого океана. И климат прекрасный. Там нам нечего бояться чахотки. У кого было плохо с легкими, тому, знаете, надо быть поосторожнее. Так вот, если вам захочется пустить где-нибудь корни, вы первым делом загляните в нашу долину, непременно! А рыба там как ловится! Ого! Вам не случалось поймать лосося в тридцать пять фунтов весом на самую обыкновенную удочку? Это здорово, дружище, куда как здорово!

3

– Я легче вас на сорок фунтов, – сказал Карсон, – давайте я пойду первым.

Они стояли на краю расселины. Она была огромная, не меньше ста футов в поперечнике, и,

видно, образовалась очень давно, – края у нее были не ровные и острые, как у свежей трещины, а обтаявшие, изъеденные временем. В том месте, где стояли Смок и Карсон, края этой ледяной пропасти соединял, точно мост, громадный пласт плотного, слежавшегося снега, наполовину тоже превратившийся в лед. Глаз не достигал нижнего края этой снежной массы, а уж дна расселины и вовсе нельзя было разглядеть. Мост этот подтаивал, обламывался и грозил каждую минуту обрушиться. Видно было, что совсем недавно от него отвалились большие куски, и пока Смок и Карсон стояли и разглядывали его, снежная глыба весом в добрых полтонны оторвалась и рухнула вниз.

– Не нравится мне это, – сказал Карсон и мрачно покачал головой. – Совсем не нравится. Тем более я теперь миллионер.

– Все равно надо перебраться, – сказал Смок. – Мы почти у цели. Не возвращаться же назад. И ночевать на льду нельзя. А другой дороги нет. Мы с Мальшом все осмотрели на милю вокруг. Правда, когда мы тут проходили, все это выглядело еще не так скверно.

– Надо поодиночке. Чур, я первый. – Карсон взялся за смотанную кольцами веревку, которую держал в руках Смок. – А потом уж вы. Я возьму веревку и кирку. Ну-ка, помогите мне спуститься.

Медленно, осторожно он соскользнул вниз, туда, где начиналась снеговая перемычка, и остановился, чтобы окончательно приготовиться к опасному переходу. За спиной у него висел дорожный мешок. На плечи он набросил свернутую широким концом веревку, один конец которой был накрепко обмотан у него вокруг пояса.

– Я бы с радостью отдал половину моих миллионов, лишь бы хорошая артель мигом выстроила тут мост, – сказал он, но его лукавая и веселая усмешка говорила, что это только шутка. И он прибавил: – Ничего, перелезу не хуже кошки.

Точно канатоходец, он взял наперевес кирку и длинный шест, который служил ему альпенштоком, осторожно вытянул ногу и сразу отдернул – видно было, что ему нелегко побороть страх.

– Уж лучше бы мне оставаться бедняком, – весело сказал он. – Если и на сей раз мои миллионы мне улыбнутся, не стану больше в это дело ввязываться. До чего это хлопотно – быть миллионером!

– Пустяки, – ободряюще сказал Смок. – Давайте я пойду первым, я ведь уже однажды это сделал.

– Но вы на сорок фунтов тяжелей меня, – возразил маленький, щуплый Карсон. – Погодите минуту, сейчас я соберусь с духом. Вот! – И он разом овладел собой. – Да здравствует Игрунья и наши яблони! – провозгласил он и осторожно, легко ступил одной ногой, потом другой. Медленно, рассчитывая каждое движение, он прошел две трети пути. Потом остановился и начал осматривать глубокую яму, через которую ему предстояло перебраться; на дне ее зияла свежая трещина. Смок увидел, как Карсон искоса поглядел вниз, в бездонную пропасть под снежным мостом, и зашатался.

– Выше голову! – повелительно крикнул Смок. – Вниз не смотреть! Так! Вперед!

Карсон повиновался и дошел до конца, ни разу больше не дрогнув. Противоположный край расселины, обтаявший на солнце, был скользкий, но не слишком крутой; Карсон добрался до узкого карниза, повернулся и сел.

– Теперь ваш черед! – крикнул он. – Только не останавливайтесь и не смотрите вниз. Вот что меня чуть не подвело. Шагайте без остановки, в этом вся суть. И пошевеливайтесь. Эта махина того и гляди развалится.

Балансируя своим шестом, Смок двинулся в путь. Ясно было, что мост еле дышит. Снежный пласт под ногами у Смока дрогнул, чуть заметно качнулся, задрожал сильнее. И вдруг раздался громкий треск. Несомненно, позади что-то случилось. Достаточно было посмотреть на потемневшее, напряженное лицо Карсона, чтобы понять это. Откуда-то снизу послышалось далекое слабое журчание и плеск воды, и Смок невольно глянул туда, в мерцающую ледяную бездну. Но тотчас вскинул глаза и уже не смотрел ни вправо, ни влево. Пройдя две трети пути, он оказался перед той же глубокой ямой с трещиной на дне. По острым краям, еще не обтаявшим на солнце, видно было, что трещина образовалась совсем недавно. Он уже готов был перешагнуть через нее, как вдруг края стали медленно расходиться с сухим непрерывным треском. Смок заторопился, широко шагнул, но башмак со стертými шипами не удержался на противоположном краю ямы. Смок упал ничком и съехал вниз к самой щели, ноги его уже повисли над пропастью; он совсем провалился бы в нее, если бы, падая, не успел перебросить поперек свой шест и не лег на него грудью.

Сердце его бешено забилося, тошнота подступила к горлу. «Почему я больше не падаю?» – мелькнула мысль. Позади что-то трещало, сотрясалось, перемещалось, и шест, на котором повис Смок, дрожал, как натянутая струна. Снизу, из самых недр ледника, донесся глухой, далекий грохот – это обвалившиеся глыбы достигли дна пропасти. Дальний конец снегового моста лишился опоры, середина переломилась, и все же он еще держался, хотя та часть, которую Смок уже миновал, повисла под углом в двадцать градусов. Карсон, прочно усевшись на выступе скалы и изо всех сил упираясь ногами в подтаявший плотный снег, поспешно сматывал и перехватывал рукой обвивавшую его плечи веревку.

– Погодите! – крикнул он. – Не шевелитесь, а то все загремит к чертям.

Он прикинул на глаз расстояние, сорвал с шеи платок, привязал его к веревке, потом вытащил из кармана второй платок. Веревка из связанных намертво упряжных ремней и сплетенных полос сыромятной кожи была легкая и очень прочная. Карсон ловко метнул ее, и Смок с первого же раза поймал конец. Он хотел тотчас выбраться из щели, но Карсон, который тем временем заново опоясался веревкой, остановил его.

– Обвяжитесь тоже, да покрепче, – скомандовал он.

– Если я упаду, я и вас потяну за собой, – возразил Смок.

В голосе маленького, щуплого Карсона зазвучали металлические нотки.

– Помолчите, – оборвал он Смока. – От вашего крика все это может рухнуть вниз.

– Но если я свалюсь...

– Молчите! Никуда вы не свалитесь. Делайте, что вам говорят. Обвяжитесь под мышками, вот так. Покрепче. Так! Вылезайте! А теперь шагайте, но только полегче. Я буду выбирать веревку. Вы знай шагайте. Вот так. Легче! Легче!

Смоку оставалось пройти каких-нибудь десять шагов, и тут мосту пришел конец. Бесшумно, толчками, он заваливался, оседал все ниже.

– Скорей! – крикнул Карсон, торопливо перехватывая руками веревку.

Смок спешил, как только мог. И вот мост рухнул. Смок пальцами впился в край ледяной стены, а все тело его рванулось вниз за снеговой громадой, ушедшей у него из-под ног. Карсон, сидя на выступе скалы, напрягся, уперся ногами и изо всей мочи потянул веревку к себе. Огромным усилием ему удалось подтащить Смока к верхнему краю стены, но тут он и сам не удержался. Он, как кошка, перевернулся в воздухе, отчаянно цепляясь за гладкий лед, и съехал вниз. Под ним, на другом конце сорокафутовой веревки, так же отчаянно цеплялся за что попало Смок; и прежде чем грохот, донесшийся из бездны, возвестил, что снежная громада достигла дна, оба задержались в своем падении. Карсон первым нашел точку опоры и, изо всех сил натянув веревку, удержал Смока.

Теперь каждый оказался в небольшой впадине; но та ямка, куда попал Смок, была так неглубока, что, как он ни цеплялся за откос, распластавшись на нем всем своим телом, он неминуемо упал бы, если бы не веревка, – она хоть немного поддерживала его. Он лежал на краю выступа и не мог видеть, что там, ниже. Прошло несколько минут, оба оценивали положение и с необычайной быстротой овладевали искусством прилипнуть к мокрому и скользкому склону. Карсон заговорил первый.

– Эй, – окликнул он; и еще чуть погодя: – Если вы продержитесь минуту сами, я повернусь. Попробуйте.

Смок попытался удержаться без помощи веревки.

– Могу, – сказал он. – Скажите, когда будете готовы. Только поскорее.

– Фута на три есть место, где можно стать, – сказал Карсон. – Я в два счета. Готовы?

– Валяйте!

Это была нелегкая задача – сползти на ярд ниже по крутому скользкому склону, повернуться и сесть; но еще трудней пришлось Смоку: прильнув к ледяной стене, он удерживался на ней огромным напряжением всех мышц, которое с каждой секундой становилось все невыносимее. Он уже чувствовал, что начинает съезжать вниз, но тут веревка натянулась, и, подняв глаза, он увидел Карсона. Карсон был изжелта-бледен, вся кровь отхлынула от его загорелого лица, и Смок мельком подумал, что и сам он, наверно, выглядит не лучше. Тут он увидел, что Карсон нащупывает на поясе нож и руки его трясутся.

«Кончено! – решил Смок. – Малый ошалел от страха. Сейчас перережет веревку».

– Н-ничего, – стуча зубами, выговорил Карсон. – Я не боюсь. Это просто н-нервы, ч-черт их дери. Сейчас все будет в порядке.

Смок, закинув голову, смотрел на него; весь скорчившись, дрожащий и неловкий, Карсон одной рукой натягивал веревку, на которой повис его спутник, а другой сжимал нож и понемногу выдалбливал во льду зарубки для ног.

– Карсон, – тихо сказал Смок, – вы молодчина. Вы просто молодчина!

Слабая, жалкая улыбка была ему ответом.

– Я всегда боялся высоты, – признался Карсон. – У меня от нее голова кружится. Я минутку передохну, ладно? А потом вырублю ямки поглубже, для упора, и вытащу вас.

У Смока потеплело на душе.

– Слушайте, Карсон, – сказал он. – Вы должны перерезать веревку. Все равно вам меня не вытащить, зачем же пропадать обоим. Нож у вас есть. Перережьте веревку.

– Молчите! – возмущенно оборвал его Карсон. – Вас никто не спрашивает.

Смок не мог не заметить, что гнев благотворно подействовал на нервы Карсона. Зато для его собственных нервов было жестоким испытанием лежать вот так и ждать, прижимаясь ко льду и напрягая все силы, чтобы не упасть.

Стон и окрик: «Держись!» – предупредили его об опасности. Сделав нечеловеческое усилие, он вжался лицом и всем телом в лед, почувствовал, как ослабла веревка, и понял, что Карсон скользит вниз, к нему. Он не смел поднять глаза; потом веревка опять натянулась, – Карсон снова нашел опору.

– Еще немного – и была бы крышка, – прерывающимся голосом сказал Карсон. – Съехал на целый ярд. Теперь погодите. Мне надо опять сделать зарубки. Проклятый лед уж очень слаб, а то мы давно бы вылезли.

Левой рукой он натянул веревку, помогая Смоку держаться, а правой долбил лед. Так прошло минут десять.

– Вот слушайте, что я сделал! – крикнул Карсон. – Я выдолбил вам зарубки для ног и для рук, чтобы мы могли стоять рядом. Я буду понемногу тянуть веревку, а вы лезьте сюда, только не торопитесь. И первым делом вот что: избавьтесь-ка от своего мешка, я вас пока удержу на веревке. Понятно?

Смок кивнул и медленно, осторожно отстегнул ремни. Потом повел плечами, высвобождаясь, и Карсон увидел, как мешок соскользнул вниз и исчез за ледяным выступом.

– Теперь я избавлюсь от своего, – крикнул он Смоку. – Потерпите еще немного!

Через пять минут начался трудный, мучительный подъем. Смок насухо вытер ладони о подкладку рукавов и впился руками в лед; он полз, карабкался, цеплялся, распластывался на этой скользкой круче, поддерживаемый натянутой веревкой. Без помощи Карсона он не поднялся бы ни на дюйм. Хотя он был много сильнее, но зато и тяжелее на сорок фунтов, а потому не мог так цепко держаться на крутизне. Треть пути осталась позади; подъем стал еще круче, а ледяная поверхность, меньше тронутая солнцем, еще более скользкой, и тут Смок почувствовал, что веревка уже не тянет его вверх с прежней силой. Он полз все медленнее, медленнее. Остановиться и передохнуть было негде. Он выбивался из сил, но все же поневоле остановился – и тотчас снова заскользил вниз.

– Падаю! – крикнул он.

– Я тоже, – сквозь зубы отозвался сверху Карсон.

– Тогда бросьте веревку!

В ответ веревка натянулась было в тщетном усилии, потом Смок покатился вниз еще быстрее; он миновал яму, откуда недавно выбрался, и свалился за ледяной бугор. Падая, он в последний раз мельком увидел Карсона: сбитый с ног, Карсон неистово цеплялся за что попало, пытаясь удержаться. Смок был уверен, что летит в пропасть, но, к его удивлению, этого не случилось. Веревка все еще поддерживала его, он скользил по крутизне, но очень скоро скат стал более отлогим, падение замедлилось, и наконец Смок очутился в новой впадине, задержанный новым бугром. Карсона он теперь не видел, – Карсон оказался в той самой впадине, которую прежде занимал Смок.

– Ну-ну, дрожащим голосом сказал Карсон. – Ну и ну!

Стало тихо. Потом веревка заколебалась.

– Что вы делаете? – окликнул Смок.

– Зарубки для рук и для ног, – нетвердо, запинаясь, отвечал Карсон. – Вот погодите. Я вас живо вытащу. Вы не смотрите, что я заикаюсь. Это просто от волнения. А вообще я ничего. Вот увидите.

– Вы все силы на меня тратите, – сказал Смок. – Лед тает, еще немного

– и вы свалитесь вместе со мной. Вам надо это бросить. Слышите? Незачем нам обоим погибать. Понятно? Вы молодчина, каких нет на свете, прямо герой. Но вы бьетесь понапрасну. Бросьте меня.

– Молчите. На этот раз я сделаю зарубки поглубже, тут не то что человек – и лошадь станет. Целая упряжка.

– Довольно уж вы меня тянули, – настаивал Смок. – Бросьте!

– Сколько раз я вас вытягивал? – грозно спросил Карсон.

– Много раз, и совершенно зря. Вы из-за этого только сами съезжаете все ниже.

– Зато учусь действовать вернее. Я до тех пор буду вас тянуть, пока мы отсюда не выберемся. Поняли? Видно, Господь Бог знал, когда создал меня легковесом. Ну, теперь помолчите. Я занят.

Несколько минут прошло в молчании. Смок слышал, как стучит и звенит, ударяя по льду, лезвие ножа, ледяные осколки перелетали к нему за бугор. Смока мучила жажда; цепляясь руками и ногами за откос, он губами ловил эти мелкие льдинки, давал им растаять во рту и жадно глотал.

Он услышал, как охнул и потом в отчаянии простонал Карсон; веревка ослабла, и Смок изо всей силы вцепился в лед. Но тотчас веревка снова натянулась. Смок поднял глаза: из-за бугра показался нож и скользнул к нему по крутому склону, острием вперед. Смок зажал его щекой, содрогнулся от пореза, но тут же зажал крепче, и нож остановился.

– Экий я ротозей! – огорченно вскрикнул Карсон.

– Ничего, я его поймал, – успокоил Смок.

– Да ну? Пойдите-ка! У меня в кармане сколько угодно бечевки. Я вам ее спущу, и вы привяжите нож.

Смок не ответил, охваченный вихрем противоречивых мыслей.

– Эй, вы там! Вот вам бечевка. Скажите, когда поймаете.

Маленький перочинный ножик, привязанный к бечевке вместо груза, заскользил по льду. Смок поймал его, одной рукой и зубами торопливо открыл большое лезвие и попробовал – острое ли. Потом привязал к бечевке большой нож и крикнул Карсону:

– Тащите!

Нож ушел вверх. Смок не сводил с него глаз. Но он видел не только нож, перед глазами его стоял маленький, щуплый человечек, испуганный и все же непреклонный: он дрожит, стучит зубами, голова у него кружится, и, однако, он умеет побороть страх и отчаяние и ведет себя настоящим героем. С тех пор как Смок повстречался с Малышом, ни один человек так сразу не пришелся ему по сердцу, как Карсон. Да, этот поистине вскормлен мясом, это настоящий друг – готов погибнуть за тебя, и твердость духа такая, что самый жестокий страх ее не поколеблет. И, однако, Смок трезво оценивал положение. Обоим им не спастись. Медленно, но верно они сползают в пропасть, – он, Смок, тяжелее, и он тащит за собой Карсона. Карсон – легкий и цепкий, как муха. Оставшись один, он спасется.

– Ай да мы! – донесся голос из-за бугра над головой Смока. – Теперь все в порядке, выберемся в два счета!

Он так старался, чтоб голос его звучал бодро и уверенно! И Смок принял решение.

– Слушайте, – заговорил он твердо; откуда-то выплыло лицо Джой Гастелл, но Смок силился прогнать это видение. – Я отправил вам наверх нож, с ним вы отсюда выберетесь. Понятно? А перочинным ножиком я перережу веревку. Лучше спастись одному, чем погибнуть обоим, понятно?

– Спасти обоим – или никому. – В дрожащем голосе Карсона была непоколебимая решимость. – Только продержитесь еще минутку...

– Я и так держусь слишком долго. Я человек одинокий, никто меня не ждет – ни славная хуленькая женушка, ни детишки, ни яблони. Понятно? Ну и шагайте подальше отсюда.

– Погодите! Бога ради, погодите! – закричал Карсон. – Не смейте! Дайте мне вас вытащить! Спокойнее, дружище. Мы с вами выкарабкаемся. Вот увидите. Я тут таких ям понарою, что в них

влезет целый дом и конюшня в придачу.

Смок не ответил. Как замороженный, следя глазами за ножом, он старательно, неторопливо стал перерезать веревку – и вот одна из трех узких полосок сыромятной кожи лопнула, и концы ее разошлись.

– Что вы делаете? – отчаянно закричал Карсон. – Если вы ее перережете, я вам никогда не прощу, никогда! Спасаться – так обоим или никому, слышите? Мы сейчас выберемся. Только подождите! Ради Бога!

И Смок, не сводивший глаз с перерезанного ремешка, ощутил безмерный, обессиливающий страх. Он не хотел умирать! Пропасть, зияющая внизу, приводила его в ужас, и с перепугу он ухватился за бессмысленную надежду: может быть, отсрочка окажется спасительной... Страх толкал его на этот компромисс.

– Ладно, – откликнулся он. – Я подожду. Делайте, что можно. Но так и знайте, Карсон, если мы опять поползем вниз, я перережу веревку.

– Тише вы! И не думайте про это. Уж если поползем, дружище, так только вверх. Я прилипаю, как пластырь. Я мог бы удержаться, будь тут хоть вдвое круче. Для одной ноги вам уже вырублена солидная ямина. Теперь помолчите, я буду работать.

Потянулись долгие минуты. Стараясь ни о чем больше не думать, Смок прислушивался к ноющей боли в пальце, на котором задралась заусеница. Надо было еще утром ее срезать, она уже и тогда мешала; ничего, как только выберемся из этой щели, сейчас же срежу, – решил Смок. И вдруг он увидел эту заусеницу и палец другими глазами. Пройдет еще минута, в лучшем случае десять, двадцать минут, – и заусеница, и этот крепкий, гибкий, подвижной палец, быть может, станут частью искалеченного трупа на дне пропасти. Смоку стало страшно, и он возненавидел себя за малодушие. Нет, храбрые люди, те, что едят медвежатину, сделаны из другого теста! От гнева, от презрения к себе он готов был взмахом ножа рассечь веревку. Но страх заставил его опустить нож, и, дрожа, обливаясь потом, он опять прильнул к скользкому откосу. Он старался уверить себя, будто весь дрожит от того, что промок насквозь, прижимаясь к тающему льду; но в глубине души он знал, что не в этом дело.

Он услышал вскрик, стон, и веревка вдруг ослабла. Смок начал сползать вниз. Он скользил медленно, очень медленно. Веревка опять натянулась. Но Смок все-таки скользил вниз. Верный Карсон не мог удержать его и сам скользил вместе с ним. Вытянутая нога Смока повисла в пустоте, и он почувствовал, что сейчас рухнет в бездну. Еще секунда – и он, падая, увлечет за собой Карсона.

В этот краткий миг он с пронзительной ясностью понял, что единственно правильно, – и, уже не думая, поборов страх смерти и страстную волю к жизни, наотмашь провел лезвием по веревке, увидел, как она порвалась, почувствовал, что скользит все быстрее... падает...

Что было дальше, он так и не понял. Сознание он не потерял, но все произошло слишком быстро и внезапно. Он должен был разбиться насмерть, но нет – почти тотчас под ногами плеснуло, он с размаху шлепнулся в воду, и холодные брызги обдали ему лицо. Сперва Смок вообразил, что расселина не так глубока, как казалось, и он благополучно достиг дна. Но сейчас же понял свою ошибку. Противоположная стена пропасти была в десяти или двенадцати футах от него. Он сидел в небольшом водоеме, образовавшемся на ледяном уступе от того, что выше, где лед торчал бугром, таяла, сочилась, капала вода и струйки ее, падая с высоты в десять футов, выдолбили здесь впадину. В том месте, куда свалился Смок, глубина была фута два, и вода доходила до краев. Смок заглянул за край: узкая расселина уходила вниз на многие сотни футов, и на дне ее пенился бурный поток.

– Ох, что вы сделали! – с ужасом крикнул Карсон.

– Послушайте, отозвался Смок, – я цел и невредим, сию по горло в воде. Наши мешки тоже тут. Сейчас я на них сяду. Тут хватит места еще человек на шесть. Если начнете скользить, держитесь поближе к стене – как раз сюда попадете. А лучше выбирайтесь отсюда. Идите в ту хижину. Там кто-то есть. Я видел дым. Достаньте веревку или что-нибудь, что может сойти за веревку, возвращайтесь и выудите меня отсюда.

– А вы правду говорите? – недоверчиво переспросил Карсон.

– Чтоб мне провалиться, если вру. Но только поскорее, а то как бы мне не схватить насморк!

Стараясь согреться, Смок стал каблуком пробивать во льду спуск для воды. К тому времени,

как вся вода вылилась, он услышал далекий голос Карсона, который сообщал, что он благополучно выбрался наверх.

Потом Смок стал сушить одежду. Под теплыми лучами послеполуденного солнца он все снял с себя, выжал и разостлал вокруг. Спички в непромокаемой коробке не пострадали от воды. Смок ухитрился просушить щепотку табаку, клочок рисовой бумаги и свернул папиросу-другую.

Часа два он просидел нагишом на мешках, курил, и вдруг наверху послышался так хорошо знакомый ему голос:

– Смок! Смок!

– Мое почтение, Джой Гастелл! – отозвался он. – Откуда вы взялись?

– Вы сильно разбились?

– Ни царапины!

– Отец спускает вам веревку, вы видите ее?

– Да, я ее уже ухватил, – ответил Смок, – пожалуйста, подождите минуту.

– Что с вами? – тревожно спросила она немного погодя. – Вы, наверно, ранены?

– Вовсе нет. Я одеваюсь.

– Одеваетесь?

– Да. Я тут искупался. Ну вот. Готово? Тяните.

Сначала он отправил наверх оба мешка, за что Джой Гастелл сердито отчитала его, и лишь после этого дал вытащить себя.

Джой Гастелл смотрела на Смока сияющими глазами; ее отец и Карсон сматывали веревку.

– Как вы решились перерезать веревку? – воскликнула Джой. – Это великолепно, это... Это настоящий подвиг!

Смок отмахнулся от похвал. Но Джой стояла на своем:

– Я знаю все. Карсон мне рассказал. Вы пожертвовали собой, чтобы спасти его.

– И не думал, – солгал Смок. – Я давно видел, что тут меня ждет отличный бассейн, и решил искупаться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КАК ВЕШАЛИ КАЛТУСА ДЖОРДЖА

1

Их путь вел в гору по глубокому, рассыпчатому снегу, на котором не видно было ни единого следа нарт или мокасин. Смок шел впереди, приминая хрупкие снежные кристаллы широкими короткими лыжами. Это тяжкий труд, тут требуются здоровые легкие и крепкие мускулы, и Смок не щадил себя. Позади, по проложенному им следу, двигалась упряжка из шести собак; клубы пара поднимались от их дыхания, свидетельствуя о том, как нелегка их работа и как силен мороз. Между коренником и нартами бежал Малыш – он налегал на шест, управляя собаками, и помогал им тянуть нарты. Каждые полчаса он и Смок менялись местами, потому что прокладывать дорогу было еще трудней и утомительней, чем править.

И люди и собаки пустились в путь со свежими силами. Они умело справлялись со своей нелегкой задачей – среди зимы, по снежной целине, пробираться через перевал. В таких трудных условиях хорошо, если удастся за день пройти десять миль. Им это удавалось, но к вечеру, когда можно было наконец лечь и уснуть, завернувшись в мех, Смок и Малыш изрядно уставали. Шесть дней назад они покинули людный лагерь Муклук на Юконе. В первые два дня они с тяжело нагруженными нартами прошли пятьдесят миль вверх по Лосиному ручью накатанной дорогой. А потом началась борьба с целиной, где слоем в четыре фута лежал даже не снег, а тончайшая морозная пыль, – кристаллы ее не слипались друг с другом, и она, сухо шелестя, рассыпалась под ногами, точно сахарный песок. За три дня они одолели еще тридцать миль – поднялись по ручью Колюшки, миновали несколько неглубоких долин, по которым текли на юг ручьи, впадающие в реку Сиваш. Теперь они направлялись мимо Лысых Холмов к горной гряде, за которой по ручью Дикобраза можно было выйти к среднему тече-

нию реки Молочной. По слухам, в верховьях реки Молочной были залежи меди. Туда они и шли – к горе из чистой меди, а идти к ней надо мимо того места, где река Молочная вырывается из глубокого ущелья и исчезает в густом лесу, потом у первого же ручья свернуть вправо и подняться на полмили вверх по течению. Стоит только увидеть это место – и они его сразу узнают. Одноглазый Маккарти описал его совершенно точно. Заблудиться невозможно – разве что Маккарти наврал.

Смок шел впереди; редкие хилые елки попадались все реже, становились все мельче, и вдруг он заметил на самой дороге давно высохшую, мертвую ель. Слова были излишни. Смок только взглянул на Малыша, и в ответ раздалось зычное: «Стой!» Собаки послушно остановились и стали как вкопанные; Малыш принялся распрягать, а Смок накинута с топором на мертвое дерево; собаки тут же улеглись на снег и свернулись в клубок, плотно укрыв пушистым хвостом не защищенные шерстью лапы и заиндевший нос.

Люди работали с быстротой, какую дает только долгий опыт. Скоро в лотке для промывки золота, в кофейнике и в кастрюле уже таял снег. Смок вытащил из нарт брусок вареных замороженных бобов с щедро нарезанными кубиками свинины и сала, – оставалось только разогреть их. Он расщепил брусок топором, точно полено, и бросил куски на сковороду, чтобы они оттаяли. Промерзшие насквозь сухари тоже пришлось отогревать. Через каких-нибудь двадцать минут уже можно было приниматься за еду.

– Градусов сорок, – сказал Малыш с полным ртом. – Только бы не стало холоднее. Да и теплее тоже ни к чему. Самая подходящая погода, когда надо прокладывать тропу.

Смок не ответил, у него тоже был полон рот бобов; усердно жуя, он мельком взглянул на вожака упряжки, лежавшего поодаль. Серый с сединой пес смотрел на него пристально, задумчиво, с бесконечной тоской, которая так часто туманит глаза северных собак. Этот загадочный, гипнотизирующий взгляд был хорошо знаком Смоку и всегда волновал его. Словно стараясь стряхнуть оцепенение, Смок отставил свою тарелку и кружку кофе, подошел к нартам и стал развязывать мешок с вяленой рыбой.

– Эй, – окликнул Малыш, – ты что это делаешь?

– Нарушаю все законы, порядки и обычаи и правила пути, – ответил Смок. – Хочу один-единственный раз накормить собак среди дня. Они здорово поработали, и им еще предстоит тащить нарты в гору. А главное, Быстрый сейчас поговорил со мной, он глазами сказал мне такое, чего не рассказать словами.

Малыш недоверчиво засмеялся:

– Смотри, разбалуешь собак. Скоро ты им начнешь маникюрить лапы. Я еще присоветую кольдкрем и электрический массаж – для ездовых собак это самое подходящее. И турецкая баня им тоже не повредит.

– Никогда я их днем не кормил, – защищался Смок. – И больше не буду. Только сегодня. Такая блажь на меня нашла.

– А, это у тебя сердце что-то чует, – сказал, мгновенно смягчаясь, Малыш. – Ну, тогда другое дело. Если человеку сердце подсказывает, это уж всегда надо исполнять.

– Это не предчувствие, Малыш. Просто Быстрый так подействовал на мое воображение. Он мне в одну минуту столько сказал глазами, что я не вычитал бы в книгах и за тысячу лет. В его взгляде скрыты все тайны бытия. Они там прямо кишат. Беда в том, что я уж было уловил их – и вдруг опять упустил. Я не стал умней, чем прежде, но я побывал у источников мудрости. – Смок на минуту умолк. – Не могу тебе объяснить, – прибавил он, – но в глазах этого пса скрыто многое: они рассказывают, что такое жизнь и весь ее ход, и звездная пыль, и силы вселенной, и все прочее – понимаешь, все.

– Ну, а попросту говоря, это у тебя сердце что-то чует, – упрямо повторил Малыш.

Смок бросил собакам по вяленому лососю; он ничего не ответил, только головой покачал.

– Говорю тебе, Смок, – настаивал Малыш, – это не к добру. Что-то сегодня случится. Сам увидишь. И тогда будет видно, к чему она, эта рыба.

– Вот ты и объясни, к чему она.

– Не могу. Время покажет. И знаешь, что я тебе скажу? Твое сердце моему весть подает. Ставлю одиннадцать унций золота против трех зубочисток, что я прав. Уж когда у меня предчувствие, я

не боюсь ему верить.

– Лучше ты спорь на зубочистки, а я на золото, – возразил Смок.

– Ну нет. Это уж будет чистый грабеж. Выиграю-то я. Я уж знаю, когда у меня предчувствие, я это всей кожей чувю. Еще до вечера что-то случится, вот увидишь, и тогда эта самая рыба покажет, что она такое значит.

– Чертовщина какая-то, – презрительно фыркнул Смок, которому надоела эта болтовня.

– Да, уж это будет чертовщина, – не остался в долгу Малыш. – Спорю, будет самая что ни на есть чертовщина. Ставлю еще одиннадцать унций против трех зубочисток.

– Идет, – сказал Смок.

– И я выиграю! – победоносно сказал Малыш. – За тобой зубочистки из куриных перьев!

2

Через час они одолели перевал, спустились мимо Лысых Холмов в узкое изогнутое ущелье и вышли на крутой широкий откос, ведущий к ручью Дикобраза. Малыш, шедший впереди, вдруг замер на месте, и Смок криком остановил собак. По откосу медленно, еле волоча ноги, поднималось странное шествие, растянувшееся на добрую четверть мили.

– Плетутся, как на похоронах, – заметил Малыш.

– И ни одной собаки, – сказал Смок.

– Верно. Вон двое тащат нарты.

– А там один упал, видишь? Что-то неладно, Малыш. Смотри, тут не меньше двухсот человек.

– Шатаются все, как пьяные. Вон еще один свалился.

– Целое племя. И дети.

– Смок, а ведь я выиграл, – объявил Малыш. – Вот оно предчувствие, – тут и спорить нечего. Это оно самое и есть. Ты погляди: прямо толпа мертвецов!

Заметив двух путников, индейцы с диким воплем радости ускорили шаг.

– Что и говорить, они порядком выпили, – сказал Малыш. – Видишь, так и валяются с ног.

– Посмотри, какое лицо у этого, впереди, – возразил Смок. – Они голодные, вот что. Они съели своих собак.

– Как же быть? Удирать, пока целы?

– И бросить нарты и собак? – с упреком сказал Смок.

– Если мы не удерем, они нас слопают. Смотри, до чего они голодные... Эй, приятель! Что с вами стряслось? Не смотри так на собаку. Она не пойдет в котел, понятно?

Индейцы, шедшие впереди, окружили их, послышались стоны и жалобы на непонятном наречии. «Ужасное, фантастическое зрелище», – подумал Смок. Никаких сомнений, это голод. Лица у индейцев были слишком исхудалые, с глубоко ввалившимися щеками, – не лица, а обтянутые кожей черепа. Все новые и новые живые скелеты подходили, теснились к Смоку и Малышу, и наконец эта дикая орда окружила их сплошной стеной. Одежда их шкур, вся в лохмотьях, была изрезана ножом, и Смок быстро понял, почему: он увидел, как тощий, высохший ребенок, привязанный к спине матери, сосет и мнет беззубыми деснами грязную полоску оленьей шкуры. Другой мальчуган усердно жевал обрывок ремня.

– Назад! Не подходите! – завопил Малыш, вновь переходя на английский после безуспешных попыток объясниться при помощи немногих известных ему индейских слов.

Мужчины, женщины и дети, шатаясь и покачиваясь на нетвердых ногах, обступали их все теснее, отовсюду смотрели обезумевшие глаза, слезящиеся от слабости и горящие алчным огнем. Какая-то женщина со стоном шагнула мимо Малыша, повалилась на нарты и жадно вцепилась в них. За нею последовал старик – задыхаясь, ловя ртом воздух, он трясущимися руками пытался развязать ремни и добраться до тюка с провизией. Молодой индеец с обнаженным ножом в руке тоже кинулся было к нартам, но Смок отшвырнул его. Толпа все напирала, началась свалка.

Сперва Смок и Малыш просто отталкивали, отбрасывали обезумевших от голода индейцев. Потом пустили в ход рукоятку кнута и кулаки. А вокруг рыдали и всхлипывали женщины, дети. Ремни, привязывающие груз к нартам, были уже перерезаны в десятке мест. Под градом пинков и

ударов индейцы подползали по снегу и пытались вытащить тюки с едой. Приходилось хватать их и отбрасывать прочь. Они были так слабы, что падали от малейшего толчка. И при этом они даже не пробовали отбиваться от двух путников, которые не подпускали их к нартам.

Индейцы совсем обессилели от голода, только поэтому они не опрокинули Смока и Малыша. В пять минут сплошная стена нападающих рассыпалась на кучки поверженных в схватке – они жалобно стонали, бормотали что-то, корчась на снегу, ныли и хныкали, а их расширенные, полные слез глаза прикованы были к мешкам с пищей, которая одна могла спасти им жизнь, и на губах выступала голодная слюна. В воздухе стоял стон, это плакали женщины и дети.

– Замолчите! Да молчите же! – вопил Малыш, затыкая уши и тяжело дыша от усталости. – Ах, ты! Вот ты как! – крикнул он вдруг и, кинувшись вперед, выбил нож из рук индейца, который подполз к нартам и хотел перерезать горло жожаку упряжки.

– Вот ужас... – пробормотал Малыш. Выручив Быстрого, он снова подошел к товарищу. – Я прямо взмок весь. Что ж нам делать с этой инвалидной командой?

Смок покачал головой, а затем решение задачи пришло само. К ним подполз индеец; единственный глаз его был обращен не на нарты, а на Смока, и Смोक увидел в этом взгляде усилие крепнущей мысли. Другой глаз заплыл, под ним вздулась шишка – Смोक вспомнил, что это его рук дело. Индеец приподнялся на локте и заговорил:

– Я Карлук. Я хороший сиваш. Я видел много-много белые люди. Я много-много голодный. Все сиваши много-много голодный. Все сиваши не видал белые люди. Я видал. Я теперь сытый будет. Все сиваши сытый будет. Мы купить еду. У нас золото, много-много. Еды нет. Лето было – в реку Молочную лосось не пришел. Зима была – олень не пришел. Еды нет. Я говорил всем сивашам – много-много белые люди пришел на Юкон. У белые люди еда, много-много. Белые люди любят золото. Возьмем золото, пойдем на Юкон, белые люди дать еду. Много-много золота. Я видал, белые любят золото.

Он взялся за висевший у пояса мешок и костлявыми пальцами стал его развязывать.

– А, черт! – вне себя прервал индейца Малыш. – Вели всем скво, вели пискунам, пускай перестанут орать!

Карлук обернулся и крикнул что-то плачущим женщинам. Мужчины, услышав его окрик, в свою очередь, повелительно возвысили голос, и понемногу женщины затихли и успокоили детей. Карлук оставил на время свой мешок, поднял в воздух руку и растопырил пальцы; он повторял этот жест снова и снова.

– Вот сколько людей умерло, – сказал он.

И Смोक подсчитал, что семьдесят пять человек из племени унесла голодная смерть.

– Я куплю еду, – сказал Карлук. Он развязал наконец свою поклажу и вытащил большой кусок тяжелого металла. Другие последовали его примеру, со всех сторон протягивались руки с такими же кусками металла. Малыш смотрел во все глаза.

– Боже праведный! – воскликнул он. – Медь! Самая обыкновенная красная медь! А они думают, это золото!

– Золото, – убежденно повторил Карлук, уловив главное в возгласе Малыша.

– Бедняги, они верили, что в этом их спасение, – пробормотал Смोक. – Посмотри, этот кусок весит фунтов сорок. У них тут сотни фунтов, и они тащили эту тяжесть, хотя сами еле бредут. Вот что, Малыш. Мы должны их накормить.

– Ха! Легко сказать. А ты считать не разучился? У нас еды только на месяц. Вот и прикинь: шесть порций помножить на тридцать – будет сто восемьдесят. А тут двести индейцев, и у всех отличный аппетит. Как это, черт возьми, мы ухитримся накормить их хотя бы по одному разу?

– А собачий корм? – отозвался Смोक. – Двести фунтов вяленой лососины очень выручат. Мы должны их накормить. Понимаешь, они верят, что белые им помогут.

– Ясно, мы не можем просто так их бросить, – согласился Малыш. – Да, неприятная работенка нам с тобой предстоит. Уж и не знаю, что хуже. Одному надо слетать в Муклук за подмогой. Другой останется командовать всем этим лазаретом, и его почти наверняка самого слопают. Не забывай, пожалуйста, мы шесть дней сюда добирались. Даже если гнать налегке и ничего в дороге не помешает, все равно быстрее, чем за три дня, не обернешься.

Минуту Смок соображал и прикидывал, каковы были эти пройденные ими мили и в какой срок он их одолеет, если напрячь все силы.

– Я буду там завтра к вечеру, заявил он.

– Идет, – бодро согласился Малыш. – А я останусь тут, и они меня скушают.

– Но я возьму по рыбине для собак и на один раз еду для себя, – прибавил Смок.

– Ясно. Ведь в Муклуке ты будешь завтра к вечеру, не раньше.

Смок через Карлука изложил индейцам свой план.

– Разведите костры, длинные костры, много костров, – сказал он в заключение. – В Муклуке много белых людей. Белые люди – хорошие люди. У них много еды. Пройдет пять снов, и я вернусь, привезу много еды. Вот этот человек – мой очень хороший друг, его зовут Малыш. Он остается здесь. Он большой начальник, ясно?

Карлук кивнул и перевел слова Смока остальным.

– Вся еда остается здесь, – сказал Смок. – Малыш будет раздавать еду. Он начальник, ясно?

Карлук перевел, и индейцы кивками и гортанными возгласами выразили свое одобрение.

Смок не уезжал и распоряжался всем, пока дело не пошло на лад. Все, кто мог двигаться, шатаясь или хотя бы ползком, собирали хворост и сучья. Потом развели длинные костры, какие разжигают индейцы, чтобы можно было всем усесться у огня. Малыш с десятком помощников взялся застряпню; наготове у него была короткая дубинка: голодные нетерпеливы, то одному, то другому приходилось давать по рукам. Женщины усердно растапливали снег в каждой посудине, какую только удалось для этого приспособить. Первым делом все получили по крошечному ломтику сала, а затем – по ложке сахару, чтоб хоть немного притупить голод. Вскоре на кострах, кольцом окружавших Малыша, во множестве котелков варились бобы, а сам Малыш, строго следя, как бы кто не схватил лишней порции, наскоро пек и раздавал тончайшие олады.

– Я тут разведу знатнуюстряпню, – сказал он на прощание Смоку, – а ты знай гони. Туда рысью, а оттуда галопом. Сегодняшний день и завтрашний у тебя – чтобы добраться туда и еще три дня на обратную дорогу. Завтра они у меня доедят последнюю рыбу, а потом три дня у них не будет во рту ни крошки. Так что гони всю, Смок. Гони всю.

Но хотя Смок и отправился налегке, погрузив на нарты всего-навсего шесть вяленых лососей, два фунта замороженных бобов с беконом да меховое одеяло, а все-таки ехать ему пришлось не слишком быстро. Вместо того чтобы сидеть на нартах и погонять собак, он вынужден был все время работать шестом, направляя и выравнивая нарты. А ведь позади был длинный день, и Смок и собаки немало поработали и порядком измучились. Уже наступили долгие полярные сумерки, когда он одолел перевал и оставил за собою Лысые Холмы.

Но вот путь пошел под гору, и собаки побежали веселее; время от времени Смок даже вскакивал на нарты и гнал во всю мочь, заставляя собак делать по шесть миль в час. Темнота подкралась незаметно, и он заплутался

– поехал по широкой долине, где протекал какой-то неизвестный ручей; потом ручей пошел петлять по равнинам, и Смок для скорости решил не следовать по капризному течению, а срезать напрямик. И уже в полной тьме ему пришлось вернуться к руслу и заново нащупывать дорогу. Час прошел в бесплодных поисках. Убедившись, что дальше плутать безрассудно, Смок развел костер, бросил собакам по половинке лосося и свои бобы тоже разделил пополам. Потом лег и завернулся поплотнее в мех. Засыпая, Смок все же успел сообразить, где он. На последней широкой равнине ручей разделялся на два рукава. Срезая напрямик, Смок сбился с дороги. Сейчас он находился на главном русле, за милю от той тропы, по которой они с Малышом шли накануне. Эта тропа пересекала долину, узкий проток, выходила на другой берег и дальше вела к невысокому подъему.

Едва забрезжил рассвет, Смок, не проглотив ни куска, отправился в путь: надо было проташиться милю вверх по течению, чтоб выйти на тропу. Человек и собаки, голодные, без передышки, восемь часов кряду пробирались напрямик, пересекая многочисленные перевалы, потом спустились по ручью Колюшки. К четверем часам дня, когда уже стало быстро темнеть, Смок выбрался на Ло-синий ручей, по которому бежала плотно укатанная дорога. Оставалось пройти пятьдесят миль. Смок остановил нарты, развел огонь, бросил собакам по оставшейся половине лосося, разогрел и съел свой фунт бобов. Потом прыгнул на нарты, заорал собакам: «Вперед!» – и они с силой налегли

на лямки.

– Живо, звери! – кричал он. – Вперед! Живо, если хотите лопать! В Муклуке еды сколько угодно! Ходу, волки! Ходу!

3

Шел первый час ночи. В салуне «Прииск Энни» толпился народ; гудело пламя в печах, и в большой, жаркой, плохо проветриваемой комнате впору было задохнуться. Непрерывное щелканье фишек и стук костей на столах, где шла шумная игра, сливались в сплошной, однотонный гул, и так же однотонно гудели голоса мужчин, которые разговаривали – кто сидя, кто стоя, кучками, по двое, по трое. Весовщики хлопотали у весов, так как здесь за все платили золотым песком, и даже за порцию виски, выпитую у стойки, надо было отсыпать на доллар песку.

Стены были сложены из толстых бревен, не очищенных от коры, и проконопачены полярным мхом. Дверь в зал была отворена, там под рояль и скрипку задорно отплясывали веселую виргинскую. Только что была разыграна «китайская лотерея», и счастливчик, получивший у весов главный выигрыш, пропивал его с добрым десятком приятелей. Игравшие в фараон и рулетку держались деловито и спокойно. Тихо было и за столами, где резались в покер, хотя каждый стол окружало плотное кольцо зрителей. Рядом серьезно и сосредоточенно играли в Черного Джека. Шумно было только за столом, где шла игра в кости. В безуспешной погоне за обманчивым счастьем игрок с размаху выбрасывал кости на зеленое поле, громко приговаривая:

– Ну-ну, дружок! Где она, четверка? Давай, давай! Беги, дружок, принеси пирожок! Давай, давай!

Калтус Джордж, рослый жилистый индеец из Серкла, стоял поодаль, с мрачным видом прислонясь к бревенчатой стене. Это был цивилизованный индеец, если жить так, как живут белые, значит быть цивилизованным, – и он чувствовал себя жестоко оскорбленным, хотя пора бы уже ему свыкнуться со своей судьбой. Многие годы он исполнял работу белого человека бок о бок с белыми людьми и нередко исполнял лучше, чем они. Он носил такие же штаны, шерстяные фуфайки и теплые рубашки. У него были часы не хуже, чем у белых, и свои короткие волосы он зачесывал на косой пробор. Питался он теми же бобами, беконом, так же пек себе лепешки. Но ему было отказано в самом главном развлечении и отраде белых – в виски. Калтус Джордж недурно зарабатывал. Прежде он делал заявки, покупал и перепродавал участки. Он работал в доле с золотоискателями и сам принимал других в долю. Сейчас у него были отличные собаки, и он по санной дороге перевозил грузы с Шестидесятой Мили в Муклук, получая двадцать восемь центов с фунта, а за бекон и все тридцать три цента, – такой уж был порядок. У него полон кошель золотого песка, хватило бы на множество выпивок. Но ни в одном кабаке ему не дадут выпить. Виски – веселящее и согревающее душу, лучшее и неоспоримое благо цивилизации – не для него! Только тайком, из-под полы и втридорога мог он доставать спиртное. Это уязвляло его самолюбие, и долгие годы не притупили в нем чувства обиды. А в этот вечер и обида и жажда особенно мучили его, и белые, с которыми он так упорно соперничал, были ему сегодня ненавистны, как никогда. Белые любезно разрешали ему проигрывать золото за их игорными столами, но ни из дружеских чувств, ни за деньги не отпускали ему в своих кабаках и стаканчика спиртного. Вот почему он был безнадежно трезв, безнадежно последователен в своих рассуждениях и, следовательно, мрачен.

Плясовая в зале оборвалась бурным финалом, который, впрочем, не потревожил трех отъявленных пьяниц, храпевших под роялем. «Пара за парой – в буфет!» – провозгласил распорядитель танцев, едва музыка умолкла. И все парами двинулись по широкому коридору в главное помещение – мужчины в мехах и мокалинах, женщины в пышных платьях, в шелковых чулках и бальных туфельках, – как вдруг входная дверь распахнулась, и в салун, шатаясь от усталости, ввалился Смок Беллью.

Все глаза обратились к нему, шум постепенно утих. Смок хотел заговорить, но ему пришлось сначала бросить рукавицы, которые повисли, болтаясь на шнурках, и отодрать ледяную корку, наросшую вокруг рта от дыхания, пока он мчался пятьдесят миль по морозу. Помедлив минуту, он подошел к стойке и облокотился на нее.

Один лишь игрок за дальним столом даже не повернул головы и все бросал кости, приговари-

вая: «Ну-ну, дружок! Давай, давай!» Но пристальный взгляд банкомета, остановившийся на Смоке, привлек его внимание, и он тоже оглянулся. Рука, готовая бросить костяной кубик, застыла в воздухе.

– Что случилось, Смок? – спросил Мэтсон, хозяин салуна «Прииск Энни».

Смоку наконец удалось очистить лицо от льда.

– У меня там собаки... загнал их до полусмерти... – хрипло проговорил он. – Кто-нибудь позаботьтесь о них, а я сейчас расскажу, в чем дело.

Несколькими отрывочными фразами он обрисовал положение. Игрок в кости, чьи деньги все еще лежали на столе и чье капризное счастье по-прежнему не давалось ему в руки, подошел к Смоку и заговорил первым:

– Надо помочь. Дело ясное. А как? Ты, наверно, уже что-нибудь придумал. Что предлагаешь? Выкладывай.

– Я вот как думаю, – сказал Смок. – Надо сейчас же снарядить несколько легких нарт. Скажем, по сто фунтов провизии на каждые. Снаряжение погонщика и корм для собак – это еще пятьдесят фунтов. Такие упряжки мигом домчат. Отправим сейчас же хотя бы пять таких нарт – с самыми резвыми собаками, с лучшими погонщиками. По нетронутому снегу они будут вести по очереди. Пусть отправляются сейчас же. И то, даже при самой большой скорости, пока они доберутся до места, у индейцев три дня не будет во рту ни крошки. А как только эти уедут, снарядим еще несколько нарт побольше. Подсчитайте сами. Два фунта съестного в день на человека: меньше нельзя, а то им не дойти. Это значит четыреста фунтов в день, а там старики и дети. Выходит, раньше чем за пять дней им до Муклука не добраться. Вот теперь и скажите, что вы думаете делать.

– Сложимся и купим провизию, – сказал игрок в кости.

– Провизию я и сам куплю, – нетерпеливо сказал Смок.

– Нет уж, – прервал игрок в кости, – ты тут не один. Мы все этим займемся. Дайте-ка кто-нибудь таз. Это – минутное дело. Вот для почина.

Он вытащил из кармана тяжелый мешочек с золотом, развязал – и в таз полилась струя крупного золотого песка и самородков. Человек, стоящий рядом, выругался и, схватив игрока за руку, зажал край мешка, чтобы остановить эту струю. В тазу на глаз было уже шесть, а то и восемь унций золота.

– Осади назад! – крикнул сердитый человек. – Не у тебя одного есть золото!

– Ого! – усмехнулся игрок в кости. – Что это ты больно рвешься вперед, думаешь, тут расхватывают заявки?

Люди теснились и толкались, спеша внести свою долю, а когда все добились своего, Смок приподнял обеими руками тяжелый таз и широко улыбнулся.

– Тут хватит, чтоб прокормить все племя до конца зимы, – сказал он. – Так как же насчет собак? Нужны собаки побойчее, пять хороших, легких упряжек.

Тотчас был предложен десяток упряжек, и все обитатели Муклука, в полном составе вошедшие в комитет помощи голодающим, судили, принимали и отвергали одну упряжку за другой.

– Да разве тут годятся твои тяжеловозы? – сказал кто-то Длинному Биллу Хаскелю.

– Они отлично тянут, – ответил тот, – да скорость у них не ахти какая. Ты погоди, для тяжелых нарт они подойдут в самый раз.

Как только отбирали подходящую упряжку, ее хозяин шел запрягать и готовиться к отъезду, и человек пять-шесть спешили ему помочь.

Одну упряжку отвергли потому, что она только сегодня вернулась из поездки и собаки устали. Владелец другой предложил своих собак, но с виноватым видом показал перевязанную лодыжку, которая мешала ему поехать самому. Эту упряжку взял Смок, хоть его и уговаривали хором, что он вымотался и вовсе ему незачем ехать.

Длинный Билл Хаскел заявил, что у Толстяка Олсена упряжка, правда, лихая, но сам Олсен – настоящий слон. Толстяк весил ровным счетом двести сорок фунтов, и все его могучее тело задрожало от негодования. Слезы ярости навернулись ему на глаза, и он до тех пор ругался по-норвежски, пока его не определили в отряд тяжелых упряжек; игрок в кости воспользовался случаем и перехватил легкую упряжку Олсена.

Пять упряжек были отобраны, нагружены и готовы к отправке, но комитет нашел пока только четверых подходящих погонщиков.

– А Калтуса Джорджа забыли! – крикнул кто-то. – Он отличный гонщик, и он сегодня отдыхал.

Все взгляды обратились на рослого, сильного индейца, но лицо его было неподвижно, и он ничего не ответил.

– Возьми упряжку, – сказал ему Смок.

Индеец опять не ответил. Казалось, электрический ток пронизал толпу, все насторожились, почуввав неладное. Люди все тесней обступали Смока и Калтуса Джорджа, стоящих теперь друг против друга. И Смок понял: с общего молчаливого согласия он сейчас выразитель воли своих товарищей в том, что происходит и что должно произойти. К тому же он был зол. В самом деле, как может кто-либо оставаться в стороне, когда все так и рвутся наперебой помочь голодным! В дальнейшем развитии событий Смок никак не мог проникнуть в ход мыслей Калтуса Джорджа, – он не представлял себе, что у этого индейца могут быть какие-то иные побуждения, кроме самых эгоистичных и корыстных.

– Ты, конечно, возьмешь упряжку, – повторил Смок.

– Сколько? – спросил Калтус Джордж.

Все разом глухо заворчали, все лица исказились презрительной гримасой. Сжав кулаки, готовые вцепиться в того, кто нанес им такое оскорбление, золотоискатели придвинулись вплотную.

– Погодите, ребята! – крикнул Смок. – Может быть он просто не понял. Сейчас я ему растолкую. Послушай, Джордж. Разве ты не видишь, тут никто не требует платы. Каждый отдает все, что может, только бы те двести индейцев не умерли с голоду.

Он замолчал, выжидая, чтобы его слова дошли до сознания Калтуса Джорджа.

– Сколько? – повторил Калтус Джордж.

– Погодите, вы все! Слушай, Джордж. Мы хотим, чтобы ты все как следует понял. Эти голодные индейцы – твои сородичи. Другое племя, но тоже индейцы. И ты видишь: белые выкладывают свое золото, дают нарты и собак, каждый так и рвется в погонщики. Только самые лучшие достойны пойти с первыми упряжками. Вот Олсен чуть не в драку лез, когда его не брали. Ты должен гордиться: все считают тебя первоклассным погонщиком. Тут вопрос не в том, сколько тебе заплатят, а в том, скоро ли ты доедешь.

– Сколько? – повторил Калтус Джордж.

Толпа, минуту назад доброжелательная и отзывчивая, мгновенно расสวิрепела.

– Убить его! – неслось со всех сторон. – Проломить ему башку! Дегтя и перьев сюда!

Калтус Джордж стоял невозмутимый среди этой бури негодования; Смок, отталкивая самых неистовых, заорал во все горло:

– Стойте! Кто тут распоряжается? – Кругом примолкли. – Давайте веревку, – прибавил он тише.

Калтус Джордж пожал плечами, лицо его искривила угрюмая, недоверчивая усмешка. Знает он их, этих белых. Сколько лет он работал вместе с ними, сколько миль отшагал, ел их лепешки, бекон и бобы, – он успел их изучить. Это племя держится своих законов – вот что отлично знал Калтус Джордж. Оно всегда наказывает того, кто нарушает их закон. Но он, Калтус Джордж, не нарушал никаких законов. Он знает законы белых. Он всегда соблюдал их. Он никого не убил, не обокрал, не обманул. Закон белых вовсе не запрещает запросить цену и торговаться. Белые сами запрашивают и торгуются. Вот и он так делает, Они же его и научили. А кроме того, если он недостойн пить вместе с ними, значит, недостойн и заниматься вместе с ними делами милосердия и вообще принимать участие в их нелепых затеях.

Ни Смок и никто другой из присутствующих не догадывались о том, что происходит в мозгу Калтуса Джорджа, чем вызвано его странное поведение и что за ним кроется. Сами того не подозревая, они были также сбиты с толку и не способны понять его, как он не мог понять их. В их глазах он был себялюбивая, грубая скотина; в его глазах себялюбивыми скотами они были.

Принесли веревку. Длинный Билл Хаскел, Толстяк Олсен и игрок в кости, разъяренные, торопливо и неловко надели индейцу на шею петлю и перекинули веревку через балку потолка. За ее конец ухватились человек десять, готовые вздернуть Калтуса.

А Калтус Джордж не сопротивлялся. Он-то знал, что все это чистейший обман, блеф. Белые –

мастера обманывать. Недаром покер – их любимая игра. И разве они не обманывают, когда покупают, продают, заключают сделки? Еще как! Он сам наблюдал, как один белый вел свои дела с таким видом, словно у него на руках большая карта, а была у него одна дрянь.

– Стойте! – скомандовал Смок. – Свяжите ему руки, чтобы не барахтался.

«Опять пугают», – решил Калтус Джордж и покорно дал связать себе руки за спиной.

– В последний раз спрашиваю, Джордж, – сказал Смок, – поведешь ты упряжку?

– Сколько? – повторил Калтус Джордж.

Сам себе удивляясь, ибо он никогда не думал, что способен на такое, и в то же время взбешенный безграничным эгоизмом индейца, Смок подал знак. И Калтус Джордж удивился не меньше, когда петля вдруг затянулась и его рывком подняло в воздух. Невозмутимости индейца как не бывало. На лице его промелькнули, сменяя друг друга, изумление, ужас, боль.

Смок с тревогой наблюдал. Его самого никогда еще не вешали, и он чувствовал себя новичком в этом деле. Тело Калтуса судорожно забилося, связанные за спиной руки силились разорвать путы, из горла вырвался хрип. Неожиданно Смок поднял руку.

– Хватит! – распорядился он.

Ворча, недовольные, что наказание так быстро пришло к концу, люди, тянувшие веревку, опустили Калтуса Джорджа на пол. Глаза Калтуса выкатились, ноги не держали его, он шатался из стороны в сторону и все силился высвободить руки. Смок догадался просунуть пальцы под веревку на шее индейца и быстрым движением ослабил петлю. Калтус Джордж наконец вздохнул.

– Пойдешь ты с этой упряжкой? – спросил Смок.

Калтус Джордж не ответил, он был слишком занят: он дышал.

– Ну да, мы, белые, свиньи, – заговорил Смок, злясь на себя за то, что ему пришлось играть такую роль. – Мы готовы душу продать за золото и все такое. Но бывают случаи, когда мы обо всем забываем и действуем, не спрашивая себя, сколько на этом можно заработать. И уж тогда, Калтус Джордж, никто нам не становится поперек. А теперь мы хотим знать только одно: пойдешь ты с этой упряжкой?

Калтус Джордж колебался. Он был не трус. Может, это все еще обман, нелепая забава белых, и, уступив, он останется в дураках. А пока он не знал, на что решиться. Смок в глубине души терзался тревогой: этот упрямый индеец, пожалуй, добьется того, что его и в самом деле повесят.

– Сколько? – спросил Калтус Джордж.

Смок поднял руку, давая сигнал.

– Я пойду, – поспешно сказал Калтус Джордж, прежде чем веревка затянулась.

– ...и когда спасательная экспедиция меня отыскала, – рассказывал потом Малыш в салуне «Прииск Энни», – этот самый Калтус Джордж примчался первым, обогнал Смока на три часа. А все-таки, не забудьте, Смок пришел вторым. И, скажу я вам, они приехали вовремя. Когда я услышал, как Калтус Джордж орет на перевале на своих собак, эти чертовы сиваши уже слопали мои мокасины, и рукавицы, и все ремни, и футляр от моего ножа, а кое-кто уже стал и на меня посматривать такими голодными глазищами... понимаете, я ведь потолще их.

А Смок? Он был еле жив. Он еще покрутился немного, помогал готовить еду для этих двухсот несчастных сивашей, да так, сидя на корточках, и заснул и во сне все еще видел, что подкладывает снег в ведро. Я ему приготовил свою постель и сам его уложил, вот чтоб мне провалиться! Он до того вымотался, что и укрыться не мог. А зубочистки я все-таки выиграл. Вот и выходит, что Смок недаром скормил собакам те шесть рыбин, верно?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ОШИБКА ГОСПОДА БОГА

1

– Стой! – закричал собакам Смок и всей тяжестью налег на шест, останавливая нарты.

– Что это на тебя напало? – недовольно спросил Малыш. – Тут воды уже нет, можно ехать спо-

койно.

– Да, – ответил Смок. – Но ты посмотри, вправо отходит тропа. А я думал, в этих местах никто не зимует.

Собаки тотчас улеглись на снег и стали выгрызать намерзшие между пальцами льдинки. Еще пять минут назад это был не лед, а вода. Собаки провалились сквозь присыпанную снегом ледяную корку, под нею скрывалась ключевая вода, которая просочилась с берега и образовала озерко поверх трехфутовой толщи льда, сковавшей реку Нордбеска.

– Первый раз слышу, чтобы на Нордбеске был народ, – сказал Малыш, разглядывая почти незаметную тропу: прикрытая двухфутовым слоем снега, она исчезала в устье небольшого ручья, впадавшего в Нордбеску слева. – Может, они тут охотились и давным-давно укатали со всеми своими пожитками.

Не снимая рукавиц, Смок обеими руками сгреб с тропы верхний слой рыхлого снега, посмотрел, подумал, отбросил еще немного снега и снова подумал.

– Нет, – решил он наконец, – следы ведут в обоих направлениях, но в последний раз ехали туда, вверх по ручью. Не знаю, что это за люди, но сейчас они наверняка там. Больше тут никто не проезжал, пожалуй, с месяц. Почему они там застряли, хотел бы я знать?

– А я хотел бы знать, где мы сегодня остановимся на ночевку, – сказал Малыш, уныло глядя на юго-запад: небо там уже темнело, сгущались вечерние сумерки.

– Пойдем по этой тропе, по ручью, – предложил Смок. – Сухостоя и хвороста тут сколько угодно. Можно сделать привал в любую минуту.

– Привал-то, конечно, всегда можно сделать, но, если мы не хотим помереть с голоду, надо поторапливаться и никуда не сворачивать.

– Мы, наверно, что-нибудь найдем на этом ручье, – продолжал уговаривать Смок.

– Да ты только погляди, у нас еды совсем не осталось! И собаки на что похожи! – воскликнул Малыш. – Погляди только... Ну, да черт с ним, ладно! Все равно будет по-твоему.

– Да это нас и на один день не задержит, – уверял Смок. – Может, всего-то надо какую-нибудь лишнюю милю пройти.

– И из-за одной мили люди помирали, – возразил Малыш и с угрюмой покорностью покачал головой. – Что ж, пошли искать себе лиха. Подымайтесь, эй вы, хромоногие! Вставай! Эй, быстрее! Вставай!

Вожак повиновался, и упряжка устало двинулась, увязая в рыхлом снегу.

– Стой! – заорал Малыш. – Придется прокладывать тропу.

Смок вытащил из нарт лыжи, прикрепил их к мокасинам и зашагал впереди, утаптывая и приминая снег.

Это была нелегкая работа. И собаки и люди уже много дней недоедали, и силы их были на исходе. Они шли по руслу ручья, круто сбегавшего к реке, и с трудом одолевали тяжелый, непрерывный подъем. Высокие отвесные скалы с обеих сторон сходились все тесней, и скоро путники уже двигались по дну узкого ущелья. Отсвет долгих северных сумерек не проникал за высокие каменные стены, и в ущелье было почти темно.

– Настоящая западня, – сказал Малыш. – Точно лезешь в преисподнюю. Тут так и жди беды.

Смок не ответил; полчаса они молча пробивались вперед, и молчание снова нарушил Малыш.

– У меня предчувствие, – проворчал он. – Да, да, у меня предчувствие. Сказал бы я тебе, да ты слушать не станешь...

– Ну, ну, валяй, – отозвался Смок.

– Так вот, чувствует мое сердце, что мы здесь надолго застрянем. Наживем себе лиха, проторчим целую вечность, да еще с хвостиком.

– А что твое сердце чувствует насчет еды? – довольно нелюбезно осведомился Смок. – У нас нет в запасе еды на целую вечность, да еще с хвостиком.

– Насчет еды ничего не чувствует. Наверно, уж как-нибудь извернемся. Но одно я тебе прямо скажу, Смок. Я готов съесть всех наших собак, но только не Быстрого. На Быстрого у меня рука не поднимется. Я этого пса слишком уважаю.

– Рано ты нос вешаешь! – насмешливо сказал Смок. – Мое сердце чувствует больше. Оно чувствует, что

собак есть не придется. Уж не знаю, на лосином мясе, на оленине или на жареных рябчиках, а только мы тут даже раздобреем.

Малыш фыркнул, не находя слов, чтобы выразить свое негодование, и они снова на время умолкли.

– Вот оно начинается, твое лихо, – сказал Смок, останавливаясь и пристально глядя на что-то лежащее у тропы.

Малыш оставил шест, подошел к товарищу и тоже стал разглядывать лежавшее на снегу тело.

– Это не голодный, – сказал Смок.

– Погляди на его губы, – сказал Малыш.

– Совсем заоченел, – сказал Смок и потянул мертвеца за руку; рука не согнулась, но с нею приподнялось все тело.

– Если его бросить оземь, он расколется на куски, – заметил Малыш.

Человек лежал на боку, скованный морозом. Он не был засыпан снегом – значит, лежал здесь недолго.

– Только третьего дня снег сыпал вовсю, – сказал Малыш.

Смок кивнул, нагнулся над мертвым телом и повернул его лицом вверх. Висок был прострелен; Смок огляделся и кивком указал на валяющийся в снегу револьвер.

Через сотню ярдов им попался еще один труп – он лежал ничком на тропе.

– Две вещи совершенно очевидны, – сказал Смок. – Оба они толстые. Значит, не голодали. И они не нашли золота, иначе не покончили бы самоубийством.

– Да еще самоубийство ли это, – возразил Малыш.

– Несомненно. Тут только одни следы – их собственные, и у обоих виден ожог от пороха. – Смок оттащил второй труп в сторону и носком мокасина подкинул револьвер, вдавленный в снег тяжестью упавшего тела. – Вот и у этого револьвер под боком. Говорил я, что мы тут что-нибудь найдем.

– Видно, все находки еще впереди. С чего бы этим сытым парням пускать себе пулю в лоб?

– Когда уж мы это узнаем, так будем знать и все беды, какие ты чуял,

– ответил Смок. – Пойдем дальше. Смеркается.

Было уже совсем темно, когда лыжа Смока вдруг зацепилась за неподвижное мертвое тело и он свалился поперек нарт, на которых лежал еще один покойник. А когда он отряхнулся от снега, насыпавшегося за шиворот, и чиркнул спичкой, они с Малышом увидели третьего покойника, завернутого в одеяла, – он лежал возле наполовину вырытой могилы. И прежде чем спичка погасла, они заметили еще пять или шесть могил.

– Бр-р, – содрогнулся Малыш. – Лагерь самоубийц. А какие сытые. Наверно, там все перемерли.

– Нет... вот посмотри. – Смок показал на мерцающий в отдалении слабый огонек. – А вон еще огонь... и еще. Пошли. Прибавь-ка шагу.

Больше трупов им не попадалось, и через несколько минут плотно укатанная тропа привела их в лагерь.

– Да это прямо город, – прошептал Малыш. – Хижин двадцать, не меньше. И ни одной собаки. Вот занятно!

– Теперь я знаю! – взволнованно и тоже шепотом ответил Смок. – Это люди Лоры Сибли. Разве ты не помнишь? Они приплыли осенью по Юкону на «Порт-Таунсенде». Прошли мимо Доусона без остановки. Должно быть высадились прямо у этого ручья.

– Ну да. Припоминаю. Они мормоны.

– Нет, вегетарианцы. – Смок усмехнулся в темноте. – Не едят мяса и не ездят на собаках.

– Мормоны, вегетарианцы – один черт. У всех у них мозги набекрень. И всегда их на золото тянет. Эта самая Лора Сибли обещала привести их на такое место, где они разом станут миллионерами.

– Правильно. Она у них пророчица – ее посещают видения и всякое такое. А я думал, что они двинулись вверх по Норденсджолду.

– Тсс! Слушай!

В темноте Малыш предостерегающе дотронулся рукой до груди Смока, и оба прислушались: низкий протяжный стон донесся от одной из хижин. И, прежде чем он замер, его подхватили в другой хижине, в третьей... казалось, это рвется наружу беспредельное человеческое горе. От этих стонаний мороз продирает по коже.

– Бр-р, – содрогнулся Малыш. – Прямо жуть берет. Пойдем поглядим, что с ними стряслось.

Смок подошел к освещенной хижине и постучал. «Войдите!» – со стоном отозвался голос за дверью, и они с Малышом вошли. Это был самый обыкновенный сруб, бревенчатые стены проконопачены мхом, земляной пол усыпан опилками и стружками. При свете керосиновой лампы можно было разглядеть четыре койки; на трех койках лежали люди, они перестали стонать и устали на вошедших.

– Что у вас тут? – спросил Смок одного из лежащих; даже под одеялами видно было, какие широкие плечи и большое, сильное тело у этого человека, но глаза у него были страдальческие и щеки ввалились. – Оспа, что ли?

Вместо ответа человек показал на свой рот, с усилием растянул вспухшие, почерневшие губы, и Смок невольно отшатнулся.

– Цинга, – негромко сказал он Малышу, и больной кивком подтвердил диагноз.

– Еды хватает? – спросил Малыш.

– Ага, – отозвался человек с другой койки. – Можете взять. Еды полно. В соседнем доме никого нет. Кладовая рядом. Идите и берите.

2

Во всех хижинах, которые они обошли за этот вечер, оказалось то же самое. Цингой был поражен весь лагерь. Среди его жителей было десять или двенадцать женщин, но Смок с Малышом увидели далеко не всех. Вначале здесь было девяносто три человека. Но десять умерли, и еще двое недавно исчезли. Смок рассказал, как они с Малышом нашли двух самоубийц совсем неподалеку отсюда, и выразил удивление, что никто из лагеря не пошел на поиски. Больше всего его и Малыша поражала беспомощность этих людей. В хижинах была грязь, мусор, дощатые столы заставлены невымытой посудой. Никто и не думал помочь друг другу. В каждой хижине были свои несчастья, немало не трогавшие соседей, и никто уже не давал себе труда хоронить умерших.

– Прямо понять не могу, – признался Малышу Смок. – Встречал я лодырей и бездельников, но не столько сразу! Слышал, что они говорят? Никто и пальцем не шевельнул за все это время. Пары держу, они тут и не умываются. Не удивительно, что у них цинга.

– Но откуда у вегетарианцев цинга? – возразил Малыш. – Всегда говорят, что цинга косит тех, кто питается мясом, солониной. А эти вообще мяса не едят – ни соленого, ни сырого, ни жареного, никакого.

Смок покачал головой.

– Знаю. Цингу и лечат овощами. Никакие лекарства не помогают. Овощи, особенно картошка, – вот единственное средство. Но не забывай, Малыш, тут перед нами не теория, а факты: эти травоядные все поголовно больны цингой.

– Значит, она заразная.

– Нет, это доктора точно знают. Цинга передается не бациллами. Заразиться ею нельзя. Она сама возникает в организме. От истощения, что ли, от плохого состава крови. Не в том дело, что они что-то подхватили, а в том, что им чего-то не хватает. Цингой заболевают оттого, что недостает каких-то веществ в крови, и эти вещества находятся не в склянках и порошках, а в овощах и зелени.

– Но ведь эти, здешние, только зелень и едят, – возразил Малыш. – У них тут всякой травы сколько угодно. Нет, ты все путаешь, Смок. Это ты разводишь теорию, а факты ее разбивают вдребезги. Цинга – штука заразная, потому они все ее и подхватили и гниют заживо. И мы с тобой заразимся, если будем тут болтаться. Бр-р! Так вот и кажется, что эти самые букашки заползают в меня.

Смок только фыркнул и постучал в дверь следующей хижины.

– Наверно, и тут то же самое, – сказал он. – Входи. Надо разобраться как следует.

– Что вам нужно? – резко спросил женский голос.

– Видеть вас, – ответил Смок.

– Кто вы такие?

– Два доктора из Доусона, – выпалил Малыш и тут же за свое легкомыслие получил от Смока тумак под ребра.

– Никакие доктора нам не нужны, – наотрез заявила женщина, голос ее прервался от боли и злости. – Уходите. До свидания. Мы в докторов не верим.

Смок отодвинул щеколду, толкнул дверь, вошел и вывернул фитиль в слабо горевшей керосиновой лампе. Четыре женщины, лежавшие на койках, перестали стонать и охать и уставились на непрошенных гостей. Две женщины были молодые, с исхудалыми лицами, третья – пожилая и очень полная, четвертая, которую Смок сразу признал по голосу, была до того худа, что он не верил своим глазам, – таких живых скелетов он еще не видывал. Он сразу понял, что это и есть Лора Сибли, известная пророчица и ясновидящая, затеявшая в Лос-Анджелесе экспедицию; она-то и привела их всех сюда, на Нордбеску, в этот лагерь смерти. Разговор получился весьма недружелюбный. Лора Сибли не признавала докторов. И в придачу ко всем своим испытаниям она почти утратила веру в самое себя.

– Почему вы не послали за помощью? – спросил Смок, когда она умолкла, утомленная, задыхнувшись после первой же своей тирады. – Есть большой лагерь на реке Стюарт, и до Доусона всего восемнадцать дней пути.

– А почему Эймос Уэнтворт не пошел? – крикнула она с истерической злостью.

– Я не знаком с этим джентльменом, – ответил Смок. – Чем он занимается?

– Ничем. Но он один из всех нас не заболел цингой. А почему не заболел? Я могу вам сказать. Нет, не скажу... – И она плотно сжала тонкие губы; она была худа до прозрачности. Смоку даже казалось, будто сквозь кожу видны ее зубы до самых корней. – Да если бы он и пошел, что толку? Я же знаю. Я не дура. Наши кладовые полны всяких фруктовых соков и консервированных овощей. Ни один лагерь во всей Аляске не вооружен так, как мы, для борьбы с цингой. У нас есть всякие овощи, фрукты, орехи, какие только изготавливаются в сушеном виде и в консервах, и всего этого сколько угодно.

– Вот ты и попался, Смок! – с торжеством воскликнул Малыш. – Тут тоже факт, а не теория. Говоришь, лечение овощами? Вот они, овощи, а как же насчет лечения?

– Не понимаю, в чем дело, – признался Смок. – И ведь во всей Аляске другого такого лагеря не найти. Видал я цингу – попадались два три случая то тут, то там, – но никогда не видел, чтобы лагерь был охвачен цингой, да еще такой свирепой. Ничего нельзя понять, Малыш. Мы должны для них сделать все, что можно, но сперва надо позаботиться о ночлеге и о собаках. Мы навестим вас утром, э-э... миссис Сибли.

– Мисс Сибли, – оскорбленно поправила она. – И вот что, молодой человек: если вы сунетесь сюда с вашими дурацкими лекарствами, я всажу в вас хороший заряд дроби.

– Ну и ведьма же эта пророчица! – смеялся Смок, когда они ощупью пробирались в темноте к пустующей хижине рядом с той, откуда они начали свой обход.

Видно было, что здесь до недавнего времени жили два человека, и друзья невольно спрашивали себя, не те ли самоубийцы, которых они нашли на дороге. Они осмотрели кладовую и обнаружили великое множество припасов – в банках, в порошке, консервированных, сушеных, сгущенных.

– Как же, спрашивается, они ухитрились заполучить цингу? – воскликнул Малыш, широким жестом указывая на пакетики с яичным порошком и итальянскими грибами. – Ты погляди! Только погляди! – Он потрясал банками с томатом, с кукурузой и фаршированными маслинами. – И сама приводчица тоже подхватила цингу. Как это понять?

– Пророчица, – поправил Смок.

– Приводчица, – упрямо повторял Малыш. – Кто их привел в эту дыру, не она, что ли?

3

На другое утро, когда было уже светло, Смок столкнулся на улице с человеком, тащившим тяжело груженные сучьями и хворостом сани. Низенький, опрятный и подвижной, этот человек шагал

бодро, быстро, хотя сани были тяжелые. Смок тотчас проникся неприязнью к нему.

– Что с вами? – спросил он.

– Ничего, – ответил низенький.

– Знаю, – сказал Смок. – Потому и спрашиваю. Вы Эймос Уэнтворт. Любопытно, как это получилось, что вы один их всех не заболели цингой?

– Потому что я не лежал на боку, – быстро ответил тот. – Они бы тоже не заболели, если бы не сидели взаперти и хоть что-то делали. А они чем занимались? Ворчали, и жаловались, и ругали холод, долгую ночь, тяжелую жизнь, работу, болезни и все на свете. Они валялись в постели, пока не распухли так, что уже не могут подняться, вот и все. Посмотрите на меня. Я работал. Войдите ко мне в хижину.

Смок последовал за ним.

– Поглядите вокруг. Дом как игрушечка, а? То-то! Чистота, порядок. Я бы и опилки со стружками вымел, да они нужны для тепла. Но они у меня чистые. А поглядели бы вы, что у других на полу делается. Прямо как в хлеву. Я еще ни разу не ел с немытой тарелки. Нет, сэр. А для этого надо работать, и я работал – не заболел цингой. Намотайте себе это на ус.

– Вы попали в самую точку, – признался Смок. – Но тут у вас, я вижу, только одна койка. Почему это вы в грустном одиночестве?

– Потому что мне так больше нравится. Проще убирать за одним, чем за двумя, только и всего. Тут все лодыри и лежебоки. Неужели я стал бы терпеть такого в доме? Не диво, что у них началась цинга.

Все это звучало очень убедительно, но Смок не мог преодолеть неприязни к своему собеседнику.

– А почему Лора Сибли так на вас сердита? – спросил он вдруг.

Эймос Уэнтворт быстро взглянул на Смока.

– Лора Сибли чудачка, – ответил он. – Все мы чудачки, если хотите знать. Но избави меня Боже от чудака, который тарелки за собой не вымоет, а они все такие.

Несколько минут спустя Смок разговаривал с Лорой Сибли. Опираясь на палки, она проковыляла мимо его хижины и остановилась передохнуть.

– Почему это вы так сердиты на Уэнтворта? – вдруг спросил он ни с того ни с сего.

Этот внезапный вопрос застал ее врасплох. Зеленые глаза ее вспыхнули, худое, изнуренное лицо исказилось от бешенства, распухшие, почерневшие губы кривились, готовые произнести самые резкие, необдуманные слова. Но только какие-то бессвязные, нечленораздельные звуки сорвались с этих губ, и тотчас страшным усилием воли Лора Сибли овладела собой.

– Потому что он здоров, – задыхаясь, выговорила она. – Потому что у него нет цинги. Потому что он думает только о себе. Он пальцем не шевельнет, чтоб кому-нибудь помочь. Бросил нас гнить заживо, и мы гнием заживо, а он хоть бы раз принес нам ведро воды, вязанку хвороста! Такой негодяй! Но он еще дождется! Да, да! Он еще дождется!

Все еще с трудом переводя дух, она заковыляла дальше. Пять минут спустя Смок вышел кормить собак и увидел, как она вошла в хижину Эймоса Уэнтворта.

– Что-то тут неладно, Малыш, что-то неладно, – сказал он, мрачно качая головой, когда его товарищ, перемыв посуду, вышел из дому выплеснуть помой.

– Ясное дело, – весело ответил Малыш. – И нам с тобой тоже ее не миновать. Вот увидишь.

– Я не про цингу.

– А, ты про приводчицу? Эта на все способна, она и мертвого ограбит. До чего же у нее вид голодный, я таких сроду не видал!

4

– Мы с тобой здоровы, потому что все время работаем, Малыш. И Уэнтворт поэтому здоров. А остальные почти не двигались, и сам видишь, что из этого вышло. Теперь мы пропишем этой хворой команде физический труд. Твое дело следить, чтоб каждый получил свою порцию. Я тебя назначаю старшей сиделкой.

– Что-о-о? – крикнул Малыш. – Меня? Нет уж, увольте!

– Не уволю. И сам буду твоим помощником, потому что это дело нешуточное. Надо их расшевелить. Прежде всего пускай похоронят мертвецов. Самых крепких определим в похоронную команду; других, кто все-таки еще держится, – в команду сборщиков топлива, ведь они тут валялись под одеялами, чтобы экономить дрова; ну, а тех, кто послабее, – на работу полегче. Да, и хвойный отвар. Не забыть бы. Аляскинские старожилы просто молятся на него. А эти про него и не слыхивали.

– Ну, нам несдобровать, – ухмыльнулся Малыш. – Первым делом в нас всадят хорошую порцию свинца.

– А вот с этого мы и начнем, – сказал Смок. – Пошли.

За час они обшарили все двадцать с лишним хижин и отобрали у их обитателей все патроны, все ружья, дробовики и револьверы до единого.

– Ну-ка, болящие, – приговаривал Малыш, – выкладывайте ваши пушки и пистолеты. Они нам пригодятся.

– А вы кто? – осведомились в первой же хижине.

– Доктора из Доусона, – ответил Малыш. – Как скажем, так и делайте. Ну-ну, давайте сюда. И патроны тоже.

– А зачем они вам?

– На нас идут войной мясные консервы. Они уже захватили пол-ущелья, будем отбивать атаку. И имейте в виду, скоро сюда вторгнется хвойный отвар. Ну-ка, поживее.

И это было только начало. Все утро Смок и Малыш поднимали людей с постели – кого просьбами, уговорами, а кого и угрозами и просто силой заставляли встать и одеться. Тех, у кого цинга была в более легкой форме, Смок отобрал в похоронную команду. Других послал запасти дров, чтобы можно было отогреть кострами мерзлую глину и песок и выкопать могилы. Третьим было поручено нарубить и наколоть дров поровну для каждой хижины. Те, кто оказался не в силах выйти из дому, должны были чистить, мыть, прибирать у себя в хижине и стирать белье. Еще одна партия натащила еловых ветвей, и всюду на очагах стали кипятить хвойный отвар.

Но хоть Смок с Малышом и старались делать вид, будто все идет как надо, положение было очень тяжелое. У них мороз пошел по коже, когда они убедились, что по меньшей мере тридцать человек находятся в ужасном, безнадежном состоянии и их нельзя поднять с постели, а одна из женщин в хижине Лоры Сибли умерла. Однако надо было действовать решительно.

– Неохота мне колотить больного, – объяснял Малыш, угрожающе поднимая кулак, – но если это для его же пользы, я ему башку прошибу. А вас всех очень даже полезно поколотить, лодыри вы несчастные. Ну, ну, давай! Подымайся-ка и надевай свои лохмотья, да поживей, а то я тебе сейчас расквашу физиономию!

За работой люди стонали, охали, всхлипывали, слезы струились по их щекам и замерзали, и ясно было, что муки их неподдельные. Положение было отчаянное, и предписанные Смоком меры – поистине героические.

Когда работники вернулись в полдень домой, их уже ждал приличный обед, приготовленный более слабыми соседями по хижине под надзором и руководством Смока и Малыша.

– Пока хватит, – сказал Смок в три часа дня. – Кончайте работу. Ложитесь в постель. Сейчас вы устали, вам худо, зато завтра будет лучше. Конечно, выздороветь не так-то легко, но у меня вы все выздоровеете.

– Слишком поздно, – посмеиваясь над стараниями Смока, сказал Эймс Уэнтворт. – Им надо было взяться за ум еще осенью.

– Пойдемте-ка, – ответил Смок. – Захватите эти два ведра. Вы-то не больны.

И они пошли втроем из хижины в хижину, надевая всех и каждого доброй пинтой хвойного отвара. Нелегкое это было дело – заставить их выпить лекарство.

– Запомните раз и навсегда, нам не до шуток, – объявил Смок первому же упрямцу, который лежал навзничь и стонал, стиснув зубы. – Малыш, помогай! – Смок ухватил пациента за нос и одновременно слегка стукнул в солнечное сплетение, тот задохнулся и открыл рот. – А ну, Малыш! Сейчас он проглотит!

И больной, давась, отплевываясь, все же проглотил лекарство.

– Ничего, привыкнете, – заверил Смок свою жертву и потянулся к носу человека, лежавшего на соседней койке.

– Я бы уж предпочел касторку, – по секрету признался другу Малыш, готовясь принять свою порцию. – Клянусь Мафусаилом, – объявил он во всеуслышание, проглотив горькую настойку, – на грош глотнешь – ведро здоровья хлебнешь!

– Мы будем вас обходить с этим хвойным отваром четыре раза в день, и каждый раз нам придется напоить восемьдесят человек, – сказал Смок Лоре Сибли. – Мы не можем зря время терять. Выпьете так или зажать вам нос? – Его рука уже тянулась к ее лицу. – Это настойка растительная, так что совесть может вас не мучить.

– Ни совесть, ни тошнота! – фыркнул Малыш. – Еще бы! Такой дивный напиток!

Лора Сибли колебалась. Нелегко ей было себя пересилить.

– Ну? – повелительно сказал Смок.

– Я... я выпью, – ответила она дрожащим голосом. – Давайте скорей!

В тот вечер Смок и Малыш заползли под свои одеяла такие измотанные, как никогда еще выматывал их целый день езды по самой тяжелой дороге.

– Тошно мне, – признался Смок. – Страшно смотреть, как они мучаются. Но, кроме работы, я никакого средства не вижу, надо его испробовать до конца. Вот если бы у нас был мешок сырого картофеля...

– Спаркинс не может мыть посуду, – сказал Малыш. – Его прямо корчит от боли. Пришлось его уложить в постель, он и лечь-то сам не мог.

– Вот был бы у нас сырой картофель, – повторил Смок. – В этих сушеных и сгущенных продуктах не хватает чего-то самого главного. Из них жизнь улетучилась.

– А знаешь, или я сильно ошибаюсь, или этот парнишка по фамилии Джонс, из хижины Браунлоу, не дотянет до утра.

– Не каркай, Бога ради, – с упреком сказал Смок.

– А кому придется его хоронить, не нам, что ли? – рассердился Малыш.

– Что с этим парнем творится, я тебе скажу, просто ужас...

– Замочи ты, – сказал Смок.

Малыш еще пофыркал сердито и скоро уснул. Смок услышал его тяжелое мерное дыхание.

5

К утру умер не только Джонс, – один из самых сильных мужчин, работавший накануне в числе дровосеков, повесился. И потянулись длинной чередой дни, похожие на страшный сон. Целую неделю, напрягая все силы, Смок заставлял своих пациентов работать и глотать хвойный отвар. И одного за другим, а то и по двое, по трое сразу, вынужден был освободить их от работы. Он убедился, что физический труд – плохое лекарство для больных цингой. Похоронная команда таяла, а работы у нее не убавлялось, и пять или шесть могил, вырытых про запас в отогретой кострами земле, всегда были наготове и ждали.

– Вы не могли хуже выбрать место для лагеря, – сказал Смок Лоре Сибли. – Посмотрите, ведь он лежит на самом дне узкого ущелья, идущего с востока на запад. Даже в полдень солнце сюда не заглядывает. Вы месяцами не видите солнечного света.

– Откуда мне было знать?

Смок пожал плечами.

– Надо было знать, раз вы повели сотню дураков за золотом.

Она со злобой посмотрела на него и проковыляла дальше. Смок проведаль рабочую команду, которая со стонами собирала еловые ветки, а возвращаясь через несколько минут, увидел, что пророчица вошла в хижину Эймуса Уэнтворта, и последовал за нею. Из-за двери он услышал, что она хнычет и просит о чем-то.

– Только для меня одной, – умоляла она в ту минуту, когда Смок появился на пороге. – Я никому не скажу...

Оба с виноватым видом оглянулись на нежданного посетителя. Смок понял, что тут что-то

кроется, и мысленно выругал себя – зачем не подслушал!

– Выкладывайте! – резко приказал он. – Что у вас тут?

– А что вам нужно? – угрюмо переспросил Эймос Уэнтворт.

И Смок не мог объяснить, что ему нужно.

6

Положение становилось все хуже, все безнадежнее. В этом мрачном ущелье, куда не заглядывало солнце, беспощадная смерть уносила все новые и новые жертвы. Каждый день Смок и Малыш со страхом заглядывали друг другу в рот – нет ли белых пятен на деснах и слизистой оболочке, первого несомненного признака цинги.

– Ну, хватит, – заявил однажды Малыш. – Я все сызнава обдумал – и хватит с меня. Может, из меня кое-как вышел бы погонщик рабов, но погонять калек – на это я не гожусь. Им день ото дня хуже становится. Я теперь и двадцати человек не могу выгнать на работу. Нынче я отправил Джексона в постель. Он уже готов был покончить с собой. У него это прямо на лице написано. Никакого толку от работы нет.

– И я тоже так решил, – сказал Смок. – Освободим их от работы, оставим только человек десять. Нам нужны помощники. Пускай чередуются, сменяют друг друга. Хвойный отвар надо продолжать.

– Никакого толку от него нет.

– Может быть, и нет, не знаю, но уж, во всяком случае, он им не вредит.

– Еще один покончил с собой, – сообщил Малыш на другое утро. – Филипс, вот кто. Я уже давно видел, что к этому идет.

– Ну что тут будешь делать! – простонал Смок. – Ты что предлагаешь?

– Кто, я? Ничего не предлагаю. Пускай все идет своим чередом.

– Но тогда они все перемрут.

– Кроме Уэнтворта, – проворчал Малыш, который давно уже, как и Смок, не выносил этого субъекта.

Уэнтворт был неизменно здоров, словно заколдованный, и Смок только диву давался. Почему Уэнтворт – единственный в лагере – не заболел цингой? Почему Лора Сибли так ненавидит его и в то же время хнычет и скулит перед ним и что-то у него выпрашивает? Что это она у него выпрашивает, в чем он ей отказывает?

Несколько раз Смок нарочно заходил к Уэнтворту в час обеда. Только одно и показалось ему при этом подозрительным – та подозрительность, с какой встречал его Уэнтворт. Затем он попытался расспросить Лору Сибли.

– Сырой картофель вылечил бы вас всех, – сказал он пророчице. – Я знаю, я уже не раз видел, как он целительно действует.

Глаза ее вспыхнули – в них была и вера, и злоба, и ненависть, и Смок понял, что напал на след.

– Почему вы не привезли с собой на пароходе свежего картофеля? – спросил он.

– Мы везли. Но в Форте Юкон мы его очень выгодно продали. У нас сколько угодно сушеного картофеля, мы знали, что он лучше сохраняется. Он даже не мерзнет.

Смок охнул от досады.

– И вы весь свежий продали? – спросил он.

– Да. Откуда нам было знать?

– И совсем ничего не осталось? Может быть, мешок-другой случайно завалился где-нибудь в сторонке?

Она замаялась на мгновение, покачала головой, потом прибавила:

– Мы ничего не находили.

– А может быть, все же что-нибудь осталось? – настаивал он.

– Откуда я знаю? – скрипучим, злым голосом ответила Лора Сибли. – Я не ведала продовольствием.

– Им ведал Эймос Уэнтворт, – догадался Смок. – Прекрасно. А теперь скажите – это останется

между нами, – как по-вашему, не припрятал ли где-нибудь Эймос Уэнтворт немного сырого картофеля?

– Нет. Конечно, нет. Почему бы он стал прятать?

– А почему бы и нет?

Она пожала плечами.

И как ни бился Смок, ему не удалось заставить ее признать, что это могло случиться.

7

– Уэнтворт – свинья, – таков был приговор Малыша, когда Смок сказал ему о своих подозрениях.

– И Лора Сибли тоже, – прибавил Смок. – Она уверена, что у него есть картофель, но молчит об этом и только добивается, чтобы он поделился с нею.

– А он не желает? – Малыш проклял грешный род человеческий в одной из самых блистательных своих бранных импровизаций и перевел дух. – Оба они настоящие свиньи. Пускай Господь Бог в наказание сгноит их в цинге – вот все, что я имею сказать по этому поводу. А сейчас я пойду и расшибу Уэнтворту башку.

Но Смок был сторонником дипломатических переговоров. В эту ночь, когда все в лагере спало и стонало во сне или, быть может, стонало, не в силах уснуть, Смок постучал у дверей неосвещенной хижины Уэнтворта.

– Выслушайте меня, Уэнтворт, – сказал он. – Вот здесь, в мешке, у меня на тысячу долларов золотого песка. Я один из богатых людей в здешних краях, я могу себе это позволить. Боюсь, что у меня начинается цинга. Дайте мне одну сырую картофелину – и это золото ваше. Вот попробуйте на вес.

Смок содрогнулся от радости: Эймос Уэнтворт в темноте протянул руку и попробовал на вес мешок с золотом. Потом Смок услышал, как Уэнтворт шарит под одеялом, и почувствовал, что в руку ему вложили уже не тяжелый мешочек, а картофелину; да, это, несомненно, была картофелина величиной с куриное яйцо и теплая оттого, что лежала у Уэнтворта под боком.

Смок не стал дожидаться утра. Они с Малышом боялись, что два самых тяжелых пациента могут умереть каждую минуту, и тотчас отправились в их хижину. В чашке они несли тысячдолларовую картофелину, истертую, размятую вместе с шелухой и приставшими к ней песчинками; и эту жидкую кашу они по нескольку капель зараз вливали в страшные черные дыры, которые некогда были человеческими ртами. Всю долгую ночь, снова и снова сменяя друг друга, Смок и Малыш давали больным картофельный сок, втирали его в распухшие десны, в которых шатались и постукивали зубы, и заставляли несчастных тщательно глотать каждую каплю драгоценного эликсира.

Назавтра к вечеру в состоянии обоих пациентов произошла чудесная, прямо невероятная перемена. Они уже не были самыми тяжелыми больными в лагере. Через сорок восемь часов, когда была выпита последняя капля картофельного сока, оба они оказались вне опасности, хотя и далеки еще от полного выздоровления.

– Вот что, – сказал Смок Уэнтворту. – У меня есть в этих краях золотиносные участки, мой вексель вам оплатят где угодно. Даю вам до пятидесяти тысяч, по пятьсот долларов за каждую картофелину. Это будет сто штук.

– А золотого песку у вас больше нет? – осведомился Уэнтворт.

– Мы с Малышом наскребли все, что взяли с собой. Но, честное слово, мы с ним стоим несколько миллионов.

– Нет у меня никакого картофеля, – решительно заявил Уэнтворт. – Мне и самому он нужен. Только одна картофелина у меня и была, та, которую я вам отдал. Я берег ее всю зиму, боялся, что заболую. Нипочем бы ее не продал, да мне нужны деньги на дорогу. Когда река вскрыется, я поеду домой.

Хоть картофельный сок и кончился, на третий день стало ясно, что те двое, которых им лечили, идут на поправку. Тем, кому сока не давали, становилось все хуже и хуже. На четвертое утро были похоронены еще три страшных тела, изуродованных болезнью. Пройдя через это испытание, Малыш

сказал Смоку:

– Ты пробовал на свой лад. Теперь я попробую по-своему.

И он напрямик отправился к Уэнтворту. Что произошло в хижине Уэнтворта, он рассказывать не стал. Когда он вышел оттуда, суставы его пальцев были расшиблены и ободраны, а физиономия Уэнтворта оказалась вся в синяках, и он еще долгое время держал голову как-то боком на искривленной и негнушейся шее. Нетрудно было объяснить это странное явление: на шее Уэнтворта красовались иссиня-черные отпечатки пальцев – четыре пятна по одну сторону и одно – по другую.

Затем Смок с Малышом нагрянули к Уэнтворту, вышвырнули его за дверь прямо в снег и все в хижине перевернули вверх дном. Приковыляла Лора Сибли и тоже стала лихорадочно искать.

– Ничего ты не получишь, старуха, хотя бы мы откопали целую тонну, – заверил ее Малыш.

Но их постигло не меньшее разочарование, чем Лору Сибли. Они даже пол весь изрыли – и все-таки ничего не нашли.

– Я бы стал его поджаривать на медленном огне, он бы у меня живо заговорил, – с полной серьезностью предложил Малыш.

Смок покачал головой.

– Да ведь это убийство, – стоял на своем Малыш. – Бедняги, он же их убивает. Уж прямо взял бы топор, да и рубил бы головы – и то лучше.

Прошел еще день. Смок и Малыш неотступно следили за каждым шагом Уэнтворта. Несколько раз, едва он с ведром в руках выходил к ручью за водой, они словно невзначай направлялись к его хижине, и он поскорей возвращался, так и не набрав воды.

– Картошка у него припрятана тут же в хижине, – сказал Малыш. – Это ясно, как день. Но в каком месте? Мы все перерыли. – Он поднялся и натянул рукавицы. – Я все-таки ее найду, хотя бы мне пришлось по бревнышку растащить эту паршивую лачугу.

Он посмотрел на Смока. Тот не слушал, лицо у него было напряженное, взгляд отсутствующий.

– Что это с тобой? – в сердцах спросил Малыш. – Уж не собираешься ли ты подцепить цингу?

– Просто я стараюсь кое-что вспомнить.

– Что вспомнить?

– Сам не знаю. В том-то и беда. Но это очень важно, только бы мне вспомнить.

– Смотри, брат, как бы тебе не свихнуться, – сказал Малыш. – Подумай, что тогда со мной будет! Дай своим мозгам передышку. Поди помоги мне растащить ту хижину. Я бы ее поджег, да боюсь, картошка спечется.

– Нашел! – выкрикнул Смок и вскочил на ноги. – Вот это я и хотел вспомнить. Где у нас бидон с керосином? Живем, Малыш! Картофель наш!

– А в чем фокус?

– Вот увидишь, – загадочно сказал Смок. – Я всегда тебе говорил, Малыш, плохо, когда человек не знаком с художественной литературой, – она даже на Клондайке полезна. Вот сейчас мы проделаем одну штуку, о которой написано в книге. Я ее читал еще мальчишкой, и это нам очень пригодится. Идем.

Спустя несколько минут в мерцающем зеленоватом свете северного сияния они подкрались к хижине Уэнтворта. Осторожно, бесшумно полили керосином бревенчатые стены и особенно тщательно – дверь и оконные рамы. Потом чиркнула спичка, и они смотрели, как вспыхнуло и разгорелось пламя, освещающая все вокруг. Отойдя в тень, они ждали.

Из хижины выскочил Уэнтворт, дикими глазами поглядел на огонь и бросился назад. И минуты не прошло, как он снова появился на пороге; на этот раз он шел медленно, низко пригнувшись под тяжестью огромного мешка. Нетрудно было догадаться, что в этом мешке. Смок и Малыш кинулись на Уэнтворта, точно голодные волки. Они обрушились на него одновременно справа и слева. Он едва не упал, придавленный своим мешком, который Смок для верности наскоро ощупал. Уэнтворт обхватил руками колени Смока и запрокинул к нему мертвенно-бледное лицо.

– Берите все! Оставьте мне дюжину, только дюжину!.. Полдюжины!.. – пронзительно завопил Уэнтворт. Он оскалил зубы и в слепом бешенстве хотел было укунить Смока за ногу, но передумал и опять стал кланчить. – Только полдюжины! – выл он. – Только полдюжины! Я сам хотел вам завтра все отдать. Да, да, завтра. Я сам собирался. Это жизнь! Это спасение! Только полдюжины!

– Где другой мешок? – оборвал его Смок Беллью.

– Я все съел, – ответил Уэнтворт, и ясно было, что это чистая правда.

– Здесь в мешке все, что осталось. Берите все. Дайте мне только несколько штук.

– Все съел! – воскликнул Малыш. – Целый мешок! А эти бедняги мрут, потому что у них нет ни единой картофелины! Вот тебе! Вот! Вот! Вот тебе! Свинья! Скотина!

Он с размаху пнул Уэнтворта ногой. Первый же пинок оторвал Уэнтворта от Смока, колени которого он обнимал. Второй опрокинул его в снег. Но Малыш бил еще и еще.

– Побереги пальцы, – только и сказал Смок.

– Ясно, – ответил Малыш. – Я его пяткой. Увидишь, я ему все ребра переломаяю. Я ему челюсть сверну. На тебе! На! Эх, жалко, что на мне мокасины, а не сапоги. Ах ты свинья!

8

В эту ночь в лагере никто не спал. Час за часом Смок и Малыш снова и снова обходили его обитателей, вливая животворный картофельный сок, по четверти ложки зараз, в страшные, все в язвах рты. И на следующий день, пока один спал, другой продолжал свое дело.

Смертных случаев больше не было. Самые безнадежные больные начали поправляться с поразительной быстротой. На третий день люди, которые пролежали пластом долгие недели и даже месяцы, сползли со своих коек и начали двигаться, опираясь на палки. Уже два месяца, как северный короткий день стал прибывать, и вот солнце впервые поднялось над скалистой грядой и весело заглянуло в ущелье.

– Ни одной картофелины не получишь, – сказал Малыш Уэнтворту, который ныл и хныкал перед ним. – Тебя цинга и не тронула. Уплел целый мешок, теперь она тебе еще двадцать лет не страшна. Через тебя я стал лучше понимать Господа Бога. Я всегда удивлялся, как это он терпит сатану. А теперь понимаю. Он помиловал сатану, как я тебя помиловал. А все-равно это стыд и срам, что я тебя не прикончил.

– Вот мой совет, – сказал Уэнтворту Смок. – Больные очень быстро поправляются; через неделю мы с Малышом уедем, и некому будет вас от них защитить. Вот дорога. До Доусона восемнадцать дней пути.

– Сматывайся отсюда, Эймос, – прибавил Малыш. – А то они скоро выздоровеют и так тебя отделают... Как я тебя отдал – это еще сущие пустяки.

– Джентльмены, умоляю, выслушайте меня, – ныл Уэнтворт, – я в этих краях чужой. Я не знаю здешних обычаев. Я не знаю дороги. Позвольте мне поехать с вами. Я дам вам тысячу долларов, только позвольте мне поехать с вами.

– Пожалуйста, – сказал Смок с коварной улыбкой. – Если Малыш согласен.

– Кто?! Я?! – Малыш с достоинством выпрямился. – Я ничтожество. Я смиреннее последней козявки. Я червяк, букашка, лягушкин брат и мухин сын. Я не боюсь гадов и насекомых и не гнушаюсь ими – ни ползучими, ни вонючими. Но чтоб я связался с ним! Да он же хуже гада, он просто ошибка Господа Бога! Убирайся вон, ты! Я человек не гордый, но на тебя мне и смотреть тошно.

И Эймос Уэнтворт убрался; он ушел один, волоча сани, нагруженные запасом провизии, которой должно хватить до самого Доусона. Едва он прошел милю по тропе, как его нагнал Малыш.

– Поди сюда, – сказал Малыш. – Давай, давай. Выкладывай. Раскошеливайся.

– Я вас не понимаю, – дрожащим голосом ответил Уэнтворт; он весь затрясся при воспоминании о том, как Малыш уже дважды его отдал – и кулаками и ногами.

– А тысяча долларов? Непонятно? Тысяча долларов, которую Смок уплатил тебе за ту паршивую картофелину? Пошевеливайся!

И Эймос Уэнтворт протянул ему мешочек с золотом. – Чтоб тебя вонючка искусала, – напутствовал его Малыш. Авось, ты сбесишься и издохнешь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЯИЧНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Ясным морозным утром Люсиль Эрол, что-то выбиравшая у галантерейного прилавка в магазине Аляскинской торговой компании в Доусоне, подозвала к себе Смока Беллью. Приказчик вышел за чем-то на склад. Хотя огромные печи раскалились докрасна, Люсиль снова натянула рукавицы.

Смок бросился на ее зов. Во всем Доусоне не было человека, которому не польстило бы внимание Люсиль Эрол – эстрадной певицы, которая служила в небольшой труппе, ежедневно дававшей представления в доусонском театре.

– Вот скука смертная! – пожаловалась Люсиль с капризной гримаской, как только они обменялись рукопожатием. – Уже целую неделю в Доусоне не было приступов золотой лихорадки. Обещал Скиф Митчел устроить костюмированный бал, да отложил. Никто не кутит, и в театр никто не ходит. И почты из Штатов уже две недели нет. В общем, Доусон впал в спячку. Надо что-нибудь придумать. Этому городишке нужна встряска – и мы с вами должны его встряхнуть. Кто же их всех расшевелит, если не мы? Знаете, моя помолвка с Бешеным расстроилась.

И тотчас перед мысленным взором Смока мелькнули два видения: лицо Джой Гастелл – и он сам, на примятом снегу, под холодной северной луной, убитый наповал меткой пулей вышеупомянутого Чарли Бешеного. Смोक отнюдь не горел желанием вместе с Люсиль Эрол расшевелить Доусон, и она не могла этого не заметить.

– Вот мило! Благодарю покорно, вы меня не так поняли, – засмеялась она и обиженно надула губы. – Право, вы не настолько внимательны ко мне, чтобы стоило бросаться вам на шею.

– От нечаянной радости можно получить разрыв сердца, – с огромным облегчением пробормотал Смोक.

– Лгунишка, – кокетливо сказала Люсиль. – Просто вы до смерти испугались. Так вот имейте в виду, мистер Смोक Беллью, я не собираюсь влюбиться в вас, а если вы попытаетесь влюбиться в меня, Бешеный быстро вас вылечит. Вы его знаете. И потом, я... я не совсем порвала с ним.

– Ладно, загадывайте загадки, – усмехнулся Смोक. – Может, когда-нибудь я и догадаюсь, к чему вы клоните.

– Тут нечего гадать, я скажу вам прямо. Бешеный думает, что я порвала с ним, понимаете?

– А на самом деле нет?

– Ни в коем случае. Вы заработаете кучу денег, мы поднимем Бешеного на смех, развеселим Доусон, а самое главное, ради чего я все это затеяла,

– Бешеный станет немного потише. Ему это полезно. Он... как бы это получше объяснить... уж очень разбушевался. Только потому, что он такой огромный детина, и рудникам своим счет потерял, и...

– И обручен с самой очаровательной женщиной во всей Аляске, – вставил Смोक.

– Ну, и это – вы очень любезны... а все равно нечего ему буяннить. Вчера вечером он опять разошелся. В салуне «М. и М.» засыпал весь пол золотым песком. На тысячу долларов, не меньше. Просто-напросто развязал кошель и пошел сыпать под ноги танцующим. Вы уже, конечно, слышали?

– Еще утром. Жалко, что я не уборщик в этом заведении. А все-таки я вас никак не пойму. Я-то тут причем?

– Вот слушайте. Вчера это было уж слишком. Я поссорилась с ним, и теперь он делает вид, что сердце его разбито. Ну, вот мы и добрались до сути. Я обожаю яйца всмятку.

– Вот те на! – в отчаянии воскликнул Смोक. – А это тут причем?

– Не торопитесь.

– Но какая же связь между яйцами всмятку и вашей помолвкой?

– Самая прямая, только дослушайте меня.

– Я весь внимание! – заверил Смोक.

– Так вот, слушайте, Бога ради. Я люблю яйца всмятку. А в Доусоне яйца – редкость.

– Да, конечно. Я знаю. Почти все, что было, закупил ресторан Славовича. Ветчина с одним яйцом – три доллара. С двумя яйцами – пять долларов. Значит, розничная цена яйцу – два доллара. Только наши богачи да вот Люсиль Эрол или Чарли Бешеный могут позволить себе такую роскошь.

– Бешеный тоже любит яйца, – продолжала Люсиль. – Но не в этом дело. Важно, что их люблю я. Каждое утро в одиннадцать часов я завтракаю у Славовича. И непременно съедаю два яйца всмятку. – Она многозначительно помолчала. – Но представьте себе, что кто-то скупил все яйца.

Она ждала ответа, а он смотрел на нее с восхищением: что и говорить, Бешеный выбрал очень неплохо!

– Вы меня не слушаете, – сказала Люсиль.

– Продолжайте, – ответил Смок. – Я сдаюсь. Где же разгадка?

– Вот бестолковый! Вы же знаете Бешеного. Он увидит, как я горюю, что нет яиц всмятку (а я хорошо его изучила и умею разыграть безутешное горе), и как по-вашему, что он тогда сделает?

– Говорите. Я слушаю.

– Да он сразу бросится разыскивать того, кто скупил все яйца. Он перекупит их, сколько бы это ему ни стоило. Вообразите картину: в одиннадцать часов я вхожу к Славовичу. За соседним столиком – Бешеный. Можете не сомневаться, он там будет. «Два яйца всмятку», – говорю я официанту. «Виноват, мисс Эрл, – отвечает он, – яиц больше нет». И тут Бешеный говорит своим медвежьим басом: «Официант, омлет из шести яиц!» – «Слушаю, сэр», – говорит официант и подает омлет. Теперь вообразите картину: Бешеный косится в мою сторону, я делаю самое ледяное и возмущенное лицо и подзываю официанта. «Виноват, мисс Эрл, – говорит он,

– но это собственность мистера Бешеного. Понимаете, мисс, он скупил все яйца». Вообразите картину: Бешеный торжествует и, старательно делая вид, что ничего не заметил, уплетает омлет из шести яиц.

А потом такая картина: Славович самолично приносит мне два яйца всмятку и говорит: «Мистер Бешеный просит оказать ему честь». Что тут делать? Мне только и остается улыбнуться Бешеному, и мы, конечно, помиримся, и он будет считать, что это ничуть не дорого, даже если яйца обойдутся ему десять долларов штука.

– А что дальше? – спросил Смок. – На какой же станции я влезу в этот экспресс и у какой водочки меня потом ссадят?

– Вот глупый! Никто вас не ссадит. Вы приведете свой яичный поезд прямо к станции назначения. Вы-то и скупите эти яйца. Принимайтесь за дело немедленно, сегодня же. Вы можете купить все яйца, сколько их есть в Доусоне, по три доллара за штуку, а с Бешеного возьмете, сколько вам вздумается. И потом мы всем расскажем, в чем дело. Бешеного поднимут на смех. Он немного утихомирится. Мы с вами выйдем победителями. Вы заработаете кучу денег. А Доусон проснется от спячки и будет хохотать до упаду. Разумеется, если... если это, по-вашему, чересчур рискованная спекуляция, я дам вам золотого песку.

Это было уже слишком. Смок был обыкновенный смертный родом с запада, с весьма своеобразными взглядами на женщин и на деньги. Разве мог он принять от нее золото?

2

– Эй, Малыш! – окликнул Смок своего компаньона; тот вразвалку шагал по другой стороне улицы, неся под мышкой бутылку, в которой замерзла какая-то жидкость. Смок перешел к нему через дорогу. – Где ты пропадал все утро? Я тебя всюду ищу.

– К доктору ходил, – ответил Малыш, показывая бутылку. – С нашей Салли что-то неладно. Вчера вечером, когда я их кормил, я увидел, что у нее хвост и бока облезают. Доктор говорит...

– Это все ерунда, – нетерпеливо прервал Смок. – Я хочу...

– Что с тобой? – возмутился Малыш. – А если у Салли вся шерсть вылезет в такой мороз? Говорят тебе, собака больна! Доктор сказал...

– Салли подождет. Послушай...

– Говорят тебе, она не может ждать. Нет, это уже пахнет истязанием животных. Ты, видимо, заморозить ее хочешь. И какая муха тебя укусила? Может, на Монте-Кристо и впрямь нашли золото?

– Не знаю, Малыш. Но у меня к тебе просьба.

– Пожалуйста, – любезно согласился Малыш, сразу успокаиваясь. – Что там у тебя? Выкладывай. Я весь к твоим услугам.

– Купи для меня яиц...

– Может, еще пудры и духов? А бедная Салли пусть облезет начисто? Нет, знаешь, Смок, если ты хочешь вести роскошную жизнь, можешь сам покупать себе яйца, а с меня хватит бобов с салом.

– Я и сам буду покупать, но ты мне поможешь. А теперь помолчи, Малыш. Говорить буду я. Сейчас ты пойдешь к Славовичу. Плати хоть по три доллара за яйцо, но купи все, что у него есть.

– По три доллара! – охнул Малыш. – А я только вчера слышал, что у него в запасе целых семьсот яиц. Две тысячи сто долларов за куриное яичко! Знаешь, что я тебе скажу? Беги покажись доктору. Он тобой займется. И возьмет с тебя не больше унции песку за совет. До скорого! Мне пора.

Он шагнул было прочь, но Смок взял его за плечо и силой повернул к себе.

– Слушай, Смок, я все для тебя сделаю, – горячо сказал Малыш. – Если ты схватишь насморк и будешь лежать с переломанными руками, я день и ночь буду сидеть подле тебя и утирать тебе нос. Но будь я проклят веками, если ради тебя или ради кого-нибудь другого выложу две тысячи сто полновесных долларов за какие-то там куриные яйца.

– Да ведь доллары не твои, а мои. Я затеял одно дело. Хочу скупить все яйца в Доусоне, в Клондайке, по всему Юкону. Ты должен мне помочь. Мне некогда рассказывать, в чем тут суть. Потом объясню и, если захочешь, приму тебя в долю. Но прежде всего надо скупить яйца. А теперь беги к Славовичу и забирай все, что у него есть.

– Но что я ему скажу? Уж, конечно, он поймет, что я не собираюсь сам все уплести.

– Ничего ему не говори. Деньги скажут. Он берет за вареное яйцо два доллара. Предложи ему по три доллара за сырое. Если он начнет приставать с расспросами, скажи, что хочешь разводиться цыплят. Мне все равно, были бы яйца. И потом продолжай в том же духе, обшарь весь Доусон и скупы все яйца. Понял? Покупай все подряд! В ресторанчике напротив Славовича есть немного – купи их. Я пойду в Клондайк-сити. Там живет один разорившийся старик, хромоногий; у него есть шесть дюжин. Он продержал их всю зиму, надеялся продать подороже, чтоб хватило на дорогу до Сиэтла. Я ему оплачу дорогу и получу яйца. Ну, поторапливайся. И еще, говорят, у той женщины, что живет за лесопилкой и шьет мокасины, найдется дюжина-другая.

– Ладно, будь по-твоему. Но самая большая партия – у Славовича. Я с ним заключу такой контракт, что комар носа не подточит. А сейчас пойду соберу по мелочам, что у кого есть.

– Ладно. Только поскорей. Вечером я тебе расскажу, какой у меня план.

Но Малыш помахал бутылкой.

– Сперва я займусь лечением Салли. Уж столько-то времени яйца подождут. Если их до сих пор не съели, так не съедят, если я позабочусь о несчастной собаке, – она столько раз спасала нам жизнь.

3

Еще никогда ни один товар не скупали так быстро. За три дня Смок с Малышом прибрали к рукам все яйца, сколько их было в Доусоне, кроме нескольких дюжин. Смок не стоял за ценой. Он, не краснея, признавался, что купил у старика из Клондайка семьдесят два яйца по пять долларов штука. Но большую часть купил Малыш, и при том отчаянно торговался. Женщине, которая занималась шитьем мокасин, он заплатил всего по два доллара и очень гордился, что так удачно поладил со Славовичем – купил семьсот пятнадцать яиц по два с полтиной на круг. И как он ворчал, когда в ресторанчике напротив, где всего было каких-то сто тридцать четыре яйца, с него содрали по два семьдесят пять за штуку!

Но несколько дюжин оставалось еще у двух владельцев. Малыш вел переговоры с индианкой, которая жила в лачуге на холме, за больницей.

– Сегодня мы с ней покончим, – объявил назавтра Малыш. – Ты вымой посуду. Я мигом обернусь, если только удастся уйти от нее живым. Куда легче вести дела с мужчинами. С бабами прямо беда, они из покупателя прямо всю душу вымотают. Еще продать им кое-что можно, а уж купить... Прямо как будто она не яйцами торгует, а золотыми слитками.

Когда под вечер Смок вернулся домой, Малыш сидел на корточках и с подозрительно бесстрастным видом натирал лекарством хвост Салли. Несколько минут прошло в молчании.

– Что хорошего? – небрежно спросил наконец Малыш.

– Да ничего, – ответил Смок. – Сторговался ты со своей скво?

Малыш победоносно кивнул на стол, где стояло ведро с яйцами, и продолжал молча втирать снадобье. Потом признался:

– Пришлось отдать по семь долларов за штуку.

– А я под конец предлагал по десять, – сказал Смок. – И вдруг этот тип заявил, что уже продал яйца. Плохо наше дело, Малыш. У нас появился конкурент. Эти двадцать восемь яиц доставят нам немало хлопот. Понимаешь, весь секрет в том, чтобы у нас оказались все яйца до единого, иначе...

Он не договорил и уставился на своего компаньона. Малыш внезапно изменился в лице – что-то взволновало его, но он всячески старался этого не показать. Он отставил лекарство, тщательно, не торопясь, вытер руки об шкуру Салли, поднялся, прошел в угол, посмотрел на термометр, потом повернул обратно. И наконец заговорил тихим, ровным голосом и притом чрезвычайно вежливо:

– Будь так добр, повтори, пожалуйста, сколько яиц ты торговал у этого типа?

– Двадцать восемь.

– Гм... – пробурчал Малыш и легким кивком поблагодарил Смока. Потом раздумчиво и недоброжелательно посмотрел на печь. – Надо поставить новую печку. А то у этой топка прогорела, получают не лепешки, а уголь.

– При чем тут печка? – не выдержал Смок. – Скажи толком, в чем дело?

– В чем дело? Ты желаешь знать, в чем дело? Тогда будь так любезен, обрати свои прекрасные глаза на ведро, вон там, на столе. Видишь?

Смок кивнул.

– Так вот что я хочу тебе сказать. Здесь, в этом самом ведре, ровным счетом двадцать восемь яиц, и каждое из них, черт бы их побрал, стоит ровным счетом семь добрых полновесных монет. Если ты очень жаждешь еще что-нибудь узнать, пожалуйста, я в твоём распоряжении.

– Ну-ну, дальше, – потребовал Смок.

– Скажи, ты у кого торговал яйца? У высокого старого индейца, верно?

Смок кивнул, и потом ему пришлось кивать на каждый следующий вопрос Малыша.

– Ему щеку ободрал медведь – верно? Он торгует собаками? Его зовут Джим Рваная Щека? Все сходится? Понимаешь, о ком я?

– Ты думаешь, мы с тобой перебивали...

– Друг у друга. Ясное дело. Эта скво – его жена, они живут на холме за больницей. Я бы мог купить эти два яйца по два доллара штука, если б ты не сунулся.

– То же самое и я, – засмеялся Смок, – если б ты не впутался, чтоб тебе пусто было! Но это не имеет значения. Зато мы скупили все без остатка. Это главное.

И потом целый час Малыш пытел, выводя огрызком карандаша какие-то закорючки на полях газеты трехлетней давности, и чем длинней и загадочней становились колонки цифр, тем веселее становился он сам.

– Вот оно! – сказал он наконец. – Здорово, а? Очень даже мило, по-моему. Смотри, я все подсчитал. В нашем распоряжении ровно девятьсот семьдесят три яйца. Они нам стоили ровно две тысячи семьсот шестьдесят долларов, считая песок по шестнадцать долларов унция и не принимая в расчет наше с тобой время. А теперь слушай. Если мы выжмем из Бешеного по десять долларов за штуку, мы получим ровным счетом шесть тысяч девятьсот семьдесят долларов чистого барыша. Вот это куш, скажу я тебе! И половина моя! Так и запиши, Смок, – я тебе до того благодарен, прямо выразить не могу. Плевать я хотел на всяких букмекеров, я теперь всю жизнь буду ставить на кур, а не на лошадей.

4

В тот вечер в одиннадцать часов, когда Смок спал крепким сном, его разбудил Малыш; от его меховой парки веяло стужей, а рука, которой он дотронулся до щеки Смока, была ледяная.

– Что там еще? – проворчал Смок. – У Салли последняя шерсть вылезла?

– Да нет. У меня хорошие новости. Я говорил со Славовичем. Вернее, Славович говорил со мной, это он начал первый. «Малыш, – сказал он, – я хочу поговорить с тобой насчет этих самых яиц.

Я никому и словом не обмолвился. Никто не знает, что я продал их тебе. Но если ты хочешь сделать выгодное дельце, могу дать тебе хороший совет». И он мне посоветовал одну вещь – просто находка! Угадай, что?

– Ну, ну, говори.

– Хочешь верь, хочешь не верь, а находка – Чарли Бешеный. Он хочет купить яйца. Он заявился к Славовичу, предлагал сперва по пять долларов за штуку, а под конец – по восемь. А у Славовича ничего не осталось. Напоследок Бешеный сказал Славовичу, что разобьет ему башку, если узнает, что он где-нибудь припрятал яйца. И пришлось Славовичу сказать, что яйца он продал и обещал не называть покупателя. Славович просит, чтоб я разрешил сказать Бешеному, кто купил яйца. «Малыш, – говорит мне Славович,

– Бешеный сейчас же к тебе прибежит. Ты можешь вытянуть из него по восемь долларов за штуку». А я говорю – черта с два по восемь, я из него и десять выжму. В общем, я сказал Славовичу, что подумаю и утром дам ему ответ. Пусть он скажет Бешеному, что это мы все скупили. Верно я говорю?

– Ну, конечно, Малыш. Утром сразу шепни словечко Славовичу. Пусть скажет Бешеному, что мы с тобой в этом деле компаньоны.

Минут через пять Малыш снова разбудил друга.

– Послушай, Смок! Эй, Смок!

– Ну?

– По десять долларов штука – и ни цента меньше. Правильно я говорю?

– Ну, ясно... – пробормотал Смок, засыпая.

Наутро в магазине Аляскинской торговой компании Смок снова встретил у галантерейного прилавка Люсиль Эрол.

– Дело на мази! – весело объявил он. – Дело на мази. Бешеный приходил к Славовичу насчет яиц, давал большие деньги, и просил, и грозил. А сейчас Славович уже, наверно, ему сказал, что яйца скупили мы с Малышом.

Глаза Люсиль Эрол вспыхнули радостью.

– Сейчас пойду завтракать! – воскликнула она. – Закажу яйца, а когда их не окажется, сделаю такое жалобное лицо, что и каменное сердце смягчится. Уж, конечно, Бешеный наседаст на Славовича! Он постарается перекупить всю партию, хотя бы ему для этого пришлось распротиться с одним из своих рудников. Я его знаю. Но только вы не уступайте. Десять долларов, Смок, на меньшее я не согласна. Если вы продадите дешевле, я вам никогда не прощу.

В полдень Малыш занялся приготовлениями к обеду: поставил на стол котелок с бобами, кофе, лепешки на сковороде, жестянку с маслом, банку сгущенного молока, дымящуюся оленину с беконом, компот из сушеных персиков.

– Обед подан, – объявил он. – Только взгляни сперва, как там Салли.

Смок отложил упряжь, которую он чинил, открыл дверь и увидел, как Салли и Быстрый бесстрашно отгоняют свору соседских собак, сбежавшихся к ним в надежде чем-нибудь поживиться. Но он увидел и еще нечто, заставившее его поспешно захлопнуть дверь и кинуться к печи. Сковорода, на которой жарилась оленина, еще не остыла – рывком он поставил ее на переднюю конфорку, положил большой кусок масла, схватил яйцо, разбил, вылил на шипящую сковороду и потянулся за вторым. Но тут подскочил Малыш и удержал его за руку.

– Эй, ты что делаешь?

– Яичницу, – сказал Смок, стряхивая руку Малыша, и разбил второе яйцо. – Ты что, стал плохо видеть? Может, тебе кажется, что я причесываюсь?

– Да ты не заболел ли? – тревожно спросил Малыш, когда Смок, ловко оттолкнув его локтем, разбил над сковородой третье яйцо. – Или, может, просто рехнулся? Ведь тут яиц уже на тридцать долларов.

– А будет на шестьдесят, – ответил Смок, разбивая четвертое. – Не мешай, Малыш. К нам поднимается Бешеный, через пять минут он будет здесь.

Поняв наконец, в чем дело, Малыш с облегчением вздохнул и сел к столу. А когда в дверь постучали, Смок уже сидел за столом, и перед каждым стояла тарелка с дымящейся яичницей из трех

яиц.

– Войдите! – крикнул Смок.

Вошел Чарли Бешеный, молодой великан добрых шести футов ростом, весивший ни много ни мало сто девяносто фунтов, и пожал обоим руки.

– Присаживайся, Бешеный, закуси с нами, – пригласил Малыш. – Смок, поджарь-ка ему яичницу. Пари держу, что он уже давно не пробовал яичка.

Смок вылил еще три яйца на горячую сковороду и через несколько минут поставил яичницу перед гостем. Тот смотрел на нее во все глаза; Малыш признавался потом, что ему страшно стало: вдруг Бешеный сунет яичницу в карман и удерет...

– А пожалуй, даже самые богатые тузы в Штатах не едят так, как мы, – ликовал Малыш. – Вот мы сейчас втроем уплетаем яиц на девяносто долларов, и хоть бы что.

Бешеный уставился на быстро исчезающие яйца и словно окаменел.

– Ешь, ешь, – подбадривал его Смок.

– Они... не стоят они по десять долларов! – медленно произнес Бешеный.

Малыш принял вызов:

– Всякая вещь стоит столько, сколько можно за нее получить, так? – спросил он.

– Да, но...

– Какие тут «но»? Я же говорю, сколько мы можем за них взять. По десять долларов за штуку, это как пить дать. Имей в виду, мы со Смоком – яичный трест. Раз мы говорим – десять долларов штука, значит, так оно и будет. – Малыш тщательно вытер свою тарелку лепешкой. – Я, кажется, мог бы съесть еще яичко-другое, – вздохнул он и положил себе бобов.

– Как же это вы едите так яйца, – с упреком сказал Бешеный, – это... это просто нехорошо!

– Уж такая у нас со Смоком слабость, страшно любим яйца, – извиняющимся тоном объяснил Малыш.

Бешеный без особого удовольствия доел свою яичницу и неуверенно посмотрел на двух друзей.

– Послушайте, ребята, вы можете мне оказать большую услугу, – начал он, нащупывая почву. – Продайте мне, или одолжите, или подарите, что ли, этак с дюжину яиц.

– Сделай милость, – ответил Смок. – Мне и самому иной раз до смерти хочется яичницы. Но не такие уж мы бедняки, чтобы брать деньги за угощение. Ни гроша не возьмем. – Тут его под столом сильно ударили ногой, и он понял, что спокойствие изменяет Малышу. – Так сколько тебе, Бешеный, дюжину?

Бешеный кивнул.

– А ну, Малыш, поджарь ему еще дюжину, – сказал Смок. – Вполне сочувствую. Было время, я и сам мог уплести целую дюжину зараз.

Малыш вскочил, но Бешеный удержал его.

– Нет, не надо жарить, – сказал он. – Мне нужны сырые яйца.

– Ты что, хочешь взять их с собой?

– Вот-вот.

– Какое же это угощение? – запротестовал Малыш. – Это... это уже купля-продажа.

– Это совсем другое дело, Бешеный, – поддержал Малыша Смок. – Я думал, ты просто хочешь их съесть. Понимаешь, мы затеяли одну коммерческую операцию.

Грозные огоньки в голубых глазах Бешеного разгорелись ярче обычного.

– Я заплачу вам, – бросил он. – Сколько?

– Но не за дюжину, – ответил Смок. – Дюжину мы продать не можем. Мы не торгуем в розницу, у нас крупная операция. Не будем же мы сами себе портить рынок. Мы скупили все яйца до единого – и продадим их только все сразу.

– Сколько у вас яиц и сколько вы за них хотите?

– Сколько у нас, Малыш?

– Сейчас скажу. – Малыш откашлялся и стал считать вслух: – Девятьсот семьдесят три отнять девять, остается девятьсот шестьдесят два. По десять за штуку – это получается за все вместе девять тысяч шестьсот двадцать кругленьких долларов. Ну и, конечно, мы ведем дело по-честному: за тухлые яйца деньги обратно, только тухлых тут нет. Вот уж чего я никогда на Клондайке не видал, так

это тухлых яиц. Самый последний дурак не повезет сюда тухлые яйца.

– Правильно, – поддержал Смок. – За тухлые яйца деньги обратно. Стало быть, вот что мы предлагаем, Бешеный: плати девять тысяч шестьсот двадцать долларов, и все яйца на Клондайке до единого – твои.

– А потом ты продай их по двадцать за штуку – и выручишь вдвое, – посоветовал Малыш.

Бешеный уныло покачал головой и положил себе в тарелку бобов.

– Это мне не по карману, Малыш. Мне ведь нужно всего несколько штук. Я бы взял дюжину-другую по десять долларов штука. Даже по двадцать взял бы, но только не всю партию.

– Все или ничего, – отрезал Смок.

– Послушайте, – в порыве откровенности сказал Бешеный, – я расскажу вам все начистоту, только пусть это остается между нами. Вы ведь знаете, мы с мисс Эрол были помолвлены. Ну, и теперь она со мной порвала. Это вы тоже знаете. Это все знают. Яйца мне нужны для нее.

– Ха! – зло усмехнулся Малыш. – Так вот зачем они тебе понадобились? Не ожидал я от тебя!

– Чего не ожидал?

– Это просто низость, скажу я тебе! – воскликнул Малыш, охваченный благородным негодованием. – Я не удивлюсь, если кто-нибудь всадит в тебя пулю, ты этого заслуживаешь.

Бешеный вспыхнул, готовый разразиться одним из своих знаменитых припадков ярости. Он сжал вилку с такой силой, что она согнулась, голубые глаза его метали молнии.

– Слушай, это ты про что? Если ты думаешь, что у меня что-то плохое на уме и я это скрываю...

– Я знаю, что думаю, – упрямо возразил Малыш. – Уж, конечно, тут ничего не скроешь. Кидают только в открытую.

– Что кидают?

– Яйца, сливы, мячи, да мало ли что. Только ты просчитаешься, Бешеный. Публика этого не потерпит. Хоть она и артистка, а ты не имеешь права закидать ее на сцене яйцами.

Казалось, Бешеного вот-вот хватит удар. Он судорожно глотнул горячего, как кипятка, кофе и понемногу пришел в себя.

– Ошибаешься, Малыш, – неторопливо и холодно сказал он. – Я не собираюсь закидать ее яйцами. Ты пойми! – с жаром выкрикнул он. – Я хочу поднести ей яйца на тарелочке, сваренными всмятку, она их очень любит.

– Так я и знал, что этого не может быть! – обрадовался Малыш. – Уж кто-кто, а ты не способен на такую подлость!

– Вот и хорошо, – сказал Бешеный, решив не обижаться, – Но перейдем к делу. Теперь вы знаете, зачем мне нужны яйца. Они мне нужны до зарезу.

– До того, что возьмешь их за девять тысяч шестьсот двадцать долларов? – спросил Малыш.

– Да ведь это просто грабеж! – возмутился Бешеный.

– Это сделка, – отрезал Смок. – Ты что думаешь, мы их накупили, чтобы поправить свое здоровье?

– Да поймите вы! – взмолился Бешеный. – Мне нужно только две-три дюжины, не больше. Я вам заплачу по двадцать долларов за штуку. А остальные мне куда девать? Сколько лет я жил здесь и не ел яиц, уж как-нибудь и дальше без них проживу.

– Да ты не горячись, – посоветовал Малыш. – Не нужны они тебе – и не надо. Мы тебе их не навязываем.

– В том-то и дело, что они мне нужны, – жалобно сказал Бешеный.

– Что ж, ты знаешь, во сколько они тебе обойдутся – в девять тысяч шестьсот двадцать долларов, а если я сосчитал неправильно, можно пересчитать.

– А вдруг от них не будет толку? – возразил Бешеный. – Вдруг мисс Эрол уже разлюбила яйца?

– По-моему, мисс Эрол стоит десяти тысяч, – спокойно вставил Смок.

– Стоит! – Бешеный вскочил и дал волю своему красноречию. – Да она стоит миллиона! Она стоит всего, что у меня есть! Она стоит всего золота, сколько его есть на Клондайке! – Он снова сел и продолжал спокойнее: – Но это не значит, что я должен просадить десять тысяч долларов на ее завтраки. Вот что я предлагаю. Одолжите мне дюжины две яиц. Я отдам их Славовичу, и он преподне-

сет их ей от моего имени. Она мне уже сто лет не улыбалась. Если эти яйца подарят мне ее улыбку, я заберу у вас всю партию.

– Согласен ты на этих условиях подписать контракт? – спросил Смок, спеша поймать его на слове: он-то знал, что Люсиль Эрол улыбнется!

Бешеный даже рот раскрыл.

– Быстро же у вас дела делаются, – сказал он не без злости.

– Мы только соглашаемся на твое предложение, – ответил Смок.

– Ладно! Давай чернила и бумагу, пиши контракт, – вконец разозлился Бешеный, прижатый к стене.

Смок немедленно составил документ, из которого следовало, что Бешеный обязуется заплатить по десять долларов за каждое предложенное ему яйцо при условии, что две дюжины, выданные ему авансом, послужат его примирению с Люсиль Эрол.

Бешеный уже готов был подписать бумагу и вдруг застыл с пером в руке.

– Только вот что, – сказал он. – Если уж я покупаю яйца, они должны быть свежие.

– На Клондайке несвежих не бывает, – фыркнул Малыш.

– А все-таки, если попадется хоть одно плохое яйцо, вы возвращаете мне за него десять долларов.

– Ну, конечно, – согласился Смок. – Это справедливо.

– Берусь съесть каждое тухлое яйцо, которое ты найдешь, – объявил Малыш.

Смок вставил в контракт слово «свежие», Бешеный мрачно подписался, взял ведро с пробными двумя дюжинами, надел рукавицы и шагнул к двери.

– До свиданья, грабители! – буркнул он и хлопнул дверью.

5

На другое утро Смок был свидетелем сцены, которая разыгралась у Славовича. Бешеный пригласил его за свой столик рядом со столиком Люсиль Эрол. Все произошло в точности так, как она предсказывала.

– Вы все еще не достали яиц? – жалобно спросила она официанта.

– Нет, мэм, – был ответ. – Говорят, кто-то скупил все яйца в Доусоне. Мистер Славович пытался приобрести несколько штук специально для вас. Но тот, кто все скупил, не хочет выпускать партию из рук.

Вот тут-то Бешеный и подозвал хозяина и за плечо притянул его к себе.

– Слушай, Славович, – хрипло зашептал он ему на ухо. – Вчера вечером я тебе принес две дюжины яиц. Где они?

– В кладовой, я только пяток разморозил и держу для вас наготове.

– Это не для меня, – еще тише прошептал Бешеный. – Свари их всмятку и преподнеси мисс Эрол.

– Я сам сейчас все сделаю, – заверил Славович.

– Да передай от меня поклон, не забудь, – прибавил Бешеный, отпуская наконец плечо Славовича, которое он до сих пор держал железной хваткой.

Люсиль Эрол сидела, уставясь в тарелку, и на ее хорошеньком личике было ясно написано, что грудинка с консервированным картофельным пюре приводит ее в совершенное уныние. И тут Славович поднес ей на тарелке два сваренных всмятку яйца.

– Мистер Бешеный просит оказать ему честь, – сказал он так, что его услышали и за соседним столиком.

«Вот это актриса!» – подумал Смок, глядя на Люсиль. Лицо ее радостно вспыхнуло, она невольно обернулась – вот-вот улыбнется! – и только усилием воли сдержалась и что-то сказала Славовичу. Бешеный под столом наступил Смоку на ногу.

– Будет ли она есть? Вот что главное! Будет она есть? – тревожно шептал он.

Они искоса поглядывали на соседний столик и видели, что Люсиль колеблется: она едва не отодвинула тарелку, но соблазн был слишком велик.

– Беру все яйца! – сказал Бешеный. – Контракт остается в силе. Ты видел? Нет, ты видел? Она чуть не улыбнулась. Я ее знаю. Теперь все в порядке. Еще пара яиц завтра – и она простит меня, и конец ссоре. Я так благодарен тебе, Смок, я бы пожал тебе руку, да боюсь, она увидит. Ты не грабитель, нет, ты мой благодетель!

6

Смок вернулся домой в самом праздничном настроении и застал Малыша мрачнее тучи за пасьянсом. Смоку было известно: раз Малыш сел за пасьянс – значит все плохо на этом свете.

– Молчи и не приставай ко мне, – буркнул Малыш вместо приветствия.

Но немного погодя его прорвало, и он излил перед Смоком душу.

– Все пошло прахом, – в отчаянии объявил он. – Мы вылетели в трубу. Завтра во всех кабачках будут продавать коктейль с яйцом по доллару стакан. Всякий бездомный нищий мальчишка в Дусоне сможет есть яйца до отвала. Как по-твоему, с кем я встретился? Один человек привез на продажу три тысячи яиц – понятно тебе? Три тысячи, он только что доставил их сюда с Сороковой мили.

– Враки, – недоверчиво сказал Смок.

– Да, враки, черта с два! Я сам их видел. Его зовут Готеро – такой огромный парень с голубыми глазами. Француз из здешних. Он сначала спрашивал тебя, а потом отозвал меня в сторону и убил насмерть. Он прослышал, что мы покупаем яйца, понимаешь? Он знал, что на Сороковой Миле есть три тысячи штук, и прямо поехал и купил их. «Покажи их мне», – говорю. И он показал. Там, на берегу, были его упряжки, собаки отдыхали и два индейца-погонщика тоже, они только-только добрались с Сороковой Мили. И на нартах ящики из-под мыла, такие, знаешь, деревянные ящики. Мы вытащили один и прямо тут же, на льду, между торосами, вскрыли. А там – яйца! Полно яиц, и все опилками пересыпаны. Продулись мы с тобой, Смок! Наша карта бита. Знаешь, что этот нахал мне заявил? Что он их все нам отдаст по десять долларов за штуку. А знаешь, что он делал, когда я уходил? Писал объявление, что продает яйца. Он предлагает нам первым купить всю партию по десять долларов и будет ждать до двух часов дня. А если мы не купим, выбросит их на рынок и испортит нам всю музыку. Я, говорит, этими делами никогда не занимался, но уж когда счастье само плывет в руки, я его не упущу, – это он про нас с тобой.

– Ну, ничего, – беспечно сказал Смок. – Только не теряй голову и дай мне подумать. Надо действовать быстро и слаженно, в этом весь секрет. Я сговорюсь с Бешеным, чтобы он в два часа пришел за своей покупкой. А ты купи яйца у этого Готеро. Поторгуйся с ним как следует. Даже если они тебе обойдутся по десять долларов штука, все равно мы сбудем их Бешеному по той же цене. А купишь дешевле – прекрасно, Мы еще заработаем на этом. Ну, шагай. Смотри, чтобы они были здесь в два часа, не позже. Попроси собак у полковника Бови и нашу упряжку тоже возьми. И будь здесь ровно в два.

И Смок стал спускаться с холма.

– Послушай, – крикнул вдогонку Малыш, – ты бы прихватил зонтик! А то, глядишь, с неба яйца посыплются.

Смок нашел Бешеного в кабачке «М. и М.»; последовало бурное объяснение.

– Имей в виду, мы тут купили еще яиц, – сказал Смок, когда Бешеный согласился прийти к ним в два часа и тут же расплатиться.

– Везет вам на яйца, не то что мне, – сказал Бешеный. – А сколько штук еще вы купили и сколько песку мне приносить?

Смок заглянул в записную книжку.

– Малыш подсчитал, что у нас сейчас три тысячи девятьсот шестьдесят два яйца. Если помножить на десять...

– Сорок тысяч долларов! – завопил Бешеный. – Вы ж говорили, что у вас их девятьсот штук с чем-то! Это – вымогательство! Я на это не пойду.

Смок вытащил из кармана контракт и показал пункт об оплате всей партии яиц.

– Тут не указано, сколько именно яиц мы тебе поставляем. Ты обязался уплатить наличными по десять долларов за каждое полученное от нас яйцо. Теперь их у нас прибавилось, но контракт есть

контракт, ты сам его подписал. Говоря по чести, мы узнали про эту новую партию уже после того, как ты его подписал. Тогда уж нам пришлось купить их, а то вся наша операция лопнула бы.

Пять долгих минут Бешеный боролся с собой, не в силах вымолвить ни слова, и наконец все-таки сдался.

– Плохо мое дело, – уныло сказал он. – Куда ни повернись, всюду яйца, прямо шагу ступить нельзя. Надо мне поскорей развязаться с этой историей. А то еще, пожалуй, яичная лавина свалится на голову. В два часа я буду у вас. Но подумать только: сорок тысяч долларов!

– Всего тридцать девять тысяч шестьсот двадцать, – поправил Смок.

– Да ведь это двести фунтов песка! – вне себя крикнул Бешеный. – Мне придется привезти его на собаках!

– Мы дадим тебе свою упряжку, чтобы отвезти яйца, – вызвался Смок.

– А потом куда я их дену? Ну, ничего. Я приду. Но теперь я до самой смерти яйца в рот не возьму. Мне о них и думать тошно.

В половине второго по крутому склону холма поднялись две упряжки – это Малыш привез яйца, купленные у Готеро.

– Мы заработаем почти вдвое, – говорил он, пока они со Смоком перетаскивали ящики в хижину. – Я дал за них по восемь долларов, француз крепко выругался по-своему – и согласился. Стало быть, у нас чистой прибыли по два доллара на штуку, а ведь их три тысячи. Я уплатил ему сполна. Вот расписка.

Пока Смок доставал весы и готовил все к приходу Бешеного, Малыш погрузился в расчеты.

– Вот оно, все подсчитано! – с торжеством объявил он. – Мы получаем двенадцать тысяч девятьсот семьдесят долларов барыша. И Бешеный не в убытке. Он получает мисс Эрол. И яйца тоже достаются ему. Как ни верти, дело для всех выгодное. В накладе никто не останется.

– Готеро и тот выручил двадцать четыре тысячи, – рассмеялся Смок. – Ну тут, конечно, надо вычесть, во что ему обошлись яйца и перевозка. А если Бешеный захочет придержать эти яйца, он еще на них наживется.

Ровно в два часа Малыш, выглянул за дверь, увидел, что к ним поднимается Бешеный. Он вошел оживленный и деловитый. Снял тяжелую медвежью шубу, повесил ее на гвоздь и подсел к столу.

– Ну, подавайте сюда ваш товар, разбойники, – начал он. – Да смотрите, впредь не поминайте при мне о яйцах, не то плохо вам будет.

– И все втроем стали подсчитывать яйца, которые Малыш со Смоком скупил до появления Готеро. Когда отсчитали двести штук. Бешеный вдруг ударил одно яйцо о край стола и большими пальцами ловко раскрыл его.

– Эй! Постой! – запротестовал Малыш.

– Мое это яйцо или нет? – огрызнулся Бешеный. – Я плачу за него десять долларов и не желаю покупать кота в мешке. Уж раз я выкладываю по десять долларов за яйцо, мне надо знать, что они свежие.

– Если оно тебе не нравится, я могу его съесть, – лукаво предложил Малыш.

Бешеный посмотрел, понюхал и покачал головой.

– Незачем, Малыш. Яйцо хорошее. Дай-ка мне кастрюльку. Я его сам съем на ужин.

И еще дважды Бешеный на пробу разбивал яйца и, убедившись, что они свежие, выливал их в стоящую рядом кастрюлю.

– Тут на две штуки больше, чем ты говорил, Малыш, – сказал он, окончив считать. – Не девятьсот шестьдесят два, а девятьсот шестьдесят четыре.

– Виноват, обсчитался, – с готовностью признал свою ошибку Малыш. – Мы их тебе так подкинем, для ровного счета.

– Еще бы, вы можете себе это позволить, – хмуро согласился Бешеный. – Стало быть, одна партия есть. Девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Получайте. Пиши расписку, Смок.

– Да уж давай досчитаем до конца, – предложил Смок, – и за все сразу заплатишь.

Бешеный покачал головой.

– Я в счете не силен. Лучше сперва покончим с одной партией, чтоб не запутаться.

Он достал из внутренних карманов шубы два мешочка с золотом, длинные, туго набитые, похожие на колбасы. Когда он расплатился за первую партию, в мешочках осталось золотого песка долларов на триста, не больше.

Потом притащили ящик из-под мыла и начали пересчитывать следующие три тысячи яиц. Отсчитав первую сотню, Бешеный опять с силой стукнул яйцо о край стола. Раздался не треск, а такой звук, точно это было не яйцо, а мраморный шарик.

– Насквозь промерзло, – сказал Бешеный и стукнул сильнее.

Он поднял яйцо и они увидели, что на месте удара скорлупа рассыпалась в пыль.

– Ну да, – сказал Малыш, как не промерзнуть, ведь их везли с Сороковой Мили. Их надо топором рубить.

– Тащи топор, – сказал Бешеный.

Смок принес топор, и Бешеный, у которого был меткий глаз и ловкая рука дровосека, разрубил яйцо точно пополам. Внутри оно выглядело весьма сомнительно. От недоброго предчувствия у Смока мороз пробежал по коже. Малыш оказался храбрее. Он взял половинку яйца и понюхал.

– Запах самый обыкновенный, – сказал он.

– Зато вид необыкновенный, – возразил Бешеный. – Да и какой может быть запах, оно же все замороженное. Пойдите-ка.

Он положил обе половинки на сковороду, поставил ее на переднюю конфорку горячей плиты, и все трое застыли в нетерпеливом ожидании, молча, с расширенными ноздрями. Постепенно по комнате начал распространяться самый недвусмысленный запах. Бешеный хранил молчание, и Малыш тоже не раскрывал рта, хотя все уже было ясно.

– Выкинь его! – крикнул Смок, задыхаясь.

– Что толку? – спросил Бешеный. – Все равно придется проверить остальные.

– Только не здесь! – Смок закашлялся и с трудом одолел приступ тошноты. – Разрубай их, сразу будет видно. Выкинь его, Малыш! Выкинь вон! Уф! И не затворяй дверь.

– Так и быть, Малыш, можешь их не есть, – насмеялся Бешеный. – И уж разрешите мне поскорей убраться отсюда. В контракте речь идет только о свежих яйцах. Одолжите мне, пожалуйста, упряжку, я увезу те, что свежие, пока они тоже не протухли от такого соседства.

Смок помог нагрузить нарты. А Малыш подсел к столу и начал раскладывать пасьянс.

– Интересно, долго ли вы придерживали этот товар? – съязвил напоследок Бешеный.

Смок не ответил и, взглянув на поглощенного пасьянсом Малыша, стал швырять ящики за дверь, прямо в снег. Потом спросил мягко:

– Слушай, Малыш, во сколько тебе, говоришь обошлись эти три тысячи?

– По восемь долларов штука. Молчи и не приставай ко мне. Я не хуже тебя умею считать. Мы потеряли на этой затее семнадцать тысяч долларов, да будет тебе это известно. Я подсчитал, еще когда мы сидели и собирались нюхать то первое яйцо.

Смок раздумывал несколько минут, потом опять прервал молчание:

– Слушай, Малыш. Сорок тысяч долларов – это ведь двести фунтов золотого песка. Бешеный взял нашу упряжку, чтобы отвезти яйца. Сюда он пришел без нарт. Два мешка с песком он принес прямо в карманах, они весили фунтов по двадцать, не больше. Уговор был платить сразу наличными. Он захватил с собой столько, сколько нужно было, чтобы расплатиться за хорошие яйца. Он не собирался платить за те три тысячи. Значит, он знал, что они тухлые. А откуда он знал? Как это понимать, скажи, пожалуйста?

Малыш сгреб карты, хотел было стасовать их наново, потом остановился.

– И понимать нечего. Младенец тебе растолкует. У нас семнадцать тысяч убытку. У Бешеного семнадцать тысяч барыша. Тем яйцам, которые привез Готеро, хозяин вовсе не Готеро, а сам Бешеный. Еще что тебя интересует?

– Вот что. Почему ты не сообразил, что надо яйца сперва проверить, а потом уже платить за них?

– Да очень просто. Этот мошенник Бешеный все рассчитал с точностью до секунды. Мне некогда было смотреть, свежие яйца или не свежие. Надо было скакать во весь дух, а то я не успел бы сюда к расчету. А теперь будь так добр, разреши задать тебе один деликатный вопрос. Как, бишь,

зовут ту особу, которая надоумила тебя заняться этой выгодной операцией?

.. Малыш в шестнадцатый раз безуспешно раскладывал свой пасьянс, а Смок уже принялся готовить ужин, когда к ним постучался полковник Бови, вручил Смоку письмо и прошел дальше, к себе домой.

– Видал ты его? – с яростью крикнул Малыш. – Я думал, он вот-вот расхохочется. Поднимут нас с тобой на смех. Теперь нам в Доусоне не житье.

Письмо было от Бешеного, и Смок прочел его вслух:

«Дорогие Смок и Малыш! Нижайше вам кланяюсь и приглашаю вас сегодня на ужин к Славовичу. С нами ужинает мисс Эрол, а также Готеро. Пять лет назад, в Серкле, мы с ним были компаньонами. Он славный малый и будет моим шафером. Теперь насчет яиц. Они попали на Клондайк четыре года тому назад и уже тогда были тухлые. Они были тухлые еще тогда, когда их отправляли из Калифорнии. Они спокон веку тухлые. Один год они зимовали в Карлуке, другой – в Нутлике, последнюю зиму пролежали на Сороковой Миле, их там продали, потому что не была внесена плата за хранение. А на эту зиму, надо полагать, они застрянут в Доусоне. Не держите их в теплой комнате. Люсиль просит сказать вам, что мы все вместе как-никак расшевелили Доусон. Так что выпивка за вами, я считаю.

С совершенным почтением ваш друг Б.»

– Ну, что скажешь? – спросил Смок. – Мы, конечно, примем приглашение?

– Я тебе одно скажу, – ответил Малыш. – Бешеному и разориться не страшно. Он же артист, черт его дери, замечательный артист. И еще я тебе скажу: плохая моя арифметика. У Бешеного будет не семнадцать тысяч барыша, а куда больше. Мы с тобой поднесли ему в подарок все свежие яйца, сколько их было на Клондайке, – девятьсот шестьдесят четыре штуки, считая те два, что я ему подкинул для ровного счета. И он, негодяй, еще нахально утащил с собой в кастрюльке те три, которые мы разбили на пробу. А напоследок вот что я тебе скажу. Мы с тобой записные старатели и прирожденные разведчики. Но что до финансовых махинаций и разных способов разбогатеть в два счета, тут мы такие простофили, каких еще свет не видал. Так давай уж лучше заниматься настоящим делом, будем лазить по горам и лесам, и если ты когда-нибудь заикнешься мне про яйца – кончено, я тебе больше не компаньон. Понятно?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПОСЕЛОК ТРУ-ЛЯ-ЛЯ

1

Смок и Малыш столкнулись на углу возле салуна «Олений Рог». У Смока лицо было довольное, и шагал он бодро. Напротив, Малыш плелся по улице с самым унылым и нерешительным видом.

– Ты куда? – весело окликнул Смок.

– Сам не знаю, – был грустный ответ. – Ума не приложу. Прямо деваться некуда. Два часа убил на покер – скука смертная, карта никому не шла, остался при своих. Сыграл разок со Скифом Митчелом в криббедж на выпивку, а теперь вообще не знаю, что с собой делать. Вот слоняюсь по улицам и жду – хоть бы подрался кто или собаки погрызлись, что ли.

– Я тебе припас кое-что поинтереснее, – сказал Смок. – Потому и ищу тебя. Идем!

– Прямо сейчас?

– Конечно.

– Куда?

– На тот берег, в гости к старику Дуайту Сэндерсону.

– Первый раз про такого слышу, – угрюмо ответил Малыш. – Вообще первый раз слышу, что на том берегу кто-то живет. Чего ради он там поселился? Он что, не в своем уме?

– Он кое-что продает, – засмеялся Смок.

– Чего там продавать? Собачью упряжку? Рудник? Табак? Резиновые сапоги?

Смок только головой качал в ответ на все вопросы.

- Пойдем – увидишь. Я хочу рискнуть: куплю у него товар, а если хочешь, входи в долю, купим пополам.
- Уж не яйца ли? – воскликнул Малыш, скорчив испуганную гримасу.
- Идем, – сказал ему Смок. – Пока будем переходить реку, можешь отгадывать до десяти раз.
- Улица вывела их на высокий берег Юкона, и они спустились на лед. В трех четвертях мили перед ними почти отвесно вставал противоположный берег
- крутые утесы в сотни футов вышиной. К ним вела, кружа и извиваясь среди разбитых, вздыбленных ледяных глыб, едва заметная тропинка. Малыш плелся за Смоком по пятам, развлекаясь догадками: что же такое может продавать Дуайт Сэндерсон?
- Оленей? Медные копи или кирпичный завод? Это на первый случай. Медвежьи шкуры, вообще меха? Лотерейные билеты? Картофельное поле?
- Почти угадал, – ободряюще сказал Смок. – Но только подымай выше.
- Два картофельных поля? Сыроварню? Торфяники?
- Недурно, Малыш. Ты не так уж далек от истины.
- Каменоломню?
- Почти так же близко, как картофельные поля и торфяники.
- погоди. Дай подумать. Остался последний раз.
- Минут десять они шли молча.
- Знаешь, Смок, не буду я больше голову ломать. Если то, что ты покупаешь, похоже сразу и на картофельное поле, и на торфяник, и на каменоломню, я не берусь отгадать. И не войду с тобой в долю, пока сам эту штуку не увижу и не пощупаю. Что это такое?
- Ладно, скоро сам увидишь. Будь так добр, погляди вон туда, вверх. Видишь, вон там хибарка и из трубы дым идет? Это и есть жилье Дуайта Сэндерсона.
- Ах, вот как? А больше у него ничего нет?
- Больше ничего, – засмеялся Смок. – Не считая ревматизма. Говорят, он страдает ревматизмом.
- Стой! – Малыш схватил товарища за плечо и силой остановил его. – Уж не собираешься ли ты в этом гиблом месте покупать землю под застройку?
- На десятый раз отгадал. Шагай.
- погоди минутку! – взмолился Малыш. – Ты только посмотри, тут же одни утесы да откосы, ни клочка ровного, где же тут строиться?
- Вот уж не знаю!
- Так ты не собираешься тут ничего строить?
- Дуайт Сэндерсон продает только под застройку, – уклончиво ответил Смок. – Идем. Нам надо еще одолеть эту гору.
- Подъем был крутой – казалось, узкая тропинка, петляя, ведет прямо в небо, точно лестница Иакова. Малыш охал и кричал на неожиданных поворотах и крутых откосах.
- Выдумал тоже строить здесь! Да тут нет ровного местечка, чтобы почтовую марку наклеить! И берег не годится, тут пароходы не пристают. Вся погрузка проходит по другой стороне. Вот он, Доусон. Там хватит места еще на сорок тысяч жителей. Слушай, Смок, ты питаешься мясом. Я это знаю. Тебе, конечно, не затем нужна эта земля, чтоб строиться на ней. Так какого черта ты ее покупаешь, скажи на милость?
- Чтоб продать, конечно.
- Но не все же такие сумасшедшие, как вы с Сэндерсоном.
- Может, и не совсем такие, Малыш, но вроде того. Так вот, я возьму эту землю, разобью на участки и продам их здоровым и разумным жителям Доусона.
- Ха! Весь Доусон до сих пор не забыл про те яйца. Ты что, хочешь еще больше насмешить народ?
- Непременно.
- Ну, знаешь, Смок, это больно дорогое удовольствие. Я помогал тебе смешить людей, когда мы скупали яйца, и мне лично обошелся этот смех почти что в девять тысяч долларов.
- Ладно. На этот раз незачем тебе входить в долю. Барыши будут мои, но все равно ты должен

мне помочь.

– Это пожалуйста. И пускай надо мной еще посмеются. Но я не выброшу на это дело ни унции. Сколько Сэндерсон просит за землю? Долларов двести, триста?

– Десять тысяч. Но желательно получить ее за пять.

– Эх, почему я не священник! – сокрушенно вздохнул Малыш.

– Что это вдруг?

– Я бы произнес самую красноречивую проповедь на текст, который тебе, может быть, знаком, а именно – о дураке и его деньгах.

– Войдите! – раздраженно откликнулся на их стук Дуайт Сэндерсон.

Когда они вошли, он сидел на корточках перед каменным очагом и толлок кофейные зерна, обернутые в кусок мешковины.

– Чего вам? – грубо спросил он, высыпая истолченный кофе в кофейник, стоявший на угольях.

– Хотим потолковать о деле, – ответил Смок. – Говорят, вы продаете эту землю под застройку. За сколько вы ее отдадите?

– За десять тысяч, – был ответ. – Слыхали? А теперь смейтесь, если угодно, и убирайтесь вон. Вот она, дверь. До свидания.

– Не затем я пришел, чтобы смеяться. Я мог бы найти себе другую забаву, а не лезть сюда, на вашу гору. Я хочу купить у вас землю.

– Ах, вот как? Что ж, умные речи приятно и слушать. – Сэндерсон подошел и сел напротив посетителей, положив руки на стол и опасливо косясь на кофейник. – Я вам сказал мою цену и не стыжусь повторить: десять тысяч. Можете смеяться, можете купить – как угодно.

И чтоб показать, насколько ему это безразлично, он узловатыми пальцами забарабанил по столу и уставился на кофейник. Потом начал напевать себе под нос: «Тра-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля, тра-ля-ля...»

– Послушайте, мистер Сэндерсон, – сказал Смок. – Эта земля не стоит десяти тысяч. Если б она стоила десять тысяч, ее можно было оценить и во сто тысяч. А если она не стоит ста тысяч – а вы сами знаете, что не стоит,

– так не стоит и десяти центов.

Сэндерсон постукивал по столу костяшками пальцев и бубнил себе под нос «тру-ля-ля, тра-ля-ля», пока кофе не убежал. Тогда он долил в кофейник немного холодной воды, отставил его на край очага и опять уселся на свое место.

– А сколько вы дадите? – спросил он.

– Пять тысяч, – ответил Смок.

Малыш застонал.

Снова молчание; старик барабанит по столу и напевает свое «тру-ля-ля».

– Вы не дурак, – сказал он затем Смоку. – Вы говорите, если эта земля не стоит ста тысяч долларов, она не стоит и десяти центов. А сами предлагаете мне пять тысяч. Значит, она стоит и все сто тысяч.

– Но вы не получите за нее и двадцати центов, – горячо возразил Смок,

– хоть просидите тут до самой смерти.

– От вас получу.

– Нет, не получите.

– Значит, буду сидеть тут, пока не помру, – отрезал Сэндерсон.

Не обращая больше внимания на посетителей, он занялся своей стряпней, точно был один. Разогрел котелок с бобами, лепешку и принялся за еду.

– Нет, спасибо, – пробормотал Малыш. – Мы ни капельки не голодны. Мы только что пообедали.

– Покажите ваши бумаги, – сказал наконец Смок.

Сэндерсон пошарил в изголовье своей койки и вытащил сверток документов.

– Все в полном порядке, – сказал он. – Вот эта длинная, с большими печатями, прислана напрямую из Оттавы. Это вам не бумажонка от местных властей. Само канадское правительство дало мне право собственности на эту землю.

– Это было два года назад? А сколько участков вы уже продали? – осведомился Смок.

– Не ваше дело, буркнул Сэндерсон. – Я могу и один жить на своей земле, если пожелаю. Законом это не возбраняется.

– Даю вам пять тысяч, – сказал Смок.

Сэндерсон покачал головой.

– Не знаю, кто из вас больше спятил, – горестно промолвил Малыш. – Выйдем на минуту, Смок. Я хочу тебе сказать два словечка.

Смок нехотя повиновался – уж очень настаивал его компаньон.

– Ты только сообрази, – сказал Малыш, когда они вышли за дверь, – ведь вокруг этого дурацкого участка всюду такие же скалы, и они ничьи. Застолби их и стройся сколько душе угодно.

– Они не годятся, – ответил Смок.

– Да почему не годятся?

– Тебя удивляет, почему я покупаю именно это место, когда кругом земли сколько хочешь?

– Еще бы не удивляло, – подтвердил Малыш.

– То-то и оно! – с торжеством сказал Смок. – Раз ты удивляешься – значит, и другие удивятся.

И от удивления все сбегутся сюда. Раз ты удивляешься, значит, я правильно рассчитал. Вот что я тебе скажу, Малыш: Я поднесу Доусону такой подарок, что они забудут, как смеяться над нами из-за тех яиц. Вернемся в дом.

– Здорово, – сказал Сэндерсон, снова увидев их в дверях. – А я думал, вас и след простыл.

– Ну, за сколько вы уступите землю? – спросил Смок.

– За двадцать тысяч.

– Даю вам десять.

– Ладно, продам за десять. Я только этого и хотел. А вы когда выложите денежки?

– Завтра в Северо-западном банке. Но за эти деньги мне нужны от вас еще две вещи. Во-первых, когда вы получите свои десять тысяч, вы уедете на Сороковую Миллю и пробудете там до конца зимы.

– Это можно. Еще что?

– Я вам заплачу двадцать пять тысяч, а вы мне пятнадцать вернете.

– Согласен. – Сэндерсон повернулся к Малышу. – Когда я поселился здесь, все говорили, что я дурак, – сказал он насмешливо. – Что ж, значит, такому дураку цена десять тысяч долларов, так, что ли?

– На Клондайке полно дураков, – только и нашелся ответить Малыш, – глядишь, которому-нибудь и повезет.

2

На другой день была законно скреплена продажа земли, принадлежавшей Дуайту Сэндерсону («землевладение, которое впредь должно именоваться поселком Тру-ля-ля», – как было обозначено в купчей по требованию Смока). И кассир Северо-западного банка отвесил Сэндерсону на двадцать пять тысяч принадлежавшего Смоку золотого песка, причем несколько случайных посетителей заметили и эту процедуру, и размер суммы, и получателя.

Золотоискатели – народ подозрительный. Чуть кто сделал что-либо не совсем обычное – даже просто-напросто отправился поохотиться на лося или вышел ночью полюбоваться северным сиянием, – как все уже готовы заподозрить, что он нашел золотые россыпи или наткнулся на богатую жилу. И, конечно, едва стало известно, что такой видный житель Доусона, как Смок Беллью, выплатил старику Дуайту Сэндерсону двадцать пять тысяч долларов, весь город желал узнать, за что уплачены эти деньги. Дуайт Сэндерсон помирал с голоду на своей заброшенной земле – что же у него, спрашивается, могло быть такого, что стоило бы двадцать пять тысяч долларов? Ответа не было – и, естественно, жители Доусона с лихорадочным любопытством следили за каждым шагом Смока.

К середине дня распространился слух, что несколько десятков доусонцев уложили свои походные мешки и инструменты и припрятали в кабачках по Главной улице, чтобы можно было в любую минуту двинуться в путь. Куда бы ни направлялся Смок, множество глаз следило за ним. Его

считали человеком серьезным, и ни один из многочисленных знакомых не осмелился спросить его про сделку с Дуайтом Сэндерсоном. С другой стороны, никто ни словом не упоминал при нем о яйцах. Столь же дружелюбное внимание повсюду встречал и Малыш.

– Прямо как будто я убил кого или оспа у меня, так они за мной следят, а заговорить боятся, – жаловался Малыш, повстречав Смока у входа в «Олений Рог». – Вон, видишь, по той стороне улицы идет Билл Солтмен? Ему до смерти хочется поглядеть на нас, а он уставился куда-то в конец улицы. Можно подумать, что он нас и знать не знает. А я спорю на хорошую выпивку: вот завернем сейчас за угол, будто спешим куда-то, а потом повернем назад

– и уж непременно налетим на него, потому как он сразу поскачет за нами.

Они испробовали этот трюк – и в самом деле, когда повернули назад, за углом натолкнулись на Солтмена, который шагал им вдогонку широким походным шагом.

– Здорово, Билл! – приветствовал его Смок. – Далеко собрался?

– Здорово! Просто так, вышел прогуляться, – ответил Солтмен. – Просто вышел прогуляться. Чудная погода, правда?

– Ха! – усмехнулся Малыш. – Это ты так прогуливаешься? А я-то думал: вот несется во весь опор!

В тот вечер, кормя собак, Малыш безошибочно чувствовал, что из темноты в него впиваются десятки пар глаз. И, привязывая собак к столбу, вместо того чтобы оставить их на ночь на свободе, он знал, что дает Доусону новый повод для волнений.

Обдумав заранее план действий, Смок поужинал в ресторане и принялся развлекаться. Он нарочно кружил по всему Доусону – и всюду оказывался в центре внимания. Кабачки, куда он заходил, тотчас наполнялись народом и сразу пустели, как только он выходил за дверь. Если он подсаживался к дремавшей, всеми заброшенной рулетке и покупал партию фишек, вокруг сразу собирался десяток игроков. Он не удержался от маленькой мести – встал и вышел именно в ту минуту, когда Люсиль Эрл запела самую популярную песенку. Добрых две трети слушателей покинули зал вслед за Смоком.

В час ночи он прошел по Главной улице, на которой царил необычайное оживление, свернул на перекрестке и стал подниматься на холм, к своей хижине. На полдороге он остановился и ясно услышал, как позади поскрипывает снег под чьими-то мокасинами.

Целый час хижина была погружена в темноту; потом Смок зажег свечу, и, выждав ровно столько времени, сколько надо человеку, чтобы одеться, они с Малышом вышли и начали запрягать собак. Работая при свете, падавшем от отворенной двери, они слышали неподалеку слабый свист. Ответный свист донесся откуда-то снизу.

– Ты только послушай, – усмехнулся Смок. – Это они следят за нами и сообщают обо всем в город. Пари держу, что в эту самую минуту по крайней мере человек сорок вылезают из-под одеял и натягивают штаны.

– Ну и глупый же народ! – фыркнул Малыш. – Ничего не стоит их обжулить. Знаешь, чудачки, которые в наше время зарабатывают деньги своим горбом, это... это просто чудачки! На свете полнымполно дурачья, они только и ждут, чтоб им облегчили карманы. И вот что я тебе скажу: если ты еще не передумал, возьми меня в долю.

Груз на нартах был невелик – меховые одеяла, запас провизии. Небольшой моток стальной проволоки едва заметно выглядывал из-под мешка со съестным, и на самом дне нарт был почти совсем спрятан лом.

Рукою в рукавице Малыш с нежностью погладил проволоку и еще разок ласково дотронулся до лома.

– Ха! – шепнул он. – Я и сам бы призадумался, если б темной ночью заметил в чьих-нибудь нартах такие штуки.

Осторожно, в молчании они спустились со своей упряжкой с холма, потом вышли на Главную улицу и, удвоив осторожность, повернули на север, к лесопилке, позади, в темноте, которую не могло рассеять слабое мерцание звезд, раздался свист. Быстрым шагом они прошли еще с четверть мили, миновали лесопилку, больницу. Потом повернули назад той же дорогой и, пройдя сотню ярдов, едва не наскочили на пятерых пешеходов, спешивших рысцей им навстречу. Все пятеро слегка сгибались

под тяжестью походных мешков. Один из них остановил передовую собаку Смока, остальные подошли вплотную.

– Встретились вам нарты? – был первый вопрос.

– Нет, – ответил Смок. – Это ты, Билл?

– Черт меня подери! – в величайшем изумлении произнес Билл Солтмен. – Да это Смок!

– Чем это вы занимаетесь среди ночи? – спросил Смок. – Гуляете?

Прежде чем Билл Солтмен успел ответить, к ним подбежали еще двое, а там подоспело еще несколько человек, и скрип шагов по снегу возвещал о приближении толпы.

– С кем это ты? – спросил Смок. – Или опять в поход за золотом?

Солтмен не ответил, он раскуривал трубку, которая вряд ли могла доставить ему удовольствие, судя по тому, что он все еще задыхался от бега. Ясно было, для чего ему понадобилось зажечь спичку, – он хотел разглядеть нарты, и Смок видел, что все взоры устремились на моток проволоки и на лом. Спичка погасла.

– Да просто так, разные слухи ходят, просто слухи, – многозначительно и таинственно пробормотал Солтмен.

– Может, вы посвятите нас с Малышом?

Кто-то сзади насмешливо фыркнул.

– А вы сами куда направляетесь? – спросил Солтмен.

– А вы кто? Добровольная полиция?

– Да просто так, интересуюсь, – сказал Солтмен, просто так.

– Еще как интересуюсь, откликнулся другой голос из темноты.

– Любопытно знать, – повернул Малыш, – кто тут чувствует себя самым большим дураком?

Все расхохотались, всем стало неловко.

– Пошли, Малыш, нам пора, сказал Смок и погнал собак.

Толпа двинулась следом.

– Эй, а вы не ошиблись? – съязвил Малыш. – Вы ведь шли в ту сторону, а теперь ни с того ни с сего повернули обратно. Может, вы потеряли направление?

– Пошел к черту, – любезно ответил Солтмен. – Куда хотим, туда и направляемся.

И нарты двинулись по Главной улице. Смок шел впереди, Малыш правил шестом, а за ними – свита человек шестьдесят, все с походным снаряжением за плечами. Было три часа ночи, и только отпетые гуляки видели эту процессию и могли назавтра поведать о ней Доусону.

Полчаса спустя Смок с Малышом взобрались на свой холм и распрягли собак у порога хижины под угрюмыми взглядами шестидесяти провожатых.

– Спокойной ночи! – крикнул им Смок, затворяя дверь.

Через пять минут он задул свечу, а через какие-нибудь полчаса они с Малышом снова бесшумно выбрались из хижины и, не зажигая огня, начали запрягать собак.

– Эй, Смок! – окликнул Солтмен, подходя ближе так, что они смутно различили в темноте его силуэт.

– Я вижу, от тебя не отделаешься, Билл, – весело отозвался Смок. – А где твои дружки?

– Пошли выпить по стаканчику. Оставили меня смотреть за вами в оба, вот я и смотрю. А все-таки, Смок, признавайся, что у тебя на уме? Вы не отделаетесь от нас, так уж давай начистоту. Все мы – твои друзья, ты это знаешь.

– Бывают случаи, когда с друзьями можно говорить начистоту, а бывает так, что и нельзя, – уклончиво ответил Смок. – На этот раз никак нельзя, Билл. Иди-ка лучше спать. Спокойной ночи.

– Никакой спокойной ночи не будет. Ты нас еще не знаешь. Мы вопьемся не хуже клеща.

– Что ж, – вздохнул Смок, – если вы настаиваете, дело ваше. Идем, Малыш. Нечего зря тратить время.

Нарты тронулись; Солтмен пронзительно свистнул и зашагал следом. У подножия холма ответили свистом, дальше послышался еще свист и еще... Малыш правил шестом, Смок и Солтмен шли рядом за нартами.

– Слушай, Билл, – сказал Смок. – Я хочу тебе кое-что предложить. Хочешь присоединиться к нам?

Солтмен не колебался ни минуты.

– И бросить товарищей? Ну нет. Мы все к вам присоединимся.

– Тогда ты первый! – воскликнул Смок, внезапно обхватил Солтмена обеими руками и, столкнув его с тропы, опрокинул в глубокий снег.

Малыш крикнул на собак и бешено погнал упряжку вниз по тропе, которая, извиваясь среди редких хижин, разбросанных по холмам и косогорам, бежала к югу, к окраине Доусона. Смок и Солтмен, вцепившись друг в друга, катались по снегу. Смок был полон сил и задора и надеялся взять верх, но Солтмен оказался на пятьдесят фунтов тяжелее – это были пятьдесят фунтов превосходных, натренированных мускулов – и снова и снова одолевал его. Не раз он укладывал Смока на обе лопатки, и Смок, очень довольный, лежал и отдыхал. Но всякий раз, когда Солтмен хотел высвободиться и встать, Смок вцеплялся в него, и начиналась новая схватка.

– Ничего, силенка у тебя есть, – задыхаясь, признал Солтмен минут через десять, опять повалив Смока в снег и усевшись на него верхом. – И все-таки я тебя каждый раз укладываю.

– А я каждый раз тебя задерживаю, – тоже задыхаясь, ответил Смок. – Мне только того и надо. Малыш за это время знаешь куда укатил?

Солтмен отчаянно рванулся, но ему все же не удалось освободиться. Смок ухватил его за ногу, дернул – и тот растянулся на снегу во всю длину. От подножия холма донесся тревожный, вопросительный свист. Солтмен сел и пронзительно свистнул в ответ, но Смок тут же вцепился в него, повалив на спину, уселся верхом на грудь, коленями уперся в его могучие бицепсы, руками – в плечи и вдавил в снег. Так и нашли их золотоискатели. Смок расхохотался и встал.

– Спокойной ночи, друзья, – сказал он и стал спускаться под гору, а шестьдесят взбешенных золотоискателей угрюмо и решительно двинулись за ним по пятам.

Смок повернул к северу, миновал лесопилку и больницу и пошел тропой, ведущей по реке вдоль крутых скал, над которыми вздымалась Лосиная Гора. Он обошел индейскую деревню и направился к Лосиному ручью, опять повернул и оказался лицом к лицу со своими преследователями.

– Вы меня совсем загоняли, – сказал он, делая вид, что зол, как черт.

– Тебя, кажется, никто не заставляет, вежливо пробормотал Солтмен.

– О нет, ни капельки, – огрызнулся Смок, еще успешнее прикидываясь обозленным, и, пройдя через толпу своих провожатых, зашагал назад к Доусону. Дважды он пытался свернуть с тропы и напрямик, через торосы, перейти на другой берег, но спутники не отставали, и он каждый раз сдавался и сворачивал к доусонскому берегу. Он побрел по Главной улице, пересек по льду реку Клондайк, дошел до Клондайк-сити и снова вернулся в Доусон. В восемь часов, когда стало светать, он привел всю усталую ораву к ресторану Славовича, где в часы завтрака столики приходилось брать с бою.

– Спокойной ночи, друзья, – сказал он, расплачиваясь по счету.

Но не тут-то было, пришлось еще раз пожелать им спокойной ночи у подножия холма. При дневном свете они не стали преследовать его и только смотрели, как он поднимался к своей хижине.

3

Два дня Смок околачивался в городе, и все время за ним неотступно следили. Малыш исчез вместе с нартами и собаками. Ни один человек из тех, кто разъезжал вверх или вниз по Юкону, кто приехал с Бонанзы, Эльдорадо или Клондайка, не встречал его. Оставался только Смок – уж, конечно, рано или поздно постарается установить связь со своим исчезнувшим компаньоном; и все взоры были обращены на Смока. Весь вечер второго дня он просидел дома, погасил лампу в девять часов, а на два часа завел будильник. Добровольный страж за дверью услышал звон будильника, и когда полчаса спустя Смок вышел из хижины, его ждала толпа уже не в шестьдесят человек, а по меньшей мере в триста. Их озаряло яркое северное сияние, и в сопровождении столь пышной свиты Смок спустился в город и вошел в «Олений Рог». В минуту трактир был набит до отказа, злые и нетерпеливые посетители пили, платили и четыре долгих часа смотрели, как Смок играет в криббедж со своим старым другом Брэком. В начале седьмого, скорчив унылую и злобную гримасу, ни на кого не глядя,

никого не узнавая, Смок вышел из «Оленьего Рога» и пошел по Главной улице, а за ним нестройными рядами шагала толпа в триста человек, хором выкликая:

– Левой, правой! Сено, солома! Раз! Два! Три!

– Спокойной ночи, друзья, – сказал он сквозь зубы, останавливаясь на берегу Юкона у обрыва, где тропа круто сбегала вниз. – Я позавтракаю и лягу спать.

Все триста закричали, что проводят его, и по льду двинулись за ним на другой берег, напрямиком к Тру-ля-ля. Около семи часов утра он привел всю ватагу к извилистой тропинке, которая поднималась по крутому откосу к хибарке Дуайта Сэндерсона. Сквозь затянутое промасленной бумагой окошко виднелся огонек свечи, над трубой вился дым. Малыш распахнул дверь.

– Входи, Смок, – сказал он. – Завтрак готов. А это что за народ?

На пороге Смок обернулся.

– Ну, друзья, спокойной ночи. Надеюсь, вы приятно провели время!

– Одну минуту, Смок! – крикнул Билл Солтмен, и в голосе прозвучало жестокое разочарование. – Мне надо с тобой потолковать.

– Валяй, – весело ответил Смок.

– За что ты заплатил старику Сэндерсону двадцать пять тысяч? Можно узнать?

– Ты меня огорчаешь, Солтмен, – был ответ. – Я прихожу в свое, так сказать, загородное имение, мечтаю найти покой, тишину, хороший завтрак, а ты с целой оравой устраиваешь мне перекрестный допрос. Для чего же человеку загородное имение, если он и тут не находит тишины и покоя?

– Ты не ответил на мой вопрос, – с неумолимой логикой возразил Билл Солтмен.

– И не собираюсь отвечать, Билл. Это наши счета с Дуайтом Сэндерсоном, больше они никого не касаются. Есть еще вопросы?

– А почему это у тебя в ту ночь были лом и проволока?

– Да какое тебе, собственно, до этого дело? Хотя, если Малышу угодно, он может тебе ответить.

– Пожалуйста! – воскликнул Малыш, с радостью вступая в разговор. Он уже открыл рот, но поперхнулся и посмотрел на Смока. – Скажу тебе, Смок, по секрету, строго между нами: по-моему, это их вовсе не касается, черт подери. Пойдем-ка. Там уже весь кофе выкипел.

Дверь затворилась, и триста провожатых, огорченные и недовольные, разбились на группы.

– Послушай, Солтмен, – сказал кто-то, – а ведь ты хвалился, что приведешь нас на место.

– С чего вы взяли? – сварливо ответил Солтмен. – Я сказал, что Смок приведет нас на место.

– Так это оно и есть?

– Я знаю столько же, сколько и ты. Но все мы знаем, что Смок где-то что-то пронюхал. За что бы он заплатил Сэндерсону двадцать пять тысяч? Не за эту никудышнюю землю, ясно.

Толпа хором согласилась с этим рассуждением.

– Ну, а теперь что будем делать? – печально спросил кто-то.

– Я, например, пойду завтракать, – бодро сказал Чарли Бешеный. – Выходит, ты одурачил нас, Билл.

– И не думал, – возразил Солтмен. – Это Смок одурачил. Но все равно, Двадцать пять тысяч-то он платил?

4

В половине девятого, когда стало совсем светло, Малыш осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу.

– Вот те на! – воскликнул он. – Они все смылись обратно в Доусон! А я-то думал, они тут станут лагерем!

– Не бойся, ты скоро их увидишь, – успокоил его Смок. – Или я сильно ошибаюсь, или мы и оглянуться не успеем, как сюда сползется половина Доусона. Ну, давай помогай, живо! Надо дело делать.

– Ох, ради всего святого, объясни ты мне, что к чему? – взмолился Малыш час спустя огляды-

вая плоды их общих трудов: установленную в углу хижины лебедку с приводом, обвивающимся вокруг двойного деревянного вала.

Смок без малейшего усилия повернул рукоятку, и канат со скрипом побежал вхолостую вокруг вала.

– Ну-ка, Малыш, выйди за дверь и скажи, на что это похоже.

Стоя за дверью, Малыш услышал тот самый скрип и визг, какой издает лебедка, вытягивая груз, и поймал себя на том, что бессознательно прикидывает, какой глубины должна быть шахта, откуда этот груз вытаскивают. Потом все стихло, и он мысленно увидел ведро, подтянутое вплотную к блоку. Затем он услышал, как рукоятка повернулась в обратную сторону, ослабляя канат, и как стукнуло ведро, отставленное на край шахты. Широко улыбаясь, он распахнул дверь.

– Понял! – крикнул он. – Я чуть было и сам не попался на удочку! Дальше что?

Дальше понадобилось натащить в хижину столько камня, что хватило бы нагрузить доверху десяток нарт. И еще много других дел было у них в этот необычайно хлопотливый день.

– А сейчас бери собак и отправляйся в Доусон, – наставлял Малыша после ужина Смок. – Собак оставишь у Брэка, он о них позаботится. За тобой будут следить, так ты попроси Брэка пойти на склад Аляскинской торговой компании и купить весь динамит, – там у них в запасе всего несколько сот фунтов. И пускай Брэк закажет кузнецу штук шесть прочных сверл, таких, чтоб можно было бурить самую твердую породу. Брэк – опытный старатель, он сумеет втолковать кузнецу, что именно требуется. Кстати, дай Брэку все сведения по нашему участку, пускай он завтра сообщит их инспектору приисков. А в десять часов выходи на Главную улицу и прислушайся. Имей в виду, я не хочу, чтоб получилось слишком много шума. Пускай в Доусоне будет слышно, но не более того. Я запалю три штуки разной силы, а ты заметь, когда оно прозвучит всего лучше.

В десять часов вечера, когда Малыш, ощущая на себе множество любопытных взглядов и напряженно прислушиваясь, прогуливался по Главной улице, он услышал слабый, отдаленный взрыв. Через полминуты донесся второй взрыв, погромче, – на него обратили внимание и другие прохожие. А затем раздался третий, от него задребезжали стекла, и люди выскочили на улицу.

– Здорово их тряхнуло! – задыхаясь, объявил Малыш, едва он час спустя переступил порог хибарки в Тру-ля-ля. Он схватил Смока за руку. – Поглядел бы ты на них! Случалось тебе разворошить муравейник? В точности то же самое! Когда я уезжал, Главная улица так и кишела народом, так и гудела. Завтра сюда набьется столько доусонцев, что шагу нельзя будет ступить. Они уже сейчас сюда подкрадываются, так и знай, или я ни черта не смыслю в золотоискателях.

Смок усмехнулся, шагнул к фальшивой лебедке и раза два со скрипом повернул рукоятку. Малыш выдернул в нескольких местах мох, которым были заделаны пазы между бревнами, чтобы в щелку можно было видеть, что творится вокруг хижины. Потом задул свечу.

– А ну, – шепнул он спустя полчаса.

Смок медленно повернул ворот лебедки, выждал несколько минут, подхватил оцинкованное ведро, наполненное землей, и со стуком, скрипом и скрежетом с размаху поставил его на груды камней, которые они натащили в дом. Потом, заслоня огонек спички ладонями, закурил папиросу.

– Трое уже тут, – прошептал Малыш. – Ты бы поглядел! Знаешь, когда загремело ведро, они прямо затряслись. Вот один сейчас пробует заглянуть в окно...

Смок затаился папиросой и при ее красноватом свете посмотрел на часы.

– Надо проделывать это регулярно, – шепнул он, – будем вытаскивать ведро каждые четверть часа. А в промежутках...

Набросив на камень сложенный втрое кусок мешковины, он ударил по нему долотом.

– Прекрасно! Прекрасно! – в восторге простонал Малыш, бесшумно отходя от щелки. – Они сошлись в кружок – видно, совещаются.

С этой минуты и до четырех часов утра, с пятнадцатиминутными перерывами, слышно было, как в хибарке вытаскивают тяжелое ведро скрипучей лебедкой, которая на самом деле крутилась вхолостую. Затем непрошенные гости удалились, и Смок с Малышом легли спать.

Когда рассвело, Малыш осмотрел следы мокасин на снегу.

– И Большой Билл Солтмен тоже тут был, – сказал он. – Погляди, какие огромные следы!

Смок взглянул на реку.

– Готовься встречать гостей, – сказал он. – Вон двое уже топают по льду.

– Ха! Вот погоди, в девять часов Брэк регистрирует наши заявки, тогда к нам две тысячи притопают.

– И все до единого будут кричать, что найдена «главная жила», – засмеялся Смок. – «Наконец-то открыт источник всех богатств Клондайка!»

Малыш вскарабкался на утес и глазом знатока оглядел ряд участков, которые они застолбили.

– Конечно, это похоже на излом жилы, – сказал он. – Кто смыслит в этом деле, тот ее и под снегом проследит. Тут всякий поверит. А вот и обнажение, вот и порода выходит наружу. Можно подумать, что тут и впрямь жила.

Когда двое гостей, перейдя реку, взобрались по извилистой тропе на крутой откос, дверь хибарки оказалась заперта. Билл Солтмен, шедший первым, тихо подошел к двери, прислушался и кивком подозвал Чарли Бешеного. Изнутри донесся скрип и стон лебедки, поднимающей тяжелый груз. Они дождались минуты затишья, потом услышали обратный поворот вала и стук ведра о камень. За следующий час это повторилось еще четыре раза. Наконец Бешеный постучал в дверь. Изнутри послышались неясные звуки, там что-то делали, крадучись и спеша, затихли, снова, крадучись зашпешили, – и наконец минут через пять Смок, тяжело переводя дух, приоткрыл дверь и выглянул в шелку. Лицо и рубашка у него были в пыли, в мелких осколках. И поздоровался он чересчур приветливо.

– Одну минуту, – прибавил он, – сейчас я к вам выйду.

Он натянул рукавицы и выскользнул в полуоткрытую дверь, чтобы принять гостей прямо на снегу. Они тотчас заметили, что плечи у него в пыли, даже не разобрать, какого цвета рубашка, и колени перепачканы – сразу видно, не успел толком почиститься и отряхнуться.

– Вот ранний визит, – сказал он. – Как вы оказались на этом берегу? Собрались на охоту?

– Мы все знаем, – сказал Бешеный. – Так что давай в открытую, Смок. Вы тут кое-что нашли.

– Если вам нужны яйца... – начал Смок.

– Да брось ты! Мы хотим поговорить о деле.

– А, так вы хотите купить участки под застройку? – затараторил Смок.

– Тут есть превосходные участки. Но, понимаете, мы их пока не продаем. Надо еще изучить местность, разбить улицы. Приходи через недельку, Бешеный, и если ты хочешь поселиться тут в тихом и мирном уголке, я тебе покажу чудное местечко. На той неделе все наверняка будет уже готово. До свидания. Извините, что не приглашаю вас войти, но Малыш... сами знаете, он не без странностей. Он говорит, что поселился ради тишины и покоя. Сейчас он спит, и я до смерти боюсь его разбудить.

Говоря без умолку, он крепко пожал им руки на прощанье. Все еще не умолкая и пожимая им руки, он перешагнул порог и тотчас закрыл за собою дверь.

Они переглянулись и многозначительно кивнули друг другу.

– Колени-то, видал? – хрипло зашептал Солтмен.

– А как же! И плечи. Перемазался, когда ползал по шахте. – Говоря это, Бешеный обводил глазами засыпанную снегом глубокую лощину, и вдруг его взгляд задержался на чем-то, что заставило его присвистнуть. – Смотри-ка, Билл! Вот, вот, видишь, яма? Да это же они рыли шурф! И в обе стороны следы на снегу. Если это не жила, которая простирается по обе стороны, так я ничего не понимаю. Самая настоящая жила.

– И какая громадная! – воскликнул Солтмен. – Да, ничего не скажешь, находка!

– И внизу, вдоль откоса – видишь, как порода выходит наружу и опять уходит вглубь? Откос как раз перерезает жилу.

– А ты вон куда погляди. – Солтмен показал на дорогу, пересекавшую скованный льдом Юкон. – Похоже, весь Доусон идет сюда.

И Бешеный увидел, что вся дорога чернеет, залитая сплошным людским потоком вплоть до дальнего доусонского берега, на котором тоже толпится народ.

– Ну, не мешает, пока они не нагрянули, заглянуть в тот шурф, – сказал он и быстро зашагал к лощине.

Но тут дверь хибарки распахнулась, и на пороге появились Смок и Малыш.

– Эй! – окликнул Смок. – Вы куда?

– Хотим выбрать участок, – отозвался Бешеный. – Поглядите на реку. Весь Доусон будет захватывать ваши участки, и мы хотим выбрать первыми. Верно, Билл?

– Еще бы, – подтвердил Солтмен. – По всему видно, шикарный будет поселок, от желающих переехать сюда прямо отбою не будет.

– Вы пошли не в ту сторону, ту часть мы не продаем, – сказал Смок. – Участки под застройку вон там, направо, и повыше на утесах. А эта часть, от реки и до самого верха, не продажная. Так что поворачивайте оглобли.

– Но мы присмотрели себе именно эту землю.

– Говорят вам, не продается, – резко ответил Смок.

– Что ж, ты и пройтись в ту сторону не разрешаешь? – упорствовал Солтмен.

– Не разрешаю. Довольно вы тут погуляли, надоело. Поворачивайте назад.

– А мы все-таки хотим пройтись, – упрямо сказал Солтмен. – Идем, Бешеный.

– Смотрите, это противозаконно, вы вторгаетесь в чужие владения, – предостерег Смок.

– Вовсе нет, мы просто гуляем, – весело возразил Солтмен и, повернувшись, двинулся было дальше.

– Эй! Стой на месте, Билл, не то я тебя сейчас продырявлю! – загремел Малыш, выхватывая два кольта и прицеливаясь. – Еще шаг – и я сделаю одиннадцать дырок в твоей поганой шкуре. Понятно?

Ошарашенный Солтмен остановился.

– Понять-то он понял, – пробормотал Малыш. – Но если он пойдет дальше, тогда что? Не могу же я стрелять. Как тогда быть?

– Послушай, Малыш, рассуди здраво! – взмолился Солтмен.

– Поди сюда, тогда и порассуждаем, – ответил Малыш.

Первая волна доусонцев уже захлестнула крутой откос и надвинулась на них, а они все еще пререкались.

– Человек хочет купить землю, присматривает себе участок, а вы говорите, что он куда-то вторгается, – доказывал Бешеный.

– А если земля уже принадлежит другому владельцу? – возражал Малыш. – Как раз этот самый кусок – частная собственность, вот и все. Говорят тебе, этот участок не продается.

5

– Надо скорее кончать, – шепнул Малышу Смок. – А то их, пожалуй, не удержишь...

– Храбрый ты парень, если надеешься их удержать, – шепнул в ответ Малыш. – Тут их две тысячи, и еще прибавится. Того и гляди ринутся на наши участки.

Запретная черта проходила по ближнему краю лощины, там, где Малыш остановил Солтмена с Бешеным. В толпе был лейтенант северо-западной полиции и человек шесть полицейских. Смок подошел к лейтенанту и заговорил с ним вполголоса.

– Из Доусона народ все прибывает, – сказал он, – скоро наберется тысяч пять, не меньше. Того и гляди кинутся захватывать участки. Вы только представьте, тут всего пять заявок, это выходит тысяча человек на участок, причем четыре тысячи из пяти бросятся на самый ближний. Этого нельзя допустить, здесь будет столько жертв, сколько не было за всю историю Аляски. А кроме того, на эти пять участков сегодня утром уже сделаны заявки, и никто не имеет права их перехватывать. Короче говоря, нельзя, чтоб началась драка за участки.

– Верно, – сказал лейтенант. – Сейчас я соберу и расставлю своих людей. Мы не можем допустить беспорядка – и не допустим. Но вы все-таки поговорите с ними.

– Тут какая-то ошибка, ребята! – громко начал Смок. – У нас еще не все готово, и мы ничего не продаем. Улицы еще не размечены. А вот на будущей неделе прошу пожаловать: открываем широкую распродажу.

Взрыв общего гнева и нетерпения прервал его на полуслове.

– Нам не нужны никакие улицы! – выкрикнул молодой старатель. – Нам не нужно то, что на

земле. Мы пришли за тем, что под землей.

– Мы не знаем, что тут есть под землей, – ответил Смок. – Зато мы знаем, что на этой земле можно выстроить отличный поселок.

– Верно! – подтвердил Малыш. – Уединенное место, и вид красивый. Кто любит уединение, все так тысячами сюда и кинутся. Это будет самое людное уединенное местечко на Юконе!

Снова раздался крик нетерпения, и Солтмен, который разговаривал о чем-то с вновь подошедшими доусонцами, выступил вперед.

– Мы пришли сюда, чтоб застолбить участки, – начал он. – Мы знаем, что вы тут сделали – застолбили пять участков на золотой жиле, вон они идут в ряд по откосу и вдоль ручья. Только вы при этом смошенничали. Две записи у вас фальшивые. Кто такой Сэт Байрс? Никто у нас и не слыхал про такого. А вы сегодня утром сделали заявку на его имя. И на имя Гарри Максвелла записали заявку. Но Гарри Максвелла здесь нет. Он в Сизтле. Он еще осенью отсюда уехал. Стало быть, две заявки свободны, можно распределять заново.

– А если у меня есть от него доверенность? – спросил Смок.

– Нет у тебя никакой доверенности, – ответил Солтмен. – Ну-ка, покажи, если есть. И все равно эти участки нужно делить заново. Айда, ребята.

И Солтмен переступил запретную черту, подавая пример остальным, но тут готовую хлынуть за ним толпу остановил громкий окрик лейтенанта:

– Ни шагу дальше! Вы не имеете права!

– Ах, вот как, не имеем права? – переспросил Билл Солтмен. – Разве по закону не разрешается заново столбить, если заявки сделаны неправильно?

– Действуй, Билл! Не сдавайся! – подбадривала толпа, не переходя, однако, запретную черту.

– По закону разрешается, верно? – вызывающе спросил Солтмен, наступая на лейтенанта.

– Пускай разрешается, – последовал невозмутимый ответ. – Я не могу допустить, чтоб толпа в пять тысяч человек кинулась на две заявки, – и не допущу. Это будет беспорядок, а наше дело – не допускать беспорядка. Здесь, сейчас, на этом самом месте, северо-западная полиция представляет собой закон. Если кто перешагнет эту черту, буду стрелять. А вы, Билл Солтмен, осадите назад.

Солтмен нехотя повиновался. И все же в толпе, теснившейся повсюду, где можно было примоститься на этих скалистых уступах, склонах и утесах, нарастало беспокойство, которое не предвещало ничего хорошего.

– Боже милостивый! – шепнул лейтенант Смоку. – Посмотрите вон туда, на край обрыва, его точно мухи облепили. Стоит толпе податься в сторону, как сотни людей свалятся вниз.

Смока пробрала дрожь; он выступил вперед.

– Давайте действовать по справедливости, друзья. Если вы непременно хотите, я вам распродам участки под застройку по сто долларов штука, а когда поселок будет распланирован, вы распределите их по жребью.

Возмущенная толпа всколыхнулась, но Смок предостерегающе поднял руку:

– Ни с места, вы все! Иначе сотни людей свалятся с обрыва и разобьются. Положение угрожающее.

Все равно тебе эту землю не заграбастать! – выкрикнул кто-то. – Нам ни к чему тут строиться. Мы хотим застолбить участки.

– Но спорных заявок только две, – возразил Смок. – Ну, они достанутся двоим, а остальные что будут делать?

Он утер лоб рукавом, и тут новый голос выкрикнул:

– Мы все войдем в долю, все поделим поровну!

Те, кто громкими криками одобрил это предложение, и не подозревали, что оно сделано человеком, с которым Смок заранее уговорился и которому теперь подал знак, утирая лоб.

– Не будьте свиньями, не хватайте все себе, – продолжал этот человек.

– Примите в долю, поделите между всеми права на землю – и на ископаемые, какие есть в земле, тоже.

– Да ни при чем тут права на ископаемые, говорят вам, возразил Смок.

– Делите их со всем прочим. А мы попытаем счастья.

– Вы хотите, чтоб я уступил насилию, – сказал Смок. – Лучше бы вы сюда не являлись.

Было очевидно, что он в нерешимости, и мощный рев толпы заставил его окончательно уступить. Но Солтмен и другие, стоявшие в первом ряду, начали что-то возражать.

– А вот Билл Солтмен и Бешеный не желают, чтоб вы все участвовали в этом деле, – сообщил толпе Смок. – Кто же теперь свинья?

Это сразу изменило настроение толпы не в пользу Солтмена и Бешеного.

– А как же вы хотите все поделить? – продолжал Смок. – Контрольный пакет должен остаться за мной и Малышом. Мы первые открыли это место.

– Верно! – закричало сразу много голосов. – Правильно! Это справедливо!

– Три пятых будут на вашу долю, – предложил Смок, – а вы все поделите между собой остальные две пятых. И вам придется оплатить свои паи.

– Десять центов за доллар! – раздался крик. – И акции обложению не подлежат!

– И председатель правления самолично подносит каждому его дивиденды на серебряном блюде, – насмешливо заключил Смок. – Нет уж! Будьте благоразумны, друзья. Десять центов за доллар – это поможет начать дело. Вы покупаете две пятых всех акций и за стодолларовую акцию платите десять долларов. А если вам это не подходит – пожалуйста, начинайте драку, сбросьте мои заявочные столбы. Больше чем на две пятых я не дам себя нагреть.

– Но только не выпускайте дутых акций! – крикнул кто-то, и это прозвучало как программа, на которой сошлись все.

– Вас тут около пяти тысяч человек, значит, и паев должно быть пять тысяч, – стал вслух рассчитывать Смок. – А пять тысяч – это две пятых от двенадцати с половиной тысяч. Таким образом, капитал Акционерной компании поселка Тру-ля-ля составит миллион двести пятьдесят тысяч долларов, это будет двенадцать тысяч пятьсот паев по сто долларов каждый, и вы все купите пять тысяч паев и уплатите по десять долларов за штуку. И плевать мне, если вы не согласны. Будьте все свидетелями – я иду на это только потому, что вы меня заставили.

Доусонцы остались в уверенности, что поймали Смока с поличным, ибо он сфабриковал две фальшивых заявки. Тотчас было выбрано правление поселка и заложены основы Акционерной компании поселка Тру-ля-ля. Не пожелав, как это было предложено, распределять акции на другой день в Доусоне – ведь все, кто не участвовал в нынешнем нашествии, тоже захотят урвать свою долю, – члены правления уселись вокруг костра, разведенного на льду у подножия горы, и вручали каждому из присутствующих расписку в обмен на десять долларов в золотом песке, который, как полагается, отвечивали на специальных весах, – для этого из города притащили десятка два весов.

Только к вечеру вся эта работа была закончена и поселок Тру-ля-ля опустел. Смок и Малыш остались одни. Они ужинали у себя в хижине и посмеивались, глядя на списки акционеров, насчитывавшие четыре тысячи восемьсот семьдесят четыре фамилии, и на мешки, в которых, как они знали, было золота на сорок восемь тысяч семьсот сорок долларов.

– Но ты еще не довел дело до конца, – заметил Малыш.

– Он придет, – убежденно ответил Смок. – Это прирожденный игрок, и когда Брэк шепнет ему словечко, так он и помирать будет, а притащится.

Не прошло и часа, как в дверь постучали и вошел Бешеный, а за ним Билл Солтмен. Жадным взглядом они окинули хибарку, и глаза их остановились на лебедке, искусно прикрытой одеялами.

– А если я хочу получить тысячу двести акций? – доказывал Бешеный полчаса спустя. – Сегодня вы продали пять тысяч, вместе будет всего-навсего шесть тысяч двести. У вас с Малышом остается шесть тысяч триста. Все равно контрольный пакет за вами.

– Да на что тебе дался наш поселок? – удивился Малыш.

– Ты это знаешь не хуже меня, – отвечал Бешеный. – Между нами говоря,

– он покосился на окутанную одеялами лебедку, – это просто прелестный поселок.

– Но вот Билл тоже хочет, чтоб ему подбавили, – проворчал Смок, – а мы никак не можем отдать больше пятисот паев.

– Сколько ты хочешь вложить в это дело? – спросил Бешеный.

– Ну, скажем, пять тысяч долларов, – сказал Солтмен. – Больше мне не наскрести.

– Послушай, Бешеный, – продолжал Смок все тем же ворчливым, обиженным тоном, – если б

мы не были добрыми знакомыми, я не продал бы тебе ни единой из этих дурацких акций. И уж во всяком случае больше чем пятьсот акций мы с Малышом не отдадим, и вам придется заплатить по пятьдесят долларов за штуку. Это мое последнее слово, не хотите – не надо. Билл может взять сотню, а на твою долю останется четыреста.

А назавтра весь Доусон держался за бока от смеха. Смех вспыхнул рано утром, едва рассвело, когда Смок подошел к доске объявлений у входа на склад Аляскинской торговой компании и кнопками прикрепил к доске лист бумаги. Он еще не успел всадить последнюю кнопку и отойти, а люди уже собрались и читали, заглядывая через его плечо и фыркая. Вскоре перед доской толпилось несколько сот человек, и задним ничего не было видно. Криками потребовали, чтобы кто-нибудь читал вслух; и затем весь день то один, то другой по общему требованию громогласно перечитывал вывешенное Смоком объявление. И немало было таких, что стояли в снегу и выслушивали это чтение по нескольку раз, чтобы лучше, во всех пикантных подробностях, запомнить статьи объявления, которое гласило:

«Акционерная компания поселка Тру-ля-ля сводит свой баланс на стене.

Это ее первый и последний баланс.

Всякий акционер, который не пожелает пожертвовать десять долларов Доусонской городской больнице, может получить назад свои десять долларов, обратившись лично к Чарли Бешеному, а в случае отказа последнего уплатить эти деньги немедленно, получит их, обратившись к Смоку Беллью.

ПРИХОД и РАСХОД Получено за 4874 акции по 10 долларов 48 740 дол.

Уплачено Дуайту Сэндерсону за землю под поселок Тру-ля-ля 10 000 Случайные расходы: динамит, сверла, лебедка, взнос инспектору приисков и т.п. 1 000 Пожертвовано Доусонской городской больнице 37 740 *Итого* : 48 740 дол.

Получено от Билла Солтмена за 100 акций, купленных особо по 50 дол. за акцию 5 000 Получено от Чарли Бешеного за 400 акций, купленных особо по 50 дол. за акцию 20 000 Уплачено Биллу Солтмену в благодарность за добровольные хлопоты по устройству земельного бума в поселке Тру-ля-ля 5 000 Пожертвовано Доусонской городской больнице 3 000 Получено Смоком Беллью и Джеком Малышом в компенсацию за сделку с яйцами и в возмещение морального ущерба 17 000 *Итого* : 25 000 дол.

Имеется остаток акций на сумму 7 126 долларов. Эти акции, принадлежащие Смоку Беллью и Джеку Малышу, не стоят ничего и могут быть приобретены бесплатно, по первому требованию, любым жителем Доусона, желающим переменить местожительство и насладиться тишиной и уединением в поселке Тру-ля-ля.

Примечание. Тишина и уединение гарантируются в поселке Тру-ля-ля на вечные времена.

Подписи:

Смок Беллью, председатель Джек Малыш, секретарь».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ТАЙНА ЖЕНСКОЙ ДУШИ

1

– А все-таки, я вижу, ты не очень-то спешишь жениться, – заметил Малыш, возобновляя разговор, оборвавшийся несколько минут назад.

Смок не ответил; сидя на краешке мехового одеяла, он опрокинул в снег ворчащую собаку и внимательно обследовал ее лапы. А Малыш, поворачивая перед огнем надетый на палку мокасин, от которого валил пар, пристально всматривался в лицо своего компаньона.

– Погляди-ка на северное сияние, – продолжал Малыш. – Экое непостоянство! Совсем как женщина: то она так, то этак, сама не знает, чего ей надо. У самой лучшей женщины ветер в голове, если уж она не совсем дура. И все они настоящие кошки – что маленькие, красавицы и уродины. А

если какая увяжется за мужчиной – ну, считай, что за тобой охотится голодный лев или гиена.

И снова красноречие Малыша иссякло. Смок ударил собаку, которая чуть не укусила его за руку, и продолжал осматривать ее израненные, кровоточащие лапы.

– Фу ты! – опять заговорил Малыш. – Да неужто я не женился бы, если б захотел? А может, меня бы и против моей воли окружили, но только я всегда удирал, как заяц. Знаешь, Смок, что меня спасало? Хорошее дыхание. Я просто бегу что есть духу. Хотел бы я посмотреть на ту юбку, которая способна меня загонять.

Смок отпустил собаку и тоже повернул перед огнем свои мокрые мокасины, насаженные на палки.

– Придется нам завтра сидеть на месте и шить для собак мокасины, – сказал он наконец. – Этот битый лед совсем искалечил им лапы.

– Нам нельзя оставаться на месте, – возразил Малыш. – И назад повернуть еды не хватит. Если мы с тобой завтра-послезавтра не нападём на след оленей или этих самых белых индейцев, придется нам слопать своих собак вместе с изрезанными лапами. А кстати сказать, кто их вообще видел, белых индейцев? Все это враки. Как может индеец быть белым? Это все равно, что назвать белым чернокожего. Нет, Смок, завтра надо двинуть дальше. Вся округа точно вымерла, никакой дичи нет. Сам знаешь, вот уж неделя, как нам не попадалось ни одного заячьего следа. Надо выбраться из этого гиблого места куда-нибудь, где водится дичь.

– Собаки будут бежать вдвое быстрее, если дать им денек отдохнуть и обуть их в мокасины, – сказал Смок. – Ты бы влез на какую-нибудь горку и осмотрелся вокруг. Мы, наверное, уже вот-вот выйдем на ту равнину с холмами, о которой рассказывал Лаперль.

– Ха! Лаперль сам говорит, что проходил тут десять лет назад и был в ту пору не в своем уме от голода, даже не понимал толком, что у него перед глазами. Помнишь, он рассказывал, будто на вершинах гор развевались огромные флаги? Ясное дело: все у него в голове мутилось. И он сам говорил, что не видел никаких белых индейцев, это уж Энтон сочинил. А Энтон помер за два года до того, как мы с тобой прикатили на Аляску. Да ладно, завтра пойду огляжусь. Может, удастся подстрелить лося. А сейчас пора спать, вот что я тебе скажу.

2

Все утро Смок провел на стоянке: шил собакам мокасины, чинил упряжь. В полдень он приготовил обед на двоих, съел свою порцию и начал ждать Малыша. Час спустя он стал на лыжи и двинулся по следу товарища. Он поднялся по руслу ручья и миновал узкое ущелье, которое неожиданно вывело его на просторную поляну, – видно было, что когда-то на ней паслись лоси. Однако ни один лось не побывал здесь с осени, с тех пор как выпал первый снег. Следы лыж Малыша пересекали пастбище и поднимались по косогору. Дойдя до вершины, Смок остановился. След шел дальше, вниз по откосу. За милю отсюда, вдоль русла нового ручья, рос невысокий ельник, и видно было, что Малыш прошел через этот лесок. Смок взглянул на часы, подумал о надвигающейся темноте, о собаках, о покинутой стоянке и скрепя сердце отказался от мысли продолжать поиски. Но прежде чем повернуть назад, он внимательно осмотрелся. На востоке в небо, точно зубья пилы, вгрызались снежные пики Скалистых Гор. Гряда за грядой вздымались горные цепи, и все они тянулись на северо-запад, отрезая пути к той равнине, о которой рассказывал Лаперль. Казалось, горы сговорились преградить дорогу пришельцу, заставить его вернуться на запад, к Юкону. Смок спрашивал себя, многие ли до него приходили сюда и отступали перед этим грозным зрелищем. Правда, Лаперль не отступил, но ведь он перевалил через Скалистые Горы с востока.

До полуночи Смок поддерживал большой костер, чтобы Малыш мог издали его увидеть. А утром, чуть забрезжило, свернул лагерь, запряг собак и с рассветом пустился на поиски. В узком ущелье вожак упряжки насторожил уши и заскулил. И немного погодя Смок увидел шестерых индейцев, идущих навстречу. Они шли налегке, без собак, у каждого за плечами был совсем небольшой мешок с походным снаряжением. Они окружили Смока. К немалому его удивлению, они его явно искали. Сразу выяснилось также, что они не говорят ни на одном из индейских наречий, на которых он знал хотя бы одно слово. Белыми они не были, но казались и выше и крепче индейцев, живущих в долине

Юкона. Пятеро были вооружены старинными длинноствольными мушкетами Компании Гудзонова залива, в руках шестого Смок увидел хорошо ему знакомый винчестер – это был винчестер Малыша.

Индейцы не стали тратить время на переговоры со своим пленником. Смок был безоружен, ему оставалось только покориться. Они тотчас разобрали груз, лежавший на нартах, каждый взвалил часть себе на плечи, Смоку дали нести меховые одеяла – его и Малыша. Собак распрягли, а когда Смок запротестовал, один из индейцев знаками объяснил, что дорога впереди слишком тяжела для нартов. Смок примирился с неизбежным, спрятал нарты на берегу ручья, сунув их стоймя в снег, и побрел вместе со своими конвойными. Они направились к северу, перевалили через невысокую гряду, спустились к перелеску, который накануне заметил Смок. Миль десять – двенадцать шли по руслу ручья, а когда он стал отклоняться к западу, свернули по узкому притоку прямо на восток.

В первый раз они остановились на ночлег в месте, где за несколько дней до них стояли лагерем какие-то люди. Тут хранились запасы вяленой лососины и мяса, – все это индейцы теперь взяли с собой. От стоянки уходило много лыжных следов, и Смок понял, что эти-то люди и захватили Малыша; и еще прежде, чем стемнело, ему удалось разглядеть на снегу следы знакомых лыж, более узких, чем лыжи индейцев. Он знаками стал спрашивать своих спутников, они утвердительно кивнули и показали на север.

И во все следующие дни они показывали на север; и как ни кружила, ни извивалась тропа меж беспорядочно теснящихся, нацеленных в небо скалистых пиков, все же она упорно вела на север. То и дело казалось, что в этой суровой снежной пустыне дальше нет дороги, и, однако, тропа поворачивала, отступала, находя невысокие перевалы и избегая крутых, неодолимых горных кряжей. Здесь навалило больше снега, чем ниже, в долинах, и каждый шаг надо было брать с бою, утаптывая целину лыжами. Притом все спутники Смока были молоды, шли легким, быстрым шагом; и в глубине души он невольно гордился тем, что без труда поспевает за ними. Они были закалены кочевой жизнью, с самого раннего детства привыкли прокладывать путь через снега; и все же он был так крепок и здоров, что этот переход давался ему не тяжелее, чем им.

За шесть дней они достигли главного перевала и миновали его; хоть он был ниже окружающих грозных гор, но все же лежал на огромной высоте и был недоступен для нагруженных нартов. А через пять дней, спускаясь капризной, извилистой тропой все ниже и ниже, они вышли на широко раскинутую холмистую равнину, открытую Лаперлем десять лет назад. Смок узнал ее с первого взгляда. В этот морозный день термометр показывал сорок градусов ниже нуля и воздух был так прозрачен, что видно было на сто миль вокруг. Насколько хватал глаз, перед Смоком расстилалась эта волнистая равнина. Далеко на востоке еще виднелись Скалистые Горы, вздымавшие в небо свои неприступные, покрытые снегом зубчатые гребни. К югу и западу тянулись изрезанные ущельями отроги, которые Смок и его спутники недавно пересекли. А здесь, в гигантской впадине, лежал край, по которому прошел Лаперль, – край, одетый снегами, но несомненно, богатый дичью, а летом это, конечно, смеющаяся, цветущая, вся в зелени земля.

К полудню они спустились по широкому руслу замерзшего потока, мимо утонувших в снегу ив и голых осин, пересекли ровные пространства, густо поросшие елью, и вышли к большому лагерю, покинутому совсем недавно. На ходу Смок подсчитал примерно следы костров – их было сотни четыре, а то и пять; как видно, здесь стояли лагерем несколько тысяч человек. Тропа была свежая, утоптанная множеством мокасин, так что Смок и его похитители сняли лыжи и без них пошли еще быстрее. Все больше признаков указывало на обилие в этих местах дичи, все чаще попадались следы хищников – волков и рысей. Один из индейцев с радостным возгласом указал на широкую поляну, усеянную обглоданными оленьими черепами: снег на поляне был взрыт и измят, словно тут разыгралось большое сражение. И Смок понял, что после недавнего снегопада охотники перебили здесь немало дичи.

Стало смеркаться, но индейцы ничем не обнаруживали намерения остановиться на ночлег. В стужавшихся сумерках они шли все вперед и вперед; порою небо вспыхивало, тьма рассеивалась и огромные мерцающие звезды бледнели, подернутые трепетной зеленоватой дымкой северного сияния. Собаки Смока первыми слышали вдалеке шум лагеря, насторожились и тихонько заскулили от нетерпения. Потом и человеческий слух стал улавливать отдаленный гул, еще смутный, но не смягченный расстоянием, как бывает обычно. Напротив, это был пронзительный, дикий шум, нестройные

резкие звуки перебивались еще более резкими – протяжным воем множества лаек, и в этом вое, то визгливом, то заунывном, слышались тревога и боль, угрюмая безнадежность и вызов. Сняв рукавицу, Смок открыл стекло карманных часов и кончиками пальцев нащупал стрелки – они показывали одиннадцать. Его провожатые оживились. Ноги, столько отшагавшие за долгий день пути, сами собою ускорили шаг – теперь люди почти бежали. Внезапно они вышли из темного ельника, яркий свет многих костров ослепил их, многоголосый шум оглушил. Перед ними лежало огромное становище.

Они пробирались между неровными рядами вигвамов, и шум, как прибой, вздымался им навстречу и катился вслед – возгласы, приветствия, вопросы и ответы, шутки, насмешки, ответные шутки, злобное рычание лаек, которые так и сыпались на собак Смока, точно косматые яростные бомбы, брань индианок, смех, хныканье детей и плач грудных младенцев, стоны разбуженных всем этим больных – адский шум и крик оглушал в этом становище первобытного народа, не знающего, что такое нервы.

Спутники Смока палками и прикладами отбивались от налетающих отовсюду псов, а его собаки, напуганные таким множеством врагов, рыча и огрызаясь, жались к своим двуногим защитникам, грозно ошестинивались и вставали на дыбы.

Вновь прибывшие остановились у костра, разведенного на утоптанном снегу, где сидели на корточках Малыш и два молодых индейца, поджаривая на огне нарезанную длинными узкими кусками оленину. Еще три молодых индейца лежали, завернувшись в меха, на подстилке из еловых ветвей; при виде подошедших они сели. Малыш поверх костра взглянул на Смока, но лицо его осталось таким же бесстрастным и неподвижным, как лица его соседей; он не кивнул, не улыбнулся и продолжал жарить мясо.

– Что это с тобой? – сердито спросил Смок. – Язык отнялся?

Малыш весело ухмыльнулся.

– Вообще нет, – ответил он. – Я индеец. Учусь ничему не удивляться. Когда они тебя зацапали?

– На другой день после твоего ухода.

– Хм... – В глазах Малыша заплясали искорки. – Мои дела идут прекрасно, хуже некуда. Тут у нас лагерь холостяков, – и он широким жестом обвел все это великолепие: костер, постели из еловых ветвей на снегу, вигвамы из оленьих шкур и щиты от ветра, сплетенные из тех же еловых ветвей и ивовых прутьев. – А вот это сами холостяки. – Малыш показал на молодых индейцев, произнес несколько гортанных слов на их языке, и их глаза сверкнули в ответной улыбке. – Они рады познакомиться с тобой, Смок. Садись и высуши мокасины, я сейчас приготовлю поесть. А здорово я болтаю по-ихнему? Тебе тоже надо выучиться. Похоже, что мы у них останемся надолго. Тут есть еще один белый, ирландец, он попал к ним шесть лет назад. Они его поймали на дороге к Большому Невольничьему озеру. Дэнни Мак-Кен его звать. Он тут обзавелся женой, у них уже двое детишек, но, если подвернется случай, он рад будет дать тягу. Видишь, вон направо маленький костер? Это он и есть.

Как видно, тут и предстояло жить Смоку: провожатые оставили его и его собак и исчезли среди вигвамов. Смок занялся своей обувью, потом стал уплетать кусок за куском дымящееся мясо, а Малыш жарил все новые куски и рассказывал новости:

– Похоже, Смок, что мы с тобой здорово влипли. Не так-то просто будет отсюда выбраться. Это самые настоящие, чистойшей воды дикие индейцы. Сами они не белые, но вождь у них белый. Говорит, точно у него полон рот горячей каши, и уж если он не шотландец, так и не знаю, какие они есть, шотландцы. Он тут у них царь и бог и всему голова. Что он скажет, тому и быть. Так и запомни. Дэнни Мак-Кен шесть лет все старается от него удрать. Дэнни парень неплохой, только у него пороха не хватает. Какой дорогой отсюда выбраться, он знает, на охоте высмотрел: западнее, чем мы с тобой сюда шли. Только одному ему не уйти, никак с духом не соберется. А втроем мы это дело обстряпаем. Бородач крепкий парень, стоящий, да только у него не все дома.

– Кто это Бородач? – спросил Смок с полным ртом, на миг отрываясь от еды.

– Да этот самый их вождь. Шотландец. Он уже человек немолодой и сейчас, верно, спит, а завтра он потолкует с тобой и докажет, как дважды два, что в его владениях ты просто червяк и больше никто. Тут распоряжается он один. Ты должен крепко вбить себе это в башку. Места эти неисследованные, никому не известные, и хозяин здесь он. И уж он не даст тебе про это забыть. Тут примерно на двадцать тысяч квадратных миль охотничьи угодья – и все это его. Вот он и есть белый индеец, да

его девчонка тоже. Ха! Не смотри на меня такими глазами. Погоди, сам увидишь. Хорошенькая и совсем белая, как отец – как Бородач, значит. А оленей тут!.. Я сам видел. Сытые, откормленные, стадо в сто тысяч голов, – десять тысяч волков и диких кошек идут по пятам, хватают отставших и кормятся объедками. Да-да, у нас и объедки остаются. Стадо идет на восток, и мы теперь будем все время двигаться следом. Самцов мы едим, а что не съедим, коптим и вялим про запас, чтоб было на весну, пока не начнется лов лосося. Я тебе вот что скажу: чего Бородач не знает про лосося и про оленей, того уж никто на свете не знает...

3

– Вот он идет, Бородач, с таким видом, будто по делу, – шепнул Малыш и, дотянувшись до ближайшей ездовой собаки, вытер жирные руки о ее косматую шерсть.

Было утро, и холостяки, сидя на корточках вокруг костра, жарили оленину и с аппетитом завтракали. Смोक поднял глаза – к костру направлялся невысокий, худощавый человек в одежде из шкур, как любой индеец, но, несомненно, белый; за ним собаки тащили нарты и шагали человек десять индейцев. Смोक разбил кость и, высасывая горячий мозг, с интересом разглядывал хозяина этих мест. Густая борода и рыжевато-седые волосы, закопченные дымом костров, почти совсем скрывали лицо этого человека, но видно было, что оно худое, изможденное, щеки совсем ввалились. А все же он здоровый, хоть и худ, как скелет, решил Смок, заметив его расширенные ноздри и широкую грудь, – они говорили о глубоком дыхании, об отличных легких – залого жизни и здоровья.

– Здравствуйте, – сказал Бородач, снимая рукавицу, и протянул руку. – Меня зовут Снасс.

Они обменялись рукопожатием.

– А меня Беллью, – сказал Смок, чувствуя какую-то непонятную неловкость под испытующим, пронзительным взглядом черных глаз Снасса.

– Я вижу, у вас тут еды достаточно.

Смок кивнул и опять взялся за мозговую кость; почему-то ему было приятно слышать этот мурлыкающий шотландский говор.

– Грубая пища. Но зато мы почти не знаем голода. И это куда полезнее, чем всякие деликатесы, которыми питаются в городах.

– Я вижу, вы не любитель города, – отшутился Смок, чтобы сказать что-нибудь, и был поражен мгновенной переменой в собеседнике.

Он весь задрожал и поник, точно какое-то чувствительное растение. Потом в глазах его вспыхнул ужас, безмерное отвращение, жгучая ненависть, точно крик нестерпимой боли. Он круто повернулся и, овладев собой, бросил через плечо:

– Мы еще увидимся, мистер Беллью. Олени идут на восток, и я отправляюсь вперед, чтобы выбрать место для стоянки. Вы все сниметесь завтра.

– Вот тебе и Бородач! – пробормотал Малыш, когда Снасс и его спутники отошли подальше, и снова вытер руки о шерсть пса, который с наслаждением принялся слизывать с себя жир.

4

Немного позже Смок пошел пройтись по становищу, поглощенному несложными будничными заботами. Только что возвратился большой отряд охотников, и мужчины разбрелись каждый к своему костру. Женщины и дети запрягли собак в легкие нарты, уходили с ними, а когда возвращались, все вместе тащили нарты, нагруженные уже промерзшим мясом только что убитой дичи. Стоял морозный день, какие бывают ранней весной, и вся эта первобытная жизнь шла при тридцати градусах ниже нуля. Ни на ком вокруг не было ни клочка ткани: всем одинаково служили одеждой меха или светло-желтая замша. У мальчиков были в руках луки, колчаны и стрелы с костяными наконечниками; у многих – заткнутые за пояс или висящие в кожаных ножнах на груди костяные или каменные ножи для выделки шкур. Женщины, согнувшись над кострами, коптили мясо, а привязанные за спиной у матерей младенцы сосредоточенно сосали куски сала и смотрели на все круглыми глазами. Огромные псы – настоящие волки – злобно ощетинились при виде чужака, вооруженного короткой

дубинкой, и принюхивались к его запаху, но дубинка заставляла их мириться с присутствием Смока.

В самой середине становища Смок наткнулся на очаг, который явно принадлежал Снассу. Хотя и временное, жилище его было больше и прочнее других. Свернутые шкуры и всякое снаряжение громоздились на помосте, где их не могли достать собаки. Большая брезентовая палатка служила спальней и жильем. Рядом стояла другая, шелковая, какие обычно предпочитают путешественники по неисследованным землям и богатые любители охоты. Смок, никогда не видевший такой палатки, подошел ближе. Пока он стоял и смотрел, передние полотнища распахнулись и вышла молодая женщина. Ее движения были так стремительны и появилась она так внезапно, что Смок был ошеломлен, точно увидел призрак. Казалось, и он так же поразил ее, и несколько минут они молча смотрели друг на друга.

Она была одета в звериные шкуры, но таких великолепных, так мастерски расшитых меховых одежд Смок никогда еще не видел. Парка с откинутым капюшоном была из какого-то незнакомого ему очень светлого серебристого меха. Муклуки на моржовой подошве сшиты из множества серебристых рысьих лапок. Длинные рукавицы, кисточки муклуков, каждая мелочь в этом меховом костюме была, как бледное серебро, мерцающее в свете морозного дня; и из этого мерцающего серебра поднималась на гибкой точеной шее изящная головка

– синие глаза, нежно розовеющие щеки, уши, точно маленькие розовые раковины, светло-каштановые волосы, в которых сверкали искорки инея и морозной пыли.

Смоку казалось, что он видит сон; наконец, спохватившись, он потянулся к шапке. И тут изумление в глазах девушки сменилось улыбкой; быстрым, уверенным движением она сняла рукавицу и протянула руку.

– Здравствуйте, – сказала она негромко, степенно, со странным и милым акцентом, и ее голос, серебристый, как ее меховые одежды, прозвучал неожиданно для ушей Смока, уже свыкшихся с пронзительными голосами индианок.

Он промямлил что-то, смутно напоминающее о том, что когда-то он был светским человеком.

– Я рада с вами познакомиться, – продолжала она медленно, с трудом подыскивая слова и неудержимо улыбаясь. – Вы меня, пожалуйста, простите, я не очень хорошо говорю по-английски. Я, как вы, тоже англичанка. Мой отец шотландец. Моя мать умерла. Она была француженка, и англичанка, и немножко индианка. Ее отец был большой человек в Компании Гудзонова залива... Брр! Холодно! – Она надела рукавицы и стала растирать свои розовые уши, которые уже начали белеть. – Пойдемте к огню и поговорим. Меня зовут Лабискви. А вас как зовут?

Так Смок познакомился с Лабискви, дочерью Снасса, который называл ее Маргерит.

– Моего отца зовут не Снасс, – сообщила она Смоку. – Снасс – это его только по-индейски так зовут.

Многое узнал Смок и в этот день и потом, когда племя двинулось по следу оленей. Да, это были настоящие дикие индейцы – те, которых много лет назад встретил и от которых бежал Энтон. Здесь близко проходила западная граница их охотничьих владений, а на лето они перекочевывали на север, в тундру, к берегам Ледовитого океана, и в восточном направлении доходили до самой Лусквы. Что это за река – Лусква, Смок так и не понял, и ни Лабискви, ни Мак-Кен не могли ему объяснить. Изредка Снасс, взяв сильнейших охотников, отправлялся на восток, переходил Скалистые Горы, миновал озера, реку Маккензи и доходил до Бесплодных земель. В последний раз, когда они побывали в той стороне, и была найдена шелковая палатка, ставшая жилищем Лабискви.

– Она принадлежала экспедиции Миллисента и Эдбери, – сказал Смоку Снасс.

– А, помню! Они охотились на мускусных быков. Спасательной экспедиции не удалось разыскать никаких следов их обоих.

– Я их нашел, – сказал Снасс, – но они были уже мертвы.

– Об этом до сих пор никто ничего не знает. Вести не дошли.

– Вести никогда не доходят, – любезно пояснил Снасс.

– Вы хотите сказать, что если бы вы застали их в живых?..

Снас кивнул.

– Они остались бы со мной и с моим народом.

– Энтон, однако, ушел, – сказал Смок с вызовом.

– Не помню такого имени. Давно это было?

– Лет четырнадцать-пятнадцать назад, – ответил Смок.

– Значит, он все-таки пробрался... А я не раз спрашивал себя, что с ним случилось. Мы звали его Длинный Зуб. Это был сильный человек, очень сильный.

– И Лаперль прошел здесь десять лет назад.

Снас покачал головой.

– Он видел следы ваших стоянок. Это было летом.

– Тогда понятно, – ответил Снас. – Летом мы бываем на сотни миль севернее.

Но как ни старался Смок, он не мог найти ключа к прошлому Снасса. Кем он был до того, как переселился в эти дикие северные края? Человек, несомненно, образованный, он уже долгие годы не читал ни книг, ни газет. Он не знал и знать не хотел, что изменилось за это время в мире. Он слышал о нашествиях золотоискателей на Юкон, о клондайкской золотой лихорадке. Но золотоискатели никогда не вторгались в его владения, и он был этому рад. А огромный внешний мир для него просто не существовал. Снас и слышать о нем не хотел.

Лабискви тоже мало что могла сообщить Смоку о прошлом отца. Она родилась здесь, в охотничьем становище. Ее мать умерла, когда девочке было шесть лет. Мать была красавица – единственная белая женщина, которую видела Лабискви за всю свою жизнь. Она сказала это с грустью – и с грустью снова и снова заговаривала о том мире, откуда ее отец бежал безвозвратно. Да, она знает, что существует другой, большой мир, но это – ее тайна. Она давно поняла, что одно упоминание о нем приводит отца в ярость.

Энтон рассказал одной индианке, что дед Лабискви – отец ее матери – занимал высокий пост в Компании Гудзонова залива. Позднее индианка рассказала об этом Лабискви. Но имени своей матери девушка так и не узнала.

От Дэни Мак-Кена нельзя было почерпнуть никаких полезных сведений. Он не любитель приключений. Бродячая жизнь среди дикарей ужасна, а он ведет ее вот уже девять лет. Он жил в Сан-Франциско, его напоили и обманом затащили на китобойное судно; с мыса Барроу он и еще трое из команды бежали. Двое умерли, третий бросил его на полпути, когда они с огромным трудом пробрались к югу. Два года прожил он среди эскимосов, прежде чем набрался мужества снова пуститься в тяжкий и страшный путь на юг, а когда оставалось всего несколько дней до ближайшего поста Гудзоновой компании, его захватили в плен молодые охотники Снасса. Мак-Кен был маленький, неумный человечек с больными глазами, он мечтал и говорил только об одном: как бы вернуться в милый город Сан-Франциско, к милой его сердцу профессии каменщика.

5

– Наконец-то к нам попал умный человек, – сказал Смоку Снас однажды вечером у костра. – До вас нам все не везло. Впрочем, был еще старик Четырехглазый. Это индейцы так его прозвали, он был близорук и носил очки. Он был профессор зоологии. (Смок отметил про себя, что Снас совершенно правильно произнес это слово.) Мои охотники захватили его в верховьях реки Поркьюпайн, он заблудился и отстал от своей экспедиции. Умный человек был, спору нет, но чего-то ему не хватало. Вечно он сослепу сбивался с дороги. Правда, он знал геологию и умел обращаться с металлами. На берегах Лусквы есть уголь, Четырехглазый устроил там для нас отличные кузницы. Он чинил наши ружья и научил этому молодежь. В прошлом году он умер, и нам его очень недостает. Он заблудился, замерз в какой-нибудь миле от лагеря, – вот как это случилось.

В тот же вечер Снас сказал Смоку:

– Вам надо бы выбрать себе жену и завести собственный очаг. Вам будет удобнее, чем с молодыми охотниками. У нас, знаете, есть такой девичий праздник – девушки зажигают костры и ожидают суженых. Это обычно делается среди лета, когда пойдет лосось, но я могу распорядиться раньше, если захотите.

Смок засмеялся и покачал головой.

– Помните, – спокойно сказал в заключение Снас, – Энтон – единственный, кому удалось отсюда выбраться. Ему повезло, необыкновенно повезло.

Лабискви говорила Смоку, что у ее отца железная воля.

– Четырехглазый называл его Замороженным Пиратом – не знаю, что это означает, – Ледяным Тираном, Пещерным Медведем, Первобытным Зверем, Оленьим Королем, Бородатым Леопардом и еще разными именами. Четырехглазый любил такие слова. Это он меня выучил английскому языку. Он всегда шутил. Никак нельзя было понять, серьезно он говорит или нет. Когда я сердилась, он называл меня – мой дружок гепард. А что такое гепард? Он всегда меня так дразнил.

Смока удивляла ребяческая наивная, оживленная болтовня Лабискви, которая так не вязалась с ее обликом взрослой девушки.

Да, ее отец – человек непреклонный. Его все боятся. Он страшен, когда рассердится. Тут есть племя Дикобразов. Они и еще племя Лусква служат Снассу посредниками, продают за него в факториях шкуры и покупают ему патроны и табак. Он всегда поступал честно, а вождь Дикобразов начал его обманывать. Снасс дважды предупредил его, а потом поджег его селение, и человек пятнадцать из племени Дикобразов были убиты в схватке. После этого никто не пытался обмануть Снасса. Однажды, когда она была еще маленькая, один белый человек пытался убежать отсюда, и его убили. Нет, отец сам не убивал, он только отдал приказ молодым охотникам. Никогда еще ни один индеец не слушался ее отца.

И чем больше она рассказывала, тем непроницаемое казалась Смоку тайна Снасса.

– Скажите мне, – спросила Лабискви, – правда, что были на свете мужчина и женщина, их звали Паоло и Франческа, и они любили друг друга?

Смок кивнул, и она просияла.

– Мне о них рассказывал Четырехглазый. Значит, он все-таки не выдумал. Понимаете, я как-то не верила. Спросила отца, а он так рассердился! Индейцы мне говорили, что он страшно ругал Четырехглазого. Потом были еще Тристан и Изольда... Даже две Изольды. Это очень печальная история. Но я хотела бы любить так. А в том, вашем, мире все мужчины и женщины так любят? Здесь – нет. Здесь просто женятся. Наверное, они тут слишком заняты другими делами. Я англичанка, я никогда не выйду замуж за индейца – правильно это, как по-вашему? Я поэтому еще не зажигала своего девичьего костра. Некоторые молодые охотники уже сколько раз просили, чтобы отец заставил меня зажечь костер. И Либаш тоже. Он великий охотник. А Махкук все ходит и поет песни. Он такой смешной! Сегодня, когда стемнеет, приходите к моей палатке – услышите, как он поет. Мороз, а он ходит вокруг и поет. Но отец говорит: делай, как знаешь, и потому я не зажгу костра. Понимаете, когда девушка решает выйти замуж, она зажигает костер, чтобы юноши узнали об этом. Четырехглазый говорил, что это прекрасный обычай. А сам так и не выбрал себе жены. Может быть, он был слишком старым. У него было очень мало волос на голове, но, мне кажется, на самом деле он был не такой уж старый. А как вы узнаете, что вы влюблены? Так влюблены, как Паоло и Франческа?

Смок смутился под ясным взглядом ее синих глаз.

– Видите ли... – с запинкой начал он. – Говорят... те, кто влюблен, говорят, что любовь дороже жизни. Когда мужчина или женщина почувствуют, что кто-то им милее всех на свете... ну, тогда, значит, они влюблены. Так оно и получается, только это ужасно трудно объяснить. Это просто знаешь, вот и все.

Она посмотрела куда-то вдаль, сквозь дым костра, потом вздохнула и вновь взялась за иглу (она шила меховую рукавицу).

– Во всяком случае, – решительно объявила она, – я никогда не выйду замуж.

6

– Уж если мы сбежим, придется удирать со всех ног, – мрачно сказал Малыш.

– Мы тут в огромной западне, – согласился Смок.

Поднявшись на небольшой голый холм, они оглядывали утопающее в снегах царство Снасса. На востоке, на юге и на западе его замыкали остроконечные вершины и зубчатые хребты далеких гор. К северу без конца и края простиралась все та же холмистая равнина, но оба они знали, что и там им перережут дорогу пять или шесть горных цепей.

– В это время года я могу дать вам три дня форы, – сказал Смоку в тот вечер Снасс. – Вас вы-

дадут следы, сами понимаете. Энтон бежал, когда снега уже не было. Мои молодые охотники догнут любого белого; и притом вы сами проложите для них тропу. А когда снег сойдет, уж я позабочусь о том, чтобы вы не могли сбежать, как Энтон. Мы ведем здоровую, привольную жизнь. А тот мир – он так быстро забывается. Меня до сих пор удивляет, как легко, оказывается, обойтись без него.

– Дэнни Мак-Кен мне покоя не дает, – говорил Смоку Малыш. – Попутчик он, понятно, никудышный. Но он клянется, что знает дорогу на запад. Придется нам с ним столкнуться, Смок, а то плохо тебе будет.

– Почему только мне? Все мы в одинаковом положении.

– Ну уж нет. Вот тебе и впрямь надо смотреть в оба.

– А что такое?

– Ты ничего не слыхал?

Смок покачал головой.

– Мне сказали холостяки, – продолжал Малыш. – Они сами только что узнали. Это разыграется нынче, чуть не на полгода раньше срока.

Смок пожал плечами.

– И не любопытно тебе, о чем речь? – поддразнил Малыш.

– Я слушаю.

– Так вот, жена Дэнни только что сказала холостякам... – Малыш помолчал для внушительности. – А холостяки, понятно, рассказали мне. Сегодня вечером будут зажжены девичьи костры. Вот и все. Как тебе это понравится?

– Не понимаю, куда ты клонишь.

– Ах, вот как, не понимаешь? А это очень даже ясно и понятно. За тобой охотится девчонка, и она собирается зажечь костер, и зовут эту девчонку Лабискви. Ого, видал я, какими глазами она на тебя смотрит, когда ты на нее не глядишь. Она никогда не зажигала костра. Все говорила, что не выйдет замуж за индейца. А теперь она зажжет костер, и – это уж как пить дать – ради тебя, милый друг.

– Да, это ты логично рассудил, – сказал Смок, и сердце его упало, когда он вспомнил, как вела себя Лабискви в последние дни.

– Это уж как пить дать, – повторил Малыш. – Вот и всегда так. Только мы надумали удирать – нате вам, вмешивается девчонка и все запутывает. Не будет нам удачи... Эге! Слышишь, Смок?

Три старухи остановились на полдороге между лагерем холостяков и костром Мак-Кена, и самая старая что-то выкрикивала пронзительным, визгливым голосом.

Смок узнавал имена, но далеко не все слова были ему понятны и Малыш с грустной усмешкой стал переводить:

– Лабискви, дочь Снасса, Повелителя Туч, Великого Вождя, зажигает сегодня вечером свой первый девичий костер. Мака, дочь Оуитса, Грозы Волков...

Так были перечислены имена десяти или двенадцати девушек, и затем три вестницы побрели дальше, чтобы объявить новость у других костров.

Юношей, поклявшихся никогда не разговаривать с девушкой, – потому их и звали холостяками, – не занимало предстоящее празднество; наутро они должны были по приказу Снасса пуститься в дальний путь, но теперь, чтобы ясней выразить свое презрение к происходящему, решено было отправиться немедленно. Снасса не удовлетворяли расчеты старых охотников: если олени, по следу которых идет племя, в самом деле малочисленны, решил он, значит, стадо разделилось. И послал холостяков в разведку на север и на запад – отыскивать вторую половину огромного стада.

Смок, встревоженный намерением Лабискви зажечь костер, объявил, что хочет пойти с холостяками. Но сначала он посоветовался с Малышом и Мак-Кеном.

– Жди нас там на третий день, Смок, – сказал Малыш. – А мы захватим снаряжение и собак.

– Только помни, – предупредил Смок, – если как-нибудь так получится, что мы не встретимся, вы должны идти своей дорогой и выбираться на Юкон. Это дело решенное. Если выберетесь – летом вернетесь за мной. А если повезет мне, я удеру и потом вернусь за тобой.

Мак-Кен, стоя подле своего костра, показал глазами на крутую мрачную гору на западе, там, где на равнине выходила высокая, неприступная гряда.

– Вот это она и есть, – сказал Мак-Кен. – С южной стороны – небольшой ручеек. Мы поднимаемся по нему. На третий день вы нас встретите. В каком бы месте вы ни вышли на этот ручей, вы найдете если не нас, то наш след.

7

Но Смоку не повезло. Холостяки решили вести разведку в другом направлении, и на третий день, в то самое время, как Малыш и Мак-Кен со своими собаками пробирались вверх по ручью, Смок с холостяками за шестьдесят миль к северо-востоку от них напали на след второго оленьего стада. Несколько дней спустя, в слабом свете сумерек, еще более тусклом от валящего снега, они вернулись в становище. Индианка, рыдавшая у костра, вдруг вскочила и накинулась на Смока. Глаза ее горели злобой, она осыпала его бранью и проклятиями, протягивая руки к недвижному и немому, завернутому в меха телу, лежавшему на недавно прибывших нартах.

Смок мог только догадываться о том, что произошло, и, подходя к костру Мак-Кена, приготовился к новому взрыву проклятий. Но он увидел самого Мак-Кена, который усердно жевал кусок оленины.

– Я не воин, – заскулил он в объяснение. – А Малыш убежал, хотя за ним еще идет погоня. Он дрался, как черт. Да все равно его поймают, не выбраться ему. Он подстрелил двоих, но они оправятся. А одному всадил пулю прямо в сердце.

– Знаю, – ответил Смок. – Я только что видел вдову.

– Снасс хотел с вами поговорить, – прибавил Мак-Кен. – Приказал, как только вернетесь, чтоб шли к его костру. Я вас не выдал. Вы ничего не знаете. Помните это твердо. Малыш удрал со мной на свой страх и риск.

У костра Снасса Смок застал Лабискви. В ее глазах, обращенных к нему, сияла такая нежность, что он испугался.

– Я рада, что вы не пытались убежать, – сказала она. – Видите, я... – Она замялась, но глаз не опустила, и нельзя было не понять, что означает льющийся из них свет. – Я зажгла свой костер, зажгла, конечно, для вас. Мой час настал. Вы мне милее всех на свете. Милее, чем отец. Милее, чем тысяча Либашей и Махкуков. Я люблю. Это так странно. Люблю, как Франческа, как Изольда. Старик Четырехглазый говорил правду. Индейцы так не любят. Но у меня синие глаза и белая кожа. Мы оба белые, вы и я.

Никогда еще ни одна женщина не предлагала Смоку руку и сердце, и он не знал, как себя вести. Впрочем, это было даже не предложение. В его согласии никто и не сомневался. Для Лабискви все это было так просто и ясно, такой нежностью лучились ее глаза, что Смоку оставалось только удивляться, почему она еще не обняла его и не склонилась головой ему на плечо. Потом он понял, что хотя она искренна и простодушна в своей любви, но нежные ласки влюбленных ей незнакомы. Первобытные дикари их не знают. Лабискви негде было этому научиться.

Она все лепетала, изливая любовь и радость, переполнявшую ее сердце, а Смок собирался с духом, – надо же как-нибудь открыть ей горькую правду... Казалось, желанный случай представился ему.

– Но послушайте, Лабискви, – начал он, – вы уверены, что Четырехглазый рассказал вам всю историю любви Паоло и Франчески?

Она всплеснула руками и радостно засмеялась:

– Это еще не все! Я так и знала, что это еще не все про любовь! Я много думала с тех пор, как зажгла свой костер. Я...

Но тут сквоззь завесу падающего снега к костру шагнул Снасс – и удобный случай был упущен.

– Добрый вечер, – буркнул Снасс. – Ваш приятель натворил тут черт знает чего. Хорошо, что хоть вы оказались умнее.

– Может, вы мне скажете, что случилось? – спросил Смок.

Зубы Снасса, удивительно белые по сравнению с прокопченной дымом костров бородой, блес-

нули в недоброй усмешке.

– Конечно, скажу, – ответил он. – Ваш приятель убил одного из моих людей. Это жалкое ничтожество Мак-Кен струсил при первом же выстреле. Больше он не удерет. Вашего приятеля ловят в горах мои охотники – и они его изловят. Юкона ему не видать. А вы теперь будете спать у моего костра и с охотниками больше не пойдете. Я сам буду приглядывать за вами.

8

Переселившись к костру Снасса, Смок попал в затруднительное положение. Теперь он гораздо больше виделся с Лабискви. Она ничуть не скрывала своей нежной, невинной любви, и это приводило его в ужас. Она смотрела на него влюбленными глазами, и каждый ее взгляд был лаской. Снова и снова он собирался с духом, чтобы сказать ей о Джой Гастелл, и всякий раз приходил к убеждению, что он просто трус. И что хуже всего, Лабискви так очаровательна! Нельзя не любоваться ею... Каждая минута, проведенная с нею, заставляла его презирать себя – и все же как отрадны были эти минуты. Впервые перед ним раскрывалась женская душа – и так прозрачно-чиста была душа Лабискви, так поразительно наивна и невинна, что Смок видел ее до дна и читал в ней, как в раскрытой книге. Вся изначальная женская доброта была в Лабискви, с ее нетронутой душой, чуждой лжи и каких-либо условностей. Он вспомнил Шопенгауэра, которого читал когда-то, и ему стало ясно, что угрюмый философ глубоко заблуждался. Узнать женщину, как Смок узнал Лабискви, значит понять, что все женоненавистники – душевнобольные.

Лабискви была просто чудо, и, однако, рядом с ее лицом из плоти и крови неизменно вставало, точно огненное видение, лицо Джой Гастелл. Джой была всегда так сдержанна, так владела собой, она подчинялась всем запретам, какие навязала женщине цивилизация, но теперь воображение Смока награждало Джой Гастелл теми же сокровищами души, что открылись ему в Лабискви. Одна лишь возвышала другую, и все женщины всего мира возвысились в глазах Смока благодаря тому, что увидел он в душе Лабискви, в краю снегов, у костра Снасса.

Немало узнал и о самом себе. Он вспомнил все, что знал о Джой Гастелл, и понял, что любит ее. А между тем ему так хорошо, так отратно подле Лабискви. Что же это, если не любовь? Можно ли назвать это чувство иначе, не унизив его? Нет, это любовь. Конечно, любовь. Оказывается, он склонен к многоженству! Это открытие потрясло его до глубины души. Когда-то, живя среди сан-францисской богемы, он слышал разговоры о том, что мужчина может любить сразу двух, даже трех женщин. Тогда он этому не верил. И как мог бы он поверить, не испытав ничего подобного? Но теперь другое дело. Теперь он и впрямь любит сразу двух – и хотя его чувство к Джой Гастелл наверняка сильнее, в иные минуты он готов поклясться, что больше он любит Лабискви.

– На свете, должно быть, много женщин, – сказала она однажды. – И женщины любят мужчин. Вас, наверно, многие женщины любили. Расскажите мне о них.

Смок не ответил.

– Расскажите, – повторила она.

– Я никогда не был женат, – уклончиво ответил он.

– И у вас больше никого нет? Нет за горами другой Изольды?

Вот тут-то Смок и понял, что он трус. Он солгал. Против воли, но все же солгал. Он покачал головой, медленно, ласково улыбнулся – сам не подозревал, сколько нежности отразилось на его лице, когда Лабискви вся просияла от счастья.

Он попытался оправдаться в собственных глазах, успокаивал себя заведомо лицемерными рассуждениями, но он и в самом деле был не настолько спартанец, чтобы безжалостно разбить сердце этой девчонки.

Смущение Смока возрастало еще и из-за Снасса. Ничто не ускользало от черных глаз шотландца, и каждое слово его было исполнено значения.

– Кому приятно видеть свою дочь замужем? – говорил он Смоку. – Человек с воображением во всяком случае к этому не стремится. Это тяжело. Говорю вам, даже думать об этом горько. Но что ж, такова жизнь: Маргерит тоже должна когда-нибудь выйти замуж.

Наступило молчание, и Смок в сотый раз спрашивал себя, что же таится в прошлом Снасса.

– Я человек грубый, жестокий, – продолжал Снасс. – Но закон есть закон, и я справедлив. Мало того, здесь, среди этих первобытных людей, я и закон и судья. Никто не выйдет из моей воли. При этом я отец, и живое воображение всегда было моим проклятием.

К чему велась эта речь, Смок так и не узнал, – ее прервали громкое ворчание и взрыв серебристого смеха, донесшиеся из палатки, где Лабискви играла с недавно пойманным волчонком. Лицо Снасса исказилось от боли.

– Ничего, я это переживу, – угрюмо пробормотал он. – Маргерит должна выйти замуж, и это счастье для меня и для нее, что здесь оказались вы. На Четырехглазого у меня было мало надежды. Мак-Кен был до того безнадежен, что я сплавил его индианке, которая зажигала свой костер двадцать лет подряд. Если бы не вы, пришлось бы выдать ее за индейца. Либаш мог бы стать отцом моих внуков!

В эту минуту из палатки с волчонком на руках показалась Лабискви и подошла к костру, чтобы посмотреть на того, к кому ее словно притягивало магнитом; глаза ее сияли любовью, которую ее никто не научил скрывать.

9

– Слушайте, – сказал Мак-Кен. – Теперь весна, оттепель, снег покрывается настом. Самое время двинуться в путь, только в горах весной бывают снежные бури. Я их хорошо знаю. С другим я бы не рискнул бежать, но с вами решаюсь.

– Где уж вам бежать, – возразил Смок. – Вы всякому будете только обузой. Какой вы мужчина, вы размякли, как кисель. Если уж я сбегу, так побегу один. А пожалуй, и вовсе не сбегу, меня никуда не тянет. Оленина мне по вкусу, и лето уже недалеко, будем есть лососину.

– Ваш приятель умер, – сказал Снасс. – Мои охотники не убивали его. Они нашли его мертвым, он замерз в горах, его там застигли весенние метели. Отсюда никому не уйти. Когда мы отпразднуем вашу свадьбу?

А Лабискви сказала:

– Я смотрю и вижу – в лице и в глазах у вас тоска. Я так хорошо знаю ваше лицо! У вас на шее маленький шрам, под самым ухом. Когда вам хорошо, уголки рта у вас поднимаются вверх. А когда у вас печальные мысли, уголки опускаются вниз. Когда вы улыбаетесь, от глаз идут лучики – три, четыре. Когда смеетесь – шесть. Иногда бывает даже семь, я считала. А теперь нет ни одного. Я не читала книг. Я не умею читать. Но Четырехглазый меня многому научил. Я видела и у него тоску в глазах, точно голод, – тоску по большому миру. Он часто тосковал по тому миру. А ведь у нас он ел вдоволь мяса, и рыбы тогда было много, и ягод, и кореньев, и даже мука была, – нам ее часто приносят Дикобразы и Лусква в обмен на меха. А все-таки ему не хватало того, большого мира. Разве тот мир так хорош, что и вам его недостает? У Четырехглазого ничего не было. А у вас – я. – Она со вздохом покачала головой. – Четырехглазый и умирая тосковал. Может быть, если вы останетесь здесь навсегда, вас тоже убьет тоска по тому миру? Боюсь, что я совсем не знаю, какой он, тот мир. Хотите убежать туда?

Смок не в силах был ответить, лишь уголки его рта дрогнули – и она поняла.

Минуты проходили в молчании; видно было, что Лабискви борется с собой, и Смок проклинал себя за непонятную слабость: как мог он выдать ей свою тоску по свободе, по большому миру – и не сказать о своей любви к другой женщине!

И опять Лабискви вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Я так люблю вас, что даже не боюсь отца, хотя в гневе он страшней, чем снежная буря в горах. Вы рассказали мне, что такое любовь. Это – испытание любви. Я помогу вам убежать отсюда и вернуться в большой мир.

10

Смок проснулся и лежал тихо, не шевелясь. Маленькая теплая рука скользнула по его щеке, мягко легла на губы. Потом мех, от которого так и веяло морозом, зашекотал его лицо, и ему шепну-

ли на ухо одно только слово:

– Идем.

Он осторожно сел и прислушался. Сотни собак по всему становищу уже завели свою ночную песню, но сквозь вой и лай Смок расслышал совсем близко негромкое, ровное дыхание Снасса.

Лабискви тихонько потянула его за рукав, и он понял, что надо следовать за нею. Он взял свои мокасины, шерстяные носки и в спальнях мокасилах неслышно вышел наружу. У погасшего костра, при красноватом отсвете последних угольев, она знаком велела ему обуться, а сама опять скользнула в шатер, где спал Снасс.

Смок нащупал стрелки часов – был час ночи. Совсем тепло, подумал он, не больше десяти ниже нуля. Лабискви вернулась и повела его по темным тропинкам через спящее становище. Как ни осторожно они шли, снег все же поскрипывал под ногами, но этот звук тонул в стоголосой собачьей жалобе: псы самозабвенно выли, им было не до того, чтобы залаять на проходивших мимо мужчину и женщину.

– Теперь можно и разговаривать, – сказала Лабискви, когда последний костер остался в полумиле позади.

Она повернулась к нему – и только сейчас, в слабом свете звезд, Смок заметил, что она идет не с пустыми руками; он дотронулся до ее ноши – тут были его лыжи, ружье, два пояса с патронами и меховые одеяла.

– Я обо всем позаботилась, – сказала она и радостно засмеялась. – Целых два дня я готовила тайник. Я снесла туда мясо, и муку, и спички, и узкие лыжи, на которых хорошо идти по насту, и плетеные лыжи, которые будут держать нас, даже когда снег станет совсем слабый. О, я умею прокладывать тропу, мы пойдем быстро, любимый.

Слова замерли на губах Смока. Удивительно уже то, что она помогла ему бежать, но что она и сама пойдет с ним, этого он никак не ожидал. Растерянный, не зная, как быть дальше, он мягко отнял у нее ношу. Потом, все еще не в силах собраться с мыслями, одной рукой обнял девушку и притянул к себе.

– Бог добрый, – прошептала Лабискви. – Он послал мне возлюбленного.

У Смока хватило мужества промолчать о том, что он хотел бы уйти один. Но прежде, чем он вновь обрел дар речи, образы далекого, многоцветного мира, дальних солнечных стран вспыхнули в его памяти, мелькнули и померкли.

– Вернемся, Лабискви, – сказал он. – Ты станешь моей женой, и мы всегда будем жить с Оленьим народом.

– Нет, нет! – Она покачала головой и вся протестующе выпрямилась в кольцо его рук. – Я знаю. Я много думала. Тоска по большому миру измучит тебя, долгими ночами она будет терзать твое сердце. Она убила Четырехглазого. Она убьет и тебя. Всех, кто приходит сюда из большого мира, грызет тоска. А я не хочу, чтобы ты умер. Мы пойдем на юг и проберемся через снежные горы.

– Послушай меня, дорогая, – уговаривал он, – вернемся!

Она прижала руку в рукавице к его губам, не давая ему продолжать.

– Ты любишь меня? Скажи, любишь?

– Люблю, Лабискви. Ты моя любимая.

И снова ее рука ласково зажала ему рот.

– Идем к тайнику, – решительно сказала Лабискви. – До него еще три мили. Идем.

Смок не трогался с места, она потянула его за руку, но не могла сдвинуть. Он уже готов был сказать ей, что там на юге, его ждет другая...

– Нельзя тебе возвращаться, – заговорила Лабискви. – Я... я только дикарка, я боюсь того большого мира, еще больше я боюсь за тебя. Видишь, все так и есть, как ты мне говорил. Я тебя люблю больше всех на свете. Люблю больше, чем себя. Нет таких слов в индейском языке, чтобы сказать об этом. Нет таких слов в английском языке. Все помыслы моего сердца – о тебе, они яркие, как звезды, и им нет числа, как звездам, и нет таких слов, чтобы о них рассказать. Как я расскажу тебе, что в моем сердце? Вот смотри!

Она взяла его руку и, сняв с нее рукавицу, притянула к себе, под теплый мех парки, прижала к самому сердцу. В долгом молчании Смок слышал, чувствовал каждый удар этого сердца – любовь. А

потом медленно, едва заметно, все еще держа его за руку, она отстранилась, шагнула. Она вела его к тайнику – и он не мог ей противиться. Казалось, это ее сердце ведет его – сердце, которое бьется вот здесь, в его руке.

11

Подтаявший накануне снег за ночь прихватило морозом, и лыжи легко и быстро скользили по прочному насту.

– Вот сейчас за деревьями будет тайник, – сказала Смоку Лабискви.

И вдруг она схватила его за руку, вздрогнув от испуга и изумления. Среди деревьев плясало веселое пламя небольшого костра, а перед ним сидел Мак-Кен. Лабискви что-то сказала сквозь зубы по-индейски, – это прозвучало как удар хлыста, и Смок вспомнил, что Четырехглазый называл ее гепардом.

– Недаром я опасался, что вы сбежите без меня, – сказал Мак-Кен, когда Смок и Лабискви подошли ближе, и его колючие хитрые глаза блеснули.

– Но я следил за девушкой, и когда она припрятала тут лыжи и еду, я тоже собрался в дорогу. Я захватил для себя и лыжи и еду. Костер? Не бойтесь, это не опасно. В становище все спят как убитые, а без огня я бы тут замерз, дожидаясь вас. Сейчас и пойдём?

Лабискви испуганно вскинула глаза на Смока и, тотчас приняв решение, заговорила. В своем чувстве к Смоку она была совсем девочкой, но теперь она говорила твердо, как человек, который ни от кого не ждет совета и поддержки.

– Ты собака, Мак-Кен, – процедила она сквозь зубы, с яростью глядя на него. – Я знаю, что ты задумал: если мы не возьмем тебя, ты поднимешь на ноги все становище. Что ж, хорошо. Придется тебя взять. Но ты знаешь моего отца. Я такая же, как и он. Ты будешь работать наравне с нами. И будешь делать то, что тебе скажут. И если попробуешь устроить какую-нибудь подлость – знай, ты пожалеешь, что пошел.

Мак-Кен посмотрел на нее, и в его свиных глазках мелькнули страх и ненависть, а в глазах Лабискви, обращенных к Смоку, гнев сменился лучистой нежностью.

– Я правильно ему сказала? – спросила она.

Рассвет застал их в предгорьях, отделявших равнину, где обитало племя Снасса, от высоких гор. Мак-Кен намекнул, что пора бы и позавтракать, но они не стали его слушать. Поест можно и позже, среди дня, когда наст подтаит на солнце и нельзя будет идти дальше.

Горы становились все круче, и замерзший ручей, вдоль которого они шли, вел их по все более глубоким ущельям. Здесь не так заметно было наступление весны, хотя в одном из ущелий из-под льда уже выбивалась вольная струя, и дважды они замечали на ветвях карликовой ивы первые набухающие почки.

Лабискви рассказывала Смоку, по каким местам им предстоит идти и как она рассчитывает сбить и запутать погоню. Есть только два выхода из Оленьей страны – на запад и на юг. Снасс немедленно вышлет молодых охотников сторожить обе эти дороги. Но к югу ведет еще одна тропа. Правда, на полпути, среди высоких гор, она сворачивает на запад, пересекает три горных гряды и сливается с главной южной дорогой. Не обнаружив там, на главной южной дороге, следов, погоня повернет назад в уверенности, что беглецы направились на запад; никто не заподозрит, что они осмелились избрать более долгий и трудный путь.

Взглянув через плечо на Мак-Кена, шедшего последним, Лабискви сказала негромко:

– Он ест. Нехорошо.

Смок оглянулся. Ирландец набил карманы оленьим салом и теперь исподтишка жевал на ходу.

– Есть будете только на привале, Мак-Кен, – приказал Смок. – Впереди никакой дичи не будет, всю еду надо с самого начала делить поровну. Ведите себя честно, иначе вы нам не попутчик.

К часу дня наст сильно подтаял, и узкие лыжи стали проваливаться, а еще через час не держали уже и широкие плетеные лыжи. Впервые путники сделали привал и поели. Смок подсчитал запасы съестного. Оказалось, что Мак-Кен захватил с собой совсем мало еды. Его мешок был набит шкурами черно-бурой лисы, и для остального почти уже не оставалось места.

– Я просто не знал, что их так много, – объяснил он. – Я собирался в темноте. Зато они стоят больших денег. Оружие у нас есть, патронов много, набьем дичи – это сколько угодно.

– Волки тебя слопают, это сколько угодно, – с досадой сказал Смок, а глаза Лабискви гневно вспыхнули.

Вдвоем они рассчитали, что провизии хватит на месяц, если строго экономить и не наедаться досыта. Лабискви потребовала, чтобы и ей дали нести часть груза; после долгих споров Смок сдался и разделил всю поклажу на три части, строго определив величину и тяжесть каждого тюка.

На другой день ручей вывел их в широкую горную долину; здесь наст уже сильно подтаял, и они с большим трудом, то и дело проваливаясь, добрались наконец до склона новой горы, где под ногами была более твердая ледяная корка.

– Еще десять минут – и нам бы не перейти равнину, – сказал Смок, когда они остановились передохнуть на обнаженной вершине. – Теперь мы поднялись, должно быть, на тысячу футов.

Но тут Лабискви молча показала вниз, на равнину. Меж деревьев, рассеявшись редкой цепью, темнели пять точек. Они почти не двигались.

– Это молодые охотники, – сказала она.

– Они проваливаются чуть не по пояс, – сказал Смок, – Сегодня им уже не выбраться на твердую дорогу. Мы опередим их на несколько часов. Идемте, Мак-Кен. Да побыстрей. Есть будем, когда уже нельзя будет идти дальше.

Мак-Кен тяжело вздохнул, но в кармане у него уже не было оленьего сала, и он побрел за ними, упорно держась позади.

Они опять шли долиной, но уже значительно выше; здесь солнце растопило наст только к трем часам пополудни, а к этому времени им удалось войти в отбрасываемую горою тень, где снег уже снова подмерзал. Лишь раз они приостановились, достали оленье сало, отобранное у Мак-Кена, и съели его на ходу. Промерзшее мясо затвердело, как камень, его нельзя было есть, не разогрев на огне, а сало крошилось во рту и кое-как утоляло мучительный голод.

Только в девять часов, когда кончились долгие сумерки и под пасмурным небом воцарилась непроглядная темень, они сделали привал в рощице карликовых елей. Мак-Кен ныл и жаловался. Девять лет жизни за Полярным кругом ничему его не научили, по дороге он наглотался снега, его еще мучила жажда и во рту жгло, как огнем. Прикорнув у костра, он стонал и охал, пока Смок с Лабискви разбивали лагерь.

Лабискви была неутомима, Смок только дивился ее живости и выносливости, силе ее духа и тела. Бодрость ее не была напускной. Всякий раз, встретясь с ним глазами, она улыбалась ему и, случайно коснувшись его руки, медлила отнять свою. Но стоило ей взглянуть на Мак-Кена, как лицо ее становилось жестоким, беспощадным и глаза сверкали ледяным, недобрим блеском.

Ночью поднялся ветер, повалил снег; весь день они шли, ослепленные метелью, не разбирая дороги, и не заметили ручейка, по руслу которого надо было свернуть на запад и выйти к перевалу. Еще два дня плутали они по горам то вверх, то вниз, и наконец весна осталась позади – здесь, наверно, все еще властвовала зима.

– Теперь охотники потеряли наш след, почему бы нам не отдохнуть денек? – упрашивал Мак-Кен.

Но отдыха нельзя было себе позволить. Смок и Лабискви хорошо сознавали опасность. Они заблудились высоко в горах, где не видно было никакого следа и признака дичи. День за днем пробирались они в холодном каменном хаосе, в лабиринте ущелий и долин, которые почти никогда не приводили на запад. Попав в такое ущелье, они вынуждены были идти до конца: по обе стороны вздымались обледенелые вершины и отвесные скалы, грозные и неприступные. Нечеловечески тяжел был их путь, холод отнимал силы, и все же пришлось еще уменьшить дневную порцию пищи.

Однажды ночью Смока разбудил шум борьбы. В той стороне спал Мак-Кен, и слышно было, как он хрипит и задыхается. Смок ногой разворошил костер, и вспыхнувшее пламя осветило Лабискви: схватив ирландца за горло, она пыталась вырвать у него изо рта кусок мяса. Смок увидел, как рука Лабискви метнулась к бедру, и в ней блеснуло лезвие ножа.

– Лабискви! – властно позвал он.

Ее рука застыла в воздухе.

– Не надо, – сказал он, подойдя к ней.

Дрожа от гнева, она помедлила еще мгновение, потом рука ее нехотя опустилась и вложила нож в ножны. Словно опасаясь, что не совладает с собой, она отошла к костру и подбросила хворосту в огонь. Мак-Кен сел и, раздираемый страхом и яростью, плаксиво и злобно забормотал в свое оправдание что-то невнятное.

– Где вы взяли мясо? – спросил Смок.

– Обыщи его, – сказала Лабискви.

Это были ее первые слова, голос ее прерывался от гнева, она с трудом сдерживала себя.

Мак-Кен пытался отбиваться, но Смок взял его железной хваткой, обыскал и вытащил кусок оленины – Мак-Кен запрятал его под мышкой, чтобы отогреть. Тут внезапный вскрик Лабискви заставил его оглянуться. Она бросилась к мешку Мак-Кена и развязала его. Вместо мяса из мешка посыпался мох, хвоя, щепки, – всю эту дрянь он напихал туда, чтобы его изрядно полегчавшая ноша сохраняла прежний вид и размеры.

Лабискви вновь схватилась за нож и кинулась на вора, но Смок удержал ее, и она поникла в его объятиях, всхлипывая от бессильной ярости.

– Любимый мой, я ведь не из-за еды! – задыхаясь, говорила она. – Я о тебе, это твоя жизнь. Собака! Это он тебя, тебя пожирает!

– Ничего, мы еще поживем, – успокаивал ее Смок. – Теперь он понесет муку. Не станет же он есть ее сырой, а если попробует, я сам его убью, потому что он пожирает и твою жизнь, не только мою. – Он притянул Лабискви к себе. – Родная, убийство оставь мужчинам. Убивать – не женское дело.

– Ты бы не стал меня любить, если б я убила этого пса? – удивилась она.

– Любил бы не так сильно, – уклончиво ответил Смок.

Лабискви вздохнула.

– Хорошо, – покорно сказала она, – я его не убью.

12

Охотники неумолимо преследовали их. Они прекрасно знали эти места, к тому же им сопутствовала удача; раз напав на занесенный метелью след, они его уже не упускали. Когда выпадал снег, Смок и Лабискви всячески старались сбить преследователей с толку, поворачивали на восток, хотя перед ними была дорога на юг или на запад, карабкались на высокую гору, когда можно было выбрать не такой крутой подъем. Не все ли равно, ведь они уже заблудились. Но им не удавалось избавиться от погони. Иной раз они день-два не видели индейцев, но всякий раз молодые охотники Снасса появлялись опять. После снегопада, когда заметало все следы, они кидались в разные стороны, как стая гончих, и тот, кто первым вновь нападал на след, зажигал костер, дымом подавая знак своим товарищам.

Смок потерял счет времени, дням и ночам, метелям и привалам. Это был долгий, беспросветный кошмар, полный мук и тяжелого труда, и все же они шли вперед и вперед, и Мак-Кен, спотыкаясь, плелся позади, бормоча что-то о Сан-Франциско, своей заветной мечте. Они шли – и гигантские остроконечные вершины, суровые и невозмутимые, вставали над ними, уходя в ледяную синеву небес. Они то скользили по мрачным ущельям, среди отвесных скал, где на крутизне даже снег не держался, то пробирались оледенелыми долинами, по насквозь промерзшим озерам. Однажды ночью, в короткую передышку между двумя снежными бурями, они увидели в небе огненный отсвет далекого вулкана. Никогда больше они его не видели и даже спрашивали себя, не померещилось ли им в тот раз.

Наст заносило толстым слоем рыхлого снега, потом снег покрывался ледяной коркой, и ее вновь заносило снегом. Местами, в глубоких ущельях и долинах, они шли по толще снега во много сотен футов, а местами, в узких расселинах, где дуло, как в трубе, пересекали небольшие ледники, подметенные ветром начисто, до последней снежинки. Точно безмолвные призраки, они проползали по нависшим снеговым глыбам, готовым каждую секунду обрушиться лавиной, или просыпались среди ночи от грохота обвалов. На высотах, где уже не было ни леса, ни кустарника, они не могли

развести огонь на привале, – надо было теплом собственного тела отогреть замороженное мясо, чтобы поесть. И все время Лабискви оставалась верна себе. Она была неизменно бодра и весела, только на Мак-Кена глядела без улыбки, и ни холод, ни оцепенение безмерной усталости не могли заглушить ее любви к Смоку.

Зорче кошки следила она за распределением их скудных припасов, и Смок видел, что каждый глоток Мак-Кена выводит ее из себя. Однажды она сама взялась делить еду, и точас Мак-Кен разразился неистовыми протестами: не только ему, но и себе она положила гораздо меньше, чем Смоку. После этого Смок всегда сам делил еду. Как-то всю ночь шел снег, и наутро небольшая лавина снесла их на сто ярдов по склону горы; они выбрались из-под снега задохнувшиеся, но невредимые. Однако при этом потерялся мешок Мак-Кена, где была вся их мука. Тотчас второй обвал похоронил этот мешок под снегом уже навсегда. И хоть беда случилась не по вине Мак-Кена, Лабискви с тех пор даже не смотрела в его сторону; Смок понимал, что она боится не совладать с собой.

13

Стояло утро, вокруг была какая-то особенная, ничем не нарушаемая тишина, синело над головой безоблачное небо, ослепительно сверкало под солнцем снег. Они брели вверх по обледенелому откосу, которому не было ни конца, ни края, – брели медленно, точно усталые тени в этом ледяном, безжизненном мире. Ни звука, ни ветерка, все вокруг застыло и замерло. За сотни миль на горизонте вставал зубчатый хребет Скалистых Гор с острыми вершинами, видимыми так отчетливо, словно до них было каких-нибудь пять миль.

– Что-то будет... – прошептала Лабискви. – Ты чувствуешь? Что-то надвигается... Смотри, все так странно вокруг!

– Меня пробирает дрожь, – ответил Смок, – но это не от холода. И не от голода.

– Дрожь в мозгу, в сердце! – подхватила Лабискви. – Вот и у меня тоже.

– Нет, это не внутри, – определил Смок. – Как будто тебя покалывает ледяными иголками. Я чувствую это всей своей кожей, каждым нервом.

Минут через пятнадцать они остановились передохнуть.

– Дальних гор больше не видно, – сказал Смок.

– Воздух какой-то густой, тяжелый, – сказала Лабискви. – Дышать тяжело...

– Три солнца! – хрипло пробормотал Мак-Кен, зашатался и крепче стиснул палку, чтобы не упасть.

Два ложных солнца появились по обе стороны настоящего.

– Пять, – сказала Лабискви.

Они стояли и смотрели, и все новые солнца вспыхивали у них перед глазами.

– Господи, да их не сосчитать! – в страхе крикнул Мак-Кен.

И правда – куда ни глянь, полнеба пылало и сверкало слепящими вспышками все новых солнц.

Вдруг Мак-Кен издал пронзительный вопль изумления и боли.

– Жжет! – крикнул он и снова взвыл от боли.

Потом вскрикнула и Лабискви, и Смоку словно вонзилась в лицо ледяная игла, его обожгло, точно кислотой. Он вспомнил, как когда-то, купаясь в море, ожегся о ядовитые стрекала медузы-сифонофоры. Ощущение было настолько сходное, что он машинально провел рукой по щеке, пытаясь отбросить жгучие нити.

Внезапно раздался до странности глухой выстрел. Внизу под откосом стояли на лыжах молодые индейцы и один за другим стреляли по беглецам.

– Разойдемся! – крикнул Смок. – Лезте вверх, в этом спасение! Мы уже почти на вершине. Они на четверть мили ниже нас, сейчас мы перевалим, пойдем под гору и далеко их опередим!

Все трое кинулись врассыпную и изо всех сил стали карабкаться вверх по снежному откосу. Невидимые воздушные жала кололи и жгли им лица. Приглушенные выстрелы странно отдавались в ушах.

– Слава богу, – задыхаясь, проговорил Смок, – у четверых из них мушкеты, только у одного винчестер. И все эти солнца не дают им целиться. Они никак не рассчитают. Мажут на добрых сто

футов.

– Видишь, отец вне себя, – отозвалась Лабискви. – Он приказал нас убить.

– Как странно, – сказал Смок, – твой голос звучит как будто очень издалека.

– Закрой рот! – крикнула вдруг Лабискви. – Не говори, молчи! Я знаю, что это. Закрой рот рукавом, вот так, и молчи.

Мак-Кен упал первым и через силу поднялся. И потом все они падали вновь и вновь, пока не добрались до вершины. Они не могли понять, почему руки и ноги не повинуются им, все тело онемело, движения стали медленными, тяжелыми. Достигнув вершины, они оглянулись и увидели, что индейцы, поминутно спотыкаясь и падая, карабкаются вслед за ними.

– Им не дойти сюда, – сказала Лабискви. – Это белая смерть. Я ее никогда не видела, но я знаю. О ней рассказывали старики. Скоро поднимется туман – не такой, как все туманы, как бывает вечером, или перед рассветом, или в сильный мороз. Мало кто видел его и остался в живых.

Мак-Кен начал задыхаться и хватать ртом воздух.

– Закройте рот! – прикрикнул на него Смок.

Слепящий свет залил все вокруг, и Смок опять поднял глаза к бесчисленным солнцам. Они мерцали, затуманивались. В воздухе плясали мельчайшие огненные искры. Вершины гор, даже самые близкие, исчезли в этом странном и страшном тумане, и молодые индейцы, все еще упрямо пробивавшиеся вверх, к беглецам, утонули в нем. Мак-Кен опустил в снег, сел на корточки и закрыл лицо руками.

– Вставайте, пойдем, – приказал Смок.

– Не могу, – простонал Мак-Кен.

Согнувшись в три погибели, он раскачивался из стороны в сторону. Смок направился к нему, медленно, с трудом, огромным усилием воли преодолевая оцепенение, сковавшее каждый мускул. Он отметил, что мысли его ясны. Только тело словно поражено непонятным недугом.

– Оставь его, – сердито пробормотала Лабискви.

Но Смок упорствовал; он поднял ирландца на ноги и повернул лицом к склону, по которому им предстояло спуститься. Потом подтолкнул его, и Мак-Кен, то правя, то притормаживая своей палкой, понесся на лыжах вниз и скрылся в сиянии алмазной пыли.

Смок посмотрел на Лабискви, и она улыбнулась ему, хотя еле стояла на ногах. Он кивнул ей, давая знак спускаться, но она подошла ближе – и почти рядом, в каком-нибудь десятке футов друг от друга, они одновременно помчались вниз сквозь жгучее и жалящее холодное пламя.

Как ни тормозил Смок, он был много тяжелее Лабискви и потому, опередив ее, понесся под гору с ужасающей быстротой; ему удалось задержаться лишь далеко внизу, на ровном оледенелом плоскогорье. Здесь он дождался Лабискви, и они пошли рядом; шли все медленнее и наконец уже еле передвигали ноги. Оцепенение все больше овладевало ими, и, несмотря на отчаянные усилия, они ползли, как улитки. Они прошли мимо Мак-Кена, который опять скорчился на снегу, не сняв лыж, и Смок на ходу палкой заставил его подняться.

– Нужно остановиться, с трудом прошептала Лабискви, – иначе мы умрем. Нужно укрыться, так говорят старики.

Она не стала развязывать узлы, а для скорости перерезала ремни, стягивавшие мешок. Смок тоже разрезал ремни своего мешка, и, в последний раз взглянув на смертоносный туман и на бесчисленные солнца, они завернулись с головой в свои одеяла и крепко обнялись. Потом кто-то натолкнулся на них и упал, они услышали всхлипывания, брань, оборвавшуюся отчаянным, раздирающим кашлем, и поняли, что рядом свалился Мак-Кен.

Потом и их стало мучить удушье, внезапные, неуправляемые приступы сухого кашля раздирали грудь, сотрясали все тело. Смок почувствовал, что у него начинается жар, Лабискви тоже лихорадило все сильнее. Чем дальше, тем чаще и мучительнее становились припадки кашля, и только под вечер худшее миновало. Понемногу дышать становилось легче, и в промежутках между приступами они засыпали, обессиленные.

А Мак-Кен кашлял все громче, надрывнее, они слышали его стоны и вопли и поняли, что он без сознания. Один раз Смок попытался сбросить с себя мех, но Лабискви обхватила его обеими руками.

– Нет, нет! – умоляла она. – Нельзя раскрываться, это смерть. Лежи вот так, прислонись ко мне

лицом и дыши медленно, тихо, вот так, как я, и молчи.

Они дремали, лежа в темноте, приступы кашля слабели, и все же всякий раз они кашлем будили друг друга. Уже за полночь, по расчетам Смока, Мак-Кен раскашлялся в последний раз. Потом он начал стонать – глухо, непрерывно, как больное животное.

Смок проснулся от того, что губы Лабискви коснулись его губ. Ее руки обвивали его, голова его лежала у нее на груди. Голос Лабискви звучал весело и звонко, как всегда, в нем больше не было глухих, незнакомых нот.

– Вот уже и день, – сказала она, приподнимая мех, закрывавший их лица. – Смотри, любимый, вот уже и день. И мы с тобой живы и не кашляем больше. Давай встанем, посмотрим, что делается вокруг, хотя я могла бы остаться так с тобою на веки вечные. Этот последний час мне было так хорошо. Я не спала и смотрела на тебя, я так тебя люблю.

– Мак-Кена совсем не слышно, – сказал Смок. – А что случилось с охотниками, почему они не нашли нас?

Он откинул мех, огляделся и увидел в небе лишь одно самое обыкновенное солнце. Дул легкий ветерок, еще прохладный, но обещавший в недалеком будущем теплые дни. Весь мир снова стал простым и обычным. Мак-Кен лежал навзничь, его невымытое, почерневшее от дыма костров лицо окоченело, застыло как мрамор. Лабискви это зрелище ничуть не взволновало.

– Посмотри! – воскликнула она. – Овсянка. Это добрый знак.

Погони нигде не было видно – молодые индейцы либо погибли там, за перевалом, либо повернули назад.

14

Еды у них оставалось совсем мало, они не смели съесть и десятой доли того, что им было необходимо, сотой доли того, что им хотелось съесть; много дней блуждали они по скалистой пустыне, отупевшие, полуживые, точно во сне. Порой Смок ловил себя на том, что лепечет что-то бессмысленное и несвязное, уставясь на нескончаемые, нанавистные снежные вершины. И снова

– казалось, через века – он приходил в себя от звука собственного голоса, бормотавшего что-то. Лабискви тоже почти все время была как в бреду. Они двигались машинально, ничего не сознавая. И все время они стремились на запад, и все время покрытые снегом неприступные вершины преграждали им путь, сплошные каменные стены вставали наперерез, заставляя сворачивать то к северу, то к югу.

– На юге выхода нет, – говорила Лабискви. – Старики знают. Надо идти на запад, только на запад.

Охотники Снасса больше не преследовали их, но голод гнался за ними по пятам.

Однажды вновь похолодало, повалил снег, даже не снег, а какая-то морозная пыль, сухая и сыпучая, как песок. Так продолжалось весь день и всю ночь и еще два дня и две ночи. Нельзя было и шагу ступить, пока на весеннем солнце этот сыпучий покров не подтает и не подернется за ночь настом, – они лежали, закутавшись в свои меха, и отдыхали, и поэтому ели еще меньше, чем всегда. Так ничтожно мала была теперь дневная порция съестного, что она не успокаивала муки голода, терзавшие желудок, а еще больше мозг. И вот Лабискви, разом проглотив свою обычную долю – крохотный кусочек мяса, – вдруг с пронзительным радостным вскриком, всхлипывая и лепеча что-то, как зверек, накинулась на завтрашнюю порцию и жадно впилась в нее зубами.

И тут Смок увидел нечто поразительное. Вкус мяса привел Лабискви в себя. Она выплюнула жалкий кусочек мяса и яростно, изо всей силы ударила стиснутым кулаком по своим согревшим губам.

И еще много удивительного дано было Смоку увидеть в те дни. После долгого снегопада поднялся вихрь, подхватил сухие, мелкие снежинки и закружил их, как самум кружит песок в пустыне. Всю ночь бушевала эта снежная буря; потом настал ясный, ветреный день, и при свете его Смок огляделся; на глаза его наворачивались слезы, голова кружилась, и ему казалось, что он спит или грезит. Со всех сторон высились остроконечные пики, громадные и поменьше, то одинокие, как часовой, то по нескольку сразу, точно титаны, которые сошлись на совет. И над каждой горной вершиной

режали, развевались на многие мили, полыхали в лазурном небе гигантские снежные знамена, молочного-белые, туманные, переливающиеся светом и тенями, пронизанные серебром солнечных лучей.

– «Я ныне господу узрел, грядущего во славе», – запел Смок, глядя на эти полотнища снежной пыли, развеваемые ветром, точно шелковые небесные стяги, излучающие свет.

Он смотрел и смотрел, а увенчанные знаменами снежные вершины не исчезали, и все же ему казалось, что это только сон, но тут Лабискви поднялась и присела.

– Я сплю и вижу сны, Лабискви, – сказал он. – Посмотри. Может быть, и тебе снится тот же сон?

– Это не сон, – ответила она. – Старики рассказывали мне и об этом. Значит, скоро подует теплый ветер и мы не погибнем, мы пойдем на запад – и дойдем.

15

Смок застрелил овсянку, и они разделили ее. Потом в долине, среди ив, на которых, хоть они и стояли в снегу, уже набухали почки, он подстрелил зайца. И наконец однажды он убил тощую белую ласку. Но больше дичи им не попадалось – ни одного живого существа, только раз высоко над головой они увидели стаю диких уток, летящих на запад, на Юкон.

– Ниже, в долинах, уже лето, – сказала Лабискви. – Скоро лето настанет и здесь.

Лицо ее исхудало, но большие, сияющие глаза стали еще больше, сияли еще ярче, и вся она светлела при одном взгляде на Смока, поражая его какой-то дикой, неземной красотой.

Дни становились длиннее, снег начал оседать. Каждый день покрывавшая его ледяная корка таяла, каждую ночь его вновь схватывало морозом; беглецам приходилось пускаться в путь с рассветом и идти до поздней ночи, а среди дня, когда подтаявший наст проваливался, не выдерживая их тяжести, делать привал. Смока временно поразила снежная слепота, и Лабискви, обвязавшись ремнем вокруг талии, повела его за собой, точно на буксире. А когда она сама ослепла от сверкающего снега, уже он повел ее за собою, обвязавшись ремнем. Полумертвые от голода, они все глубже погружались в какой-то сон наяву и все шли и шли по этой воскресающей после зимы, но пустынной земле, где они были единственными живыми существами.

Как ни изнурен был Смок, он теперь засыпал со страхом, – горькие и страшные сны преследовали его в этом безумном сумеречном краю. Вечно ему снилась еда, вечно она была перед ним, у самых губ, – и в последний миг коварный властитель снов отнимал ее у него. Он задавал обеды своим старым сан-францисским друзьям и сам жадно и нетерпеливо следил за всеми приготовлениями, сам украшал стол гроздьями винограда с багряными осенними листьями. Гости запаздывали, и, пока он здоровался с ними, смеялся, отвечал шутками на шутки, его терзало одно желание – скорее сесть за стол. И вот он крадется к столу, никем не замеченный, хватает пригоршню черных спелых маслин – и, обернувшись, видит перед собою нового гостя. Остальные окружают его, и снова смех, шутки, остроты, и все время его сводит с ума мысль о спелых маслинах, которые он зажал в кулаке.

Он давал немало таких обедов и всякий раз оставался ни с чем. Он посещал пиршества достойные Гаргантюа, где толпы гостей поедали без счета целые туши зажаренных быков, выхватывая их из огромных жаровен и острыми ножами отрезая сочные ломти дымящегося мяса. Он стоял, разинув рот, и смотрел снизу вверх на длинные ряды индеек, – их продавали лавочники в белых фартуках. И все покупали их, кроме Смока, а он никак не мог перейти оживленную, людную улицу и все стоял, как прикованный, и смотрел разинув рот. Вот он снова ребенок, он сидит на слишком высоком стуле, размахивая ложкой, а перед ним в больших мисках – молоко и хлеб, и ему никак до них не дотянуться. То он гнался по горным пастбищам за пугливыми телками и долгие века мучился в тщетном усилии поживиться молоком, то в зловонных подземельях дрался с крысами за объедки и отбросы. Любая пища сводила его с ума, и он бродил по просторным конюшням, где на целые мили тянулись стойла, в них стояли откормленные кони, и он искал, где же ведра и кормушки, куда им насыпают отруби и овес, – искал и не находил.

Только один-единственный раз сон не обманул его. Он спасся от кораблекрушения, или, быть может, его высадили на необитаемый остров, и вот, изголодавшийся, он борется с грозным тихоокеанским прибоем, отдирает от скал двустворчатые раковины и тащит их на отмель, где вдоволь сухих

водорослей, выброшенных волнами. Он разводил костер и кладет свою драгоценную добычу на уголья. Из раковин бьет пар, створки раскрываются, видна мякоть, розовая, точно лососина. Теперь они готовы, и здесь некому выхватить кусок у него изо рта. Наконец-то, думает он сквозь сон, наконец-то сон сбывается. На этот раз он поест. Он был так уверен в этом – и все же сомневался и уже готов был к неминуемому разочарованию: вот сейчас видение исчезнет... Но наконец нежно-розовая мякоть, горячая, сочная, у него во рту. Он вонзил в нее зубы. Он ест! Чудо совершилось! Это разбудило его. Он проснулся во мраке, лежа на спине, и услышал, что бормочет, и взвизгивает, и мычит от радости. Челюсти его двигались, он жевал, во рту у него было мясо. Он не шевельнулся, и скоро тонкие пальцы дотронулись до его губ и в рот ему проскользнул новый крохотный кусочек мяса. Но теперь он не стал есть – и больше от этого, чем от того, что он рассердился, горько заплакала Лабискви и еще долго всхлипывала в его объятиях, пока наконец не уснула. А он лежал без сна, изумляясь, как чуду, силе женской любви и величию женской души.

И вот кончились их последние припасы. Непрístupные вершины остались позади, уже не так круты были невысокие перевалы, наконец-то открывался перед ними путь на запад. Но и силы их пришли к концу, еды не осталось ни крошки, и однажды, проснувшись поутру, они не смогли встать. Смок кое-как поднялся на ноги, упал – и уже ползком, на четвереньках стал разводить костер. Но все попытки Лабискви оказались тщетными, – всякий раз она снова падала, совсем обессиленная. Смок упал подле нее, слабая усмешка тронула его губы, – зачем же он как заведенный, старается разжечь никому не нужный костер? Готовить нечего и греться не надо – тепло. Ласковый ветерок вздыхает в ветвях елей, и отовсюду из-под исчезающего на глазах снега доносится звон и пение невидимых ручейков.

Лабискви лежала неподвижно, почти без дыхания, и минутами Смоку казалось, что она уже мертва. К концу дня его разбудило беличье цоканье. Волоча за собой тяжелое ружье, он потащился по талому, размякшему снегу. Он то полз на четвереньках, то вставал и, шагнув к белке, падал и растягивался во всю длину, а белка сердито цокала и неторопливо, словно дразня, уходила от него. У него не было сил быстро вскинуть ружье и выстрелить, а белка ни минуты не сидела спокойно. Не раз Смок падал в снежную слякоть и плакал от слабости. И не раз огонек жизни готов был угаснуть в нем и на него обрушивалась тьма. Он не знал, сколько времени пролежал в обмороке в последний раз, но когда очнулся, был уже вечер, он весь продрог, и мокрая одежда, заледенев на нем, примерзла к насту. Белка исчезла, и, усталый, измученный, он все же кое-как приполз назад к Лабискви. Он так ослабел, что проспал всю ночь мертвым сном и никакие сновидения не тревожили его.

Солнце уже поднялось, все та же белка стрекотала в ветвях, когда он проснулся оттого, что рука Лабискви коснулась его щеки.

– Положи руку мне на сердце, любимый, – сказала она ясным, но еле слышным голосом, прозвучавшим словно издалека. – В моем сердце – любовь, моя любовь в твоей руке.

Казалось, прошли часы, прежде чем она снова заговорила:

– Помни, на юг дороги нет. Олений народ хорошо это знает. Иди на запад... там выход... ты почти дошел... ты дойдешь...

Смок забылся сном, похожим на смерть, но еще раз Лабискви разбудила его.

– Поцелуй меня, – сказала она. – Поцелуй, и я умру.

– Мы умрем вместе, любимая, – ответил он.

– Нет! – Чуть заметным, бессильным движением руки она заставила его замолчать.

Слабый голос ее звучал едва слышно, и все же Смок расслышал каждое слово. С трудом дотянувшись до капюшона своей парки, она вытащила из его складок небольшой мешочек и вложила ему в руку.

– А теперь поцелуй меня, любимый. Поцелуй меня и положи руку мне на сердце.

Он прижался губами к ее губам, и снова тьма нахлынула на него, а когда сознание вернулось, он понял, что теперь он один и скоро умрет. И он устало обрадовался тому, что скоро умрет.

Он ощутил под рукой мешочек и, мысленно посмеиваясь над своим любопытством, потянул завязки. Из мешочка посыпались крохи съестного. Он узнал каждую крошку, каждый кусочек – все это Лабискви украла сама у себя. Тут были остатки лепешек, припрятанные давным-давно, когда еще

Мак-Кен не потерял мешка с мукой; надкусанные ломтики и обрезки оленьего мяса и крошки оленьего сала; задняя нога зайца, даже не тронутая; задняя ножка белой ласки и часть передней ножки; лапка овсянки и ее крылышко, которое Лабискви надкусила, но не стала есть... жалкие огрызки, трагические жертвоприношения: она отдавала свою жизнь, эти крохи отнимала у нее, терзаемая голодом, безмерная любовь.

С безумным смехом он отбросил все это на лед и снова забылся.

Ему приснился сон. Юкон пересох. Он бродил по обнажившемуся дну, среди грязных луж и изодранных льдами скал, подбирая крупные самородки. Их тяжесть начинала утомлять его, но тут он открыл, что они съедобные. И он стал жадно есть. В конце концов что толку было в золоте, которое люди ценят так высоко, если бы им нельзя было насытиться?

Когда Смок проснулся, настал новый день. Глаза уже не застилала пелена. Он больше не ощущал знакомой голодной дрожи во всем теле. Радостная легкость пронизывала все его существо, точно в него вливалась весна. Блаженное чувство охватило его. Он обернулся, чтобы разбудить Лабискви, увидел ее и вспомнил все. Он стал искать глазами крохи пищи, которые накануне разбросал по снегу. Они исчезли. И он понял, что это и были золотые самородки его сна, его бреда. В бреду, во сне он вернулся к жизни, ибо Лабискви отдала ему свою жизнь; она вложила ему в руку свое сердце и открыла ему глаза на тайну, имя которой – душа женщины.

Он поразился тому, что может двигаться с такой легкостью, – у него хватило сил отнести ее закутанное в меха тело к обнажившемуся на солнце песчаному откосу, подрубить его топором и похоронить Лабискви под обвалом.

Три дня, не имея больше ни крошки во рту, он пробирался на запад. На третий день он свалился под одинокой елью на берегу большой реки, уже свободной ото льда, и понял, что это Клондайк. Слабость и забытие одолевали его, но он еще успел развязать свою поклажу, улыбнуться на прощанье сияющему миру и закутаться в одеяло.

Разбудило его сонное попискивание. Уже наступили сумерки. В ветвях ели у него над головой примостились на ночлег белые куропатки. Острый голод заставил его действовать, хотя все движения его были бесконечно медленны. Долгих пять минут прошло, пока ему удалось наконец поднять ружье к плечу, еще пять минут, лежа на спине, он старательно целился вверх и все не решался спустить курок. Потом выстрелил и промахнулся. Ни одна куропатка не упала, но ни одна и не улетела. Они только сонно, бессмысленно копошились и шуршали в ветвях. Плечо у него болело. Второй выстрел пропал, потому что он невольно вздрогнул от боли, нажимая курок. Должно быть, в один из этих трех дней он упал и расшиб плечо, хотя никак не мог вспомнить, когда и как это случилось.

Куропатки не улетели. Он свернул одеяло, осторожно засунул его между правым боком и рукой. Уперев приклад ружья в этот меховой сверток, он выстрелил еще раз, и с дерева упала куропатка. Он жадно схватил ее, но мяса почти не оказалось, – пуля крупного калибра вырвала его, оставив только жалкий комок измятых перьев. А куропатки все не улетали, и он решил: стрелять – так только в голову! Теперь он целил только в голову. Он заряжал все снова и снова... Мимо... Попал! Глупые куропатки, которым лень было улететь, дождем посыпались на него – он отнимал у них жизнь, чтобы утолить свой голод, чтобы жить. Их было девять, и вот наконец он свернул голову девятой. И потом долго лежал, не шевелясь, и сам не понимал, почему он и смеется и плачет.

Первую куропатку он съел сырую. Потом лег и уснул, и эта поглощенная им жизнь вернула к жизни его тело. Среди ночи он проснулся, мучимый голодом, и у него хватило сил развести огонь. До самого рассвета он жарил куропаток и ел, и его стосковавшиеся от безделья челюсти перетирали в порошок хрупкие косточки. Потом он весь день спал, проснулся среди ночи и снова уснул, и солнце нового дня разбудило его.

С удивлением он увидел, что костер ярко разгорелся, пожирая свежую порцию хвороста, а сбоку на углях стоит закопченный кофейник, окутанный облаком пара. У огня, так близко, что Смок мог дотянуться до него рукой, сидел Малыш, курил самокрутку и пристально всматривался в лицо друга. Губы Смока дрогнули, но ему не удалось выговорить ни слова: что-то перехватило горло, в груди закипали слезы. Он протянул руку за самокруткой и жадно вдохнул дым, еще и еще.

– Давно я не курил, – негромко, спокойно сказал он наконец. – Очень, очень давно.

– И не ел, как видно, вон до чего отощал, – ворчливо прибавил Малыш.

Смок кивнул и показал на белые перья куропаток, раскиданные вокруг.

– Зато недавно поел, – ответил он. – Вот от чашки кофе я бы не отказался. Я уже забыл, какой у него вкус. И от лепешек не откажусь и от сала.

– И от бобов? – подсказал Малыш.

– Ну, бобы – это пища богов! Оказывается, я опять изрядно проголодался.

Один стряпал, другой ел – и между делом они коротко рассказали друг другу, что с каждым произошло с тех пор, как они расстались.

– Клондайк вскрылся, – сказал в заключение Малыш, – надо было дожидаться, пока пройдет лед. Собрал я шестерых ребят – молодец к молодцу, ты их всех знаешь, – снарядили мы две лодки. Двинулись полным ходом, где шестами отпихивались, где бечевой тянули, где волоком волокли. Но на водопадах пришлось бы застрять на целую неделю. Тут я оставил ребят перетаскивать лодки через скалы. Чуяло мое сердце, что надо поторапливаться. Прихватил побольше еды и пошел. Я так и знал, что отыщу тебя где-нибудь тут еле живого.

Смок кивнул и крепко стиснул Малыша.

– Что ж, пойдем, – сказал он.

– Ну нет, дудки! – возмутился Малыш. – Мы с места не двинемся по крайней мере дня два. Тебе надо отдохнуть и подкормиться.

Смок покачал головой.

– Да ты посмотри на себя, – уговаривал Малыш.

Зрелище было неутешительное. Смोक оброс бородой, но видно было, что лицо у него жестоко обморожено – черно-багровое и все в струпьях. Щеки провалились, и даже сквозь бороду и усы, кажется, можно было пересчитать все зубы под натянувшейся кожей. Так же туго она обтягивала и лоб и скулы под глубоко запавшими глазами. Клочковатая борода была не золотистая, как бы ей полагалось, а грязно-черная, опаленная у костров на привалах, и вся в копоти.

– Давай укладывай вещи, – сказал Смोक. – Мне надо идти.

– Ты же слаб, как младенец. Ты не можешь и шагу ступить. И что за спешка?

– Малыш, я иду за тем, что всего дороже на Клондайке, и я не могу ждать. Вот и все. Давай укладывайся. Дороже этого нет ничего в целом мире. Перед этим ничто золотые озера и золотые горы, и жизнь, полная приключений, это даже лучше, чем быть настоящим мужчиной и питаться медвежатиной.

У Малыша глаза на лоб полезли от изумления.

– Боже милостивый, – сказал он хрипло. – Да ты что? Совсем спятил?

– Вовсе нет. Наверно, человеку не мешает хорошенько поголодать, и тогда у него раскроются глаза. Во всяком случае, я научился видеть. Я увидел такое... Прежде мне и не снилось, что это возможно. Теперь я знаю, что такое женщина.

Малыш уже открыл рот, губы его насмешливо вздрагивали, глаза смеялись, но Смोक не дал ему состричь.

– Не надо, – сказал он мягко. – Ты не знаешь, а я знаю.

И Малыш удержался от шутки.

– Ха, – сказал он, – мне и гадать не надо, и так ясно, кто она. Все кинулись осушать Нежданное озеро, а Джой Гастелл и с места не тронулась. Она сидит в Доусоне и ждет, когда я вернусь и привезу тебя. А если не привезу, она поклялась продать все, что у нее есть, и нанять целую армию охотников, и отправиться в Оленью страну, и вышибить дух из старика Снасса и всей его орды... Но постой, куда же ты, дай я хоть уложусь, пойдем вместе!